

Том 16, № 3 • 2026

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2619-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Вестник
Финансового университета

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

Bulletin
of Financial University

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Vol. 16, No. 3 • 2026

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научно-практический журнал
Том 16, № 3 (81), 2026
Издается с 2016 года

Периодичность: 6 раз в год

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2619-1482 (Online)

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»: 44090
Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС77-6707 от 15 сентября 2016 г.

Учредитель и издатель:
**Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации**
125167, Российская Федерация, Москва,
Ленинградский проспект, 49
+7 (499) 553-10-74
aaizvekova@fa.ru
humanities.fa.ru

«Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета» — рецензируемый научно-практический журнал в области общественных и гуманитарных наук, сочетающий в себе фундаментальные исследования и практическую составляющую, в котором публикуются оригинальные научные статьи, обзоры, аналитические материалы на русском языке по актуальным вопросам социологии (структура, институты, процессы), истории и теории политики, политических процессов (технологии, отрасли, институты), международных отношений, философии (история, социальная и политическая философия).

Журнал «Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета» включен в Единый государственный перечень научных изданий — «Белый список», индексируется в базах данных: РИНЦ, Ebsco, RePec, eLibrary.ru Специальности ВАК:

- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.5.1. История и теория политики
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики
- 5.5.4. Международные отношения
- 5.7.2. История философии
- 5.7.7. Социальная и политическая философия
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Главный редактор **А.Б. Шатилов**
Выпускающий редактор **А.А. Извекова**
Корректор **Н.В. Колобова**
Верстальщик **Е.А. Смирнова**
Переводчик **И.М. Евстратов**

Отпечатано в ООО «Коми Республиканская типография», г. Сыктывкар, ул. Савина, д. 81.
Тираж 500 экз. I завод — 50 экз.
Формат 60 x 84 1/8.
Заказ № 26-2861
Подписано в печать: 18.05.2026
Дата выхода в свет: 18.06.2026

© Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, заместитель научного руководителя — директор Музея Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории НИЯУ МИФИ, Москва, Российская Федерация

Байчунь Ч., доктор философских наук, иностранный член РАН РФ, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГГУ, Москва, Российская Федерация

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Елишев С.О., доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры современной социологии социологического факультета, МГУ, Москва, Российская Федерация

Кафтан В.В., доктор философских наук, профессор кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Российская Федерация в глобальной политике», Москва, Российская Федерация

Маматов М.А., кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор, председатель диссертационного ученого совета Ферганского госуниверситета, Республика Узбекистан

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующий кафедрой современной социологии социологического факультета, МГУ, Москва, Российская Федерация

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Российская Федерация

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Расулинежад Э., доктор экономических наук, доцент кафедры исследований России, Кавказа и Центральной Азии, факультет глобальных исследований, Тегеранский университет, Тегеран, Исламская Республика Иран

Силласте Г.Г., заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Российская Федерация

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Российская Федерация

Шапавалов В.Л., кандидат исторических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России; руководитель проектов Экспертного института социальных исследований, Москва, Российская Федерация

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, президент, научный руководитель, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Южно А.С., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Российская Федерация

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. Sci (Pol.), Professor, Deputy Scientific Director – Director of the Museum of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor of the Department of History of the National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russian Federation

Baichun Ch., Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., Dr. Sci. (Pol.), Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Brodovskaya E.V., Dr. Sci. (Pol.), Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Elishev S.O., Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Kaftan V.V., Dr. Sci. (Philosophy), Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications and Media Business, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russian Federation

Mamatov M.A., Cand. Sci (Hist.), Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Fergana State University, Republic of Uzbekistan

Matsuzato K., Dr. Sci. (Law), Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Osipova N.G., Dr. Sci. (Soc.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ostrovsky A.V., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russian Federation

Polevaya M.V., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Rastorguev S.V., Dr. Sci. (Pol.), Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Rasoulizhad E., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Studies of Russia, the Caucasus and Central Asia, Faculty of World Studies, University of Tehran, Tehran, Islamic Republic of Iran

Sillaste G.G., Dr. Sci. (Philosophy), Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Simonov K.V., Cand. Sci. (Pol.), Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Fedorov V.V., Cand. Sci. (Pol.), Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russian Federation

Cui Zheng, Cand. Sci. (Pol.), Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Shapovalov V.L., Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor of Comparative Political Science, MGIMO MFA of Russia; Project Manager, Expert Institute for Social Research, Moscow, Russian Federation

Eskindarov M.A., Dr. Sci. (Econ.), Professor, President and Scientific Chairman, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Yukhno A.S., Cand. Sci. (Law), Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of State Studies, IGSU RANEPa, Moscow, Russian Federation

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY

Scientific and practical journal

Vol. 16, No. 3 (81), 2026

Published Since 2016

Publication Frequency: 6 times a year

ISSN 2226-7867 (Print)

ISSN 2619-1482 (Online)

Founder and Publisher:

**Financial University under the Government
of the Russian Federation**

49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167,

Russian Federation

+7 (499) 553-10-74

aaizvekova@fa.ru

humanities.fa.ru

Aims and Scope: *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*

is a peer-reviewed journal in the social sciences and humanities which blends rigorous research with practical insights. It publishes original articles, reviews, and analyses in Russian on contemporary issues in sociology, including structure, institutions, and processes. The journal also explores the history and theory of politics and political processes, with a focus on technologies, industries, and institutions. It delves into international relations and philosophy, covering history and social and political philosophy.

The journal *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University* is included in the Unified State List of Scientific publications – the «White List», is indexed in the following databases: RISC, Ebsco, RePEC, eLibrary.ru

Editor-in-Chief **A.B. Shatilov**

Managing editor **A.A. Izvekova**

Proofreader **N.V. Kolobova**

Design & layout **E.A. Smirnova**

Translator **I.M. Evstratov**

Printed in Komi Republican Printing House LLC,

Syktvykar, Savina St. 81

The edition is 500 copies.

I factory – 50 copies.

Format is 60 x 84 1/8.

Order No. 26-2861

Passed for printing: 18.05.2026

Issue Date: 18.06.2026

© *Financial University
under the Government of the Russian
Federation*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Кандауров Б.И., Михайловская О.Г.

Цифровизация государственного управления
как фактор трансформации политической легитимности в современной России 6

Адамская Л.В.

Теоретико-методологическое исследование развития государственной молодежной политики
в цифровую эпоху: воспитательный аспект 16

Cui Zheng, Wang Yujing

The Soft Power Effects of India's Digital Diplomacy:
Competitive Comparison with China's Digital Silk Road 21

Дань Шэнь, Михайлова Н.В.

Цифровая экономика Китая и формирование международных правил:
значение для сотрудничества России и стран БРИКС 29

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Микрюков В.О., Мельков С.А.

Коллективная агрессия и насилие как основа ранней политической организации 40

Тюриков А.Г.

Социологический анализ искусственного интеллекта как технологии
образовательного потенциала профессионализации студентов вуза 54

Рогач О.В., Разов П.В.

Дисфункции кадровой работы в государственных органах власти 64

Цзоу Чжипэн

Содержательные элементы агитационно-пропагандистской деятельности
Коммунистической партии Китая в период Аграрной революционной войны. 73

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Куропятник Е.В.

Текущее состояние и проблемы российско-зимбабвийских отношений 86

Микаллеф Л.О., Силантьева М.А.

Хокку. Сравнительный анализ перевода человеком и искусственным интеллектом. 98

Шелякин А.А., Знаменский Д.Ю.

Идеологические контуры современной политики памяти в Бразилии
в условиях поляризации политического процесса 114

Лавниченко М.Н., Ведерников М.В., Савельев С.В.

Экосистемная экспансия российских IT-компаний: механизмы роста, инструменты удержания
аудитории и институциональные ограничения 126

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Степанов С.А., Мосейкина М.Н., Иванова Е.А.

П.А. Столыпин: прерванные реформы 138

Грицай Л.А.

Кинематографические модели апокалипсиса эпохи холодной войны: СССР и США 146

Лю Ин, Степанов С.А.

Оценка глобального экологического и природоохранного развития
за десятилетие (2014–2024) 159

CONTENTS

COVER STORY: DIGITALIZATION IN MODERN PUBLIC LIFE

Kandaurov B.I., Mikhailovskaya O.G.

Digitalization of Public Administration as a Factor of Transformation of Political Legitimacy
in Modern Russia 6

Adamskaya L.V.

Theoretical and Methodological Research on the Development of State Youth Policy
in the Digital Age: Educational Aspect 16

Cui Zheng, Wang Yujing

The Soft Power Effects of India's Digital Diplomacy:
Competitive Comparison with China's Digital Silk Road 21

Dan Shen, Mikhailova N.V.

China's Digital Economy and the Formation of International Rules: Importance for Cooperation
Between Russia and the BRICS Countries 29

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Mikryukov V.O., Melkov S.A.

Collective Aggression and Violence as the Foundation of Early Political Organization 40

Tyurikov A.G.

Sociological Analysis of Artificial Intelligence as a Technology of Educational Potential
for Professional Development of University Students 54

Rogach O.V., Razov P.V.

Dysfunctions of Personnel Work in Government Agencies 64

Zou Zhipeng

Substantive Elements of the Agitation and Propaganda Activities
of the Chinese Communist Party During the Agrarian Revolutionary War 73

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

Kuropyatnik E.V.

The Current State and Problems of Russian-Zimbabwean Relations 86

Micallef L.O., Silantyeva M.A.

Haiku. A Comparative Analysis of Human and AI Translation 98

Shelyakin A.A., Znamensky D.Yu.

Ideological Contours of Modern Memory Politics in Brazil in the Context
of the Polarization of the Political Process 114

Lavnichenko M.N., Vedernikov M.V., Saveliev S.V.

Ecosystem Expansion of Russian IT Companies: Growth Mechanisms,
Audience Retention Tools and Institutional Constraints 126

HISTORICAL DIGRESSION

Stepanov S.A., Moseykina M.N., Ivanova E.A.

P.A. Stolypin: Interrupted Reforms 138

Gritsai L.A.

Cinematic Models of the Cold War Apocalypse: The USSR and the USA 146

Liu Ying, Stepanov S.A.

Assessment of Global Environmental and Environmental Development
Over the Decade (2014–2024) 159

Цифровизация государственного управления как фактор трансформации политической легитимности в современной России

Б.И. Кандауров¹, О.Г. Михайловская²

¹Представительство Президентской академии в Луганской Народной Республике, Луганск, Российская Федерация;

²Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В условиях ускоряющейся цифровой трансформации публичной власти цифровизация государственного управления все чаще рассматривается не только как управленческая инновация, но и как фактор, оказывающий влияние на характер взаимодействия государства и общества. При этом в отечественных политологических исследованиях цифровизацию преимущественно анализируют с точки зрения повышения эффективности административных процессов, тогда как ее воздействие на основания политической легитимности остается недостаточно изученным. Настоящая статья направлена на восполнение данного исследовательского пробела. Ее **цель** – выявить и проанализировать механизмы влияния цифровизации государственного управления на трансформацию политической легитимности в современной России. **Дополнительная цель** – определить политические эффекты цифровых управленческих практик в системе публичной власти. **Исследование** основано на применении институционального и структурно-функционального подходов, а также методов политологического, сравнительного анализа и анализа научных источников. Эмпирическую базу составили отечественные научные публикации последних лет, нормативные документы, аналитические материалы, посвященные цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации. В ходе исследования обосновано, что цифровизация государственного управления способствует трансформации политической легитимности за счет формирования сервисной модели взаимодействия власти и общества, изменения каналов политической коммуникации, расширения инструментов управляемой прозрачности. Показано, что цифровые технологии одновременно усиливают доверие к институтам власти и создают новые риски формализации и имитации участия граждан в политических процессах. **Полученные результаты** дополняют существующие подходы к анализу политической легитимности, акцентируя внимание на цифровых управленческих практиках как самостоятельном политическом факторе. **Перспективы** дальнейших исследований связаны с анализом региональных моделей цифровизации и оценкой долгосрочных политических эффектов цифрового государства.

Ключевые слова: цифровизация государственного управления; политическая легитимность; публичная власть; государственное управление; цифровое государство; политическая коммуникация; доверие к институтам власти

Для цитирования: Кандауров Б.И., Михайловская О.Г. Цифровизация государственного управления как фактор трансформации политической легитимности в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(3):6-15. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-6-15

Digitalization of Public Administration as a Factor of Transformation of Political Legitimacy in Modern Russia

B.I. Kandaurov¹, O.G. Mikhailovskaya²

¹Representative Office of the Presidential Academy in the Lugansk People's Republic, Lugansk, Russian Federation;

²Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russian Federation

ABSTRACT

In the context of the accelerating digital transformation of public authority, the digitalization of public administration is increasingly viewed not only as a managerial innovation but also as a factor influencing the nature of interaction between the state and society. However, in Russian political science research, digitalization is predominantly analyzed from the standpoint of administrative efficiency, while its impact on the foundations of political legitimacy remains

insufficiently studied. **This article** aims to address this research gap. The purpose of the article is to identify and analyze the mechanisms through which the digitalization of public administration influences the transformation of political legitimacy in contemporary Russia. An additional purpose is to determine the political effects of digital governance practices within the system of public authority. **The study** is based on institutional and structural-functional approaches, as well as methods of political analysis, comparative analysis, and analysis of academic sources. **The empirical base** includes recent Russian scholarly publications, regulatory documents, and analytical materials on the digital transformation of public administration in the Russian Federation. The study substantiates that the digitalization of public administration contributes to the transformation of political legitimacy by shaping a service-oriented model of interaction between the authorities and society, modifying channels of political communication, and expanding instruments of managed transparency. It is shown that digital technologies simultaneously enhance trust in public institutions and generate new risks related to formalization and imitation of civic participation. **The results** obtained complement existing approaches to the analysis of political legitimacy by emphasizing digital governance practices as an independent political factor. Prospects for further research include the study of regional models of digitalization and the assessment of the long-term political effects of the digital state.

Keywords: digitalization of public administration; political legitimacy; public authority; public administration; digital state; political communication; trust in government institutions

For citation: Kandaurov B.I., Mikhailovskaya O.G. Digitalization of public administration as a factor of transformation of political legitimacy in modern Russia. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(3):6-15. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-6-15

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация государственного управления является одной из ключевых тенденций развития современной публичной власти. В Российской Федерации процессы цифровой трансформации охватывают практически все уровни системы государственного управления — от федеральных органов исполнительной власти до региональных и муниципальных структур. В официальном и научном дискурсе цифровизация, как правило, рассматривается в контексте повышения эффективности управленческих процессов, оптимизации административных процедур и расширения доступности государственных услуг для граждан* [1, 2].

Вместе с тем цифровизация государственного управления не ограничивается исключительно техническими или организационными изменениями. Она затрагивает фундаментальные основания функционирования публичной власти, включая характер взаимодействия государства и общества, способы политической коммуникации и механизмы формирования доверия к институтам власти [3]. В этом смысле цифровые технологии становятся не только инструментом управления, но и фактором политической трансформации.

Одним из наименее разработанных аспектов данной трансформации является влияние цифровизации на политическую легитимность власти. Традиционно политическая легитимность трактуется как признание обществом правомерности власти и ее решений, основанное на правовых, ин-

ституциональных и ценностных нормах [4]. В классических теориях легитимности ключевую роль играют нормативно-правовые и идеологические факторы, обеспечивающие устойчивость политического порядка.

Однако в условиях формирования цифрового государства данные основания легитимности дополняются новыми элементами, связанными с качеством государственных сервисов, скоростью реакции власти на запросы граждан и степенью прозрачности управленческих процессов [5]. Цифровизация способствует изменению логики взаимодействия власти и общества, формируя новые ожидания граждан в отношении эффективности и доступности публичного управления.

Современные отечественные политологические исследования все чаще указывают на становление сервисной модели легитимности, при которой доверие к власти во многом определяется результативностью управленческих практик и удобством предоставления государственных услуг [6, 7]. Вместе с тем подобная трансформация легитимности сопровождается и новыми рисками, связанными с формализацией политического участия, снижением содержательной публичной дискуссии и возможной подменой политических процессов технологическими процедурами [8].

В этой связи возникает необходимость комплексного политологического анализа цифровизации государственного управления как фактора трансформации политической легитимности. Особую значимость данный анализ приобретает применительно к Российской Федерации, где цифровая трансформация публичной власти осуществляется в условиях масштабных социально-экономических

* О Государственное управление: теория, функции, механизмы: учебное пособие. Клименко А.В., ред. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2022.

и институциональных изменений [9]. Настоящая статья направлена на выявление ключевых механизмов влияния цифровизации государственного управления на политическую легитимность и определение ее политических эффектов в современной России.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕГИТИМНОСТЬ: КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Понятие политической легитимности является одной из ключевых категорий политической науки, поскольку отражает степень признания обществом правомерности власти, ее институтов и принимаемых решений. Легитимность обеспечивает устойчивость политической системы, снижает издержки управления и способствует воспроизводству политического порядка без постоянного применения принуждения. В классическом понимании легитимность рассматривается как социально признанное основание власти, укорененное в системе норм, ценностей и институтов.

В отечественной политико-правовой традиции легитимность государственной власти трактуется как сложный многоуровневый феномен, включающий правовые, институциональные и ценностные компоненты [5]. При этом особое внимание уделяется соотношению формальной законности власти и ее фактического признания со стороны общества. Законность выступает необходимым, но недостаточным условием легитимности, поскольку даже юридически оформленные властные решения могут не восприниматься обществом как справедливые или целесообразные.

Современные интерпретации политической легитимности расширяют классические подходы, дополняя их анализом процедурных и результативных аспектов функционирования власти. Процедурная легитимность связана с прозрачностью и предсказуемостью принятия политических решений, соблюдением установленных правил и возможностью общественного контроля. Результативная легитимность, в свою очередь, определяется способностью власти обеспечивать социально значимые результаты, отвечающие ожиданиям граждан [1]. В условиях усложнения общественных процессов именно результативность все чаще становится важным источником доверия к политическим институтам.

В последние годы в отечественной политической науке все более активно обсуждается трансформация оснований политической легитимности под влиянием цифровизации и управленческих

реформ. Исследователи отмечают, что традиционные идеологические и символические механизмы легитимации постепенно дополняются технологическими и сервисными элементами, связанными с качеством публичного управления [6]. В этом контексте легитимность все чаще формируется не столько через политическое представительство или идеологическую мобилизацию, сколько через повседневный опыт взаимодействия граждан с государственными институтами.

Сервисная модель публичной власти предполагает смещение акцента с доминирующей роли государства как носителя властных полномочий к его функции поставщика общественно значимых услуг [6]. В рамках данной модели легитимность власти во многом определяется удобством, доступностью и эффективностью предоставления государственных и муниципальных услуг. Цифровые технологии при этом выступают ключевым инструментом реализации сервисной логики, обеспечивая стандартизацию процедур и снижение транзакционных издержек взаимодействия государства и общества.

Одновременно с этим ряд авторов обращает внимание на противоречивый характер трансформации легитимности в условиях цифрового государства. С одной стороны, цифровизация способствует росту доверия к институтам власти за счет повышения прозрачности и управляемости административных процессов [1]. С другой стороны, существует риск подмены содержательного политического участия формализованными цифровыми процедурами, не предполагающими реального влияния граждан на принятие политических решений [9].

Важным аспектом современных дискуссий является проблема управляемой прозрачности, при которой цифровые инструменты используются для демонстрации открытости власти при сохранении жесткого контроля над повесткой и каналами коммуникации [8]. В этом случае легитимность формируется не столько на основе расширения демократического участия, сколько за счет формирования позитивного образа эффективности и технологичности публичного управления. Подобная модель может быть устойчивой в краткосрочной перспективе, однако в долгосрочном плане она порождает новые вызовы, связанные с ростом ожиданий общества и возможным разрывом между декларируемой и реальной вовлеченностью граждан.

Отдельного внимания заслуживает влияние цифровизации на символические основания легитимности. Цифровое государство формирует новые

символы власти, связанные с инновационностью, технологическим развитием и модернизацией. Эти символы активно используются в политической коммуникации и становятся частью легитимирующего дискурса [10]. Вместе с тем их эффективность во многом зависит от реального соответствия цифровых решений социальным запросам и потребностям граждан.

Таким образом, политическая легитимность в современных условиях представляет собой динамичную и многокомпонентную категорию, трансформирующуюся под воздействием цифровизации государственного управления. Классические основания легитимности сохраняют свое значение, однако дополняются новыми механизмами, связанными с сервисной моделью власти, цифровыми коммуникациями и управляемой прозрачностью. Дальнейший анализ требует рассмотрения цифровизации не только как управленческой реформы, но и как самостоятельного политического фактора, оказывающего влияние на характер взаимодействия государства и общества.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ

Цифровизация государственного управления в современной России представляет собой комплексный процесс, включающий институциональные, организационные и технологические изменения в системе публичной власти. В научных исследованиях данный процесс чаще всего трактуется как переход от традиционных бюрократических моделей управления к использованию цифровых технологий в целях повышения эффективности деятельности органов власти, оптимизации административных процедур и улучшения качества предоставления государственных услуг [3, 4].

В широком смысле цифровизация государственного управления предполагает внедрение цифровых платформ, автоматизацию управленческих процессов, развитие электронных сервисов и использование больших массивов данных в принятии управленческих решений. При этом речь идет не только о технической модернизации, но и о трансформации управленческой логики, ориентированной на стандартизацию процедур, сокращение человеческого фактора и повышение предсказуемости административных действий [4].

В отечественной научной литературе выделяются несколько ключевых направлений цифровизации государственного управления. Во-первых,

это развитие электронных государственных услуг, направленных на упрощение взаимодействия граждан и организаций с органами власти. Электронные сервисы становятся важным элементом повседневного опыта граждан, формируя восприятие государства как доступного и функционального института [6]. Именно на этом уровне цифровизация наиболее непосредственно влияет на отношение общества к публичной власти.

Во-вторых, значимым направлением цифровизации является автоматизация внутренних управленческих процессов в органах власти. Использование информационных систем для документооборота, планирования, мониторинга и контроля позволяет повысить управляемость и снизить издержки принятия решений [3]. Вместе с тем подобная автоматизация способствует усилению формализации управленческой деятельности, что оказывает влияние на характер взаимодействия между различными уровнями публичной власти.

В-третьих, цифровизация затрагивает сферу политической коммуникации и взаимодействия власти с обществом. Цифровые каналы связи, включая официальные интернет-ресурсы и социальные медиа, становятся важным инструментом донесения управленческих решений и формирования публичной повестки [8]. В этом контексте цифровые технологии используются не только для информирования, но и для конструирования образа власти как открытой, современной и ориентированной на запросы граждан.

Особое место в системе цифровизации государственного управления занимает концепция цифрового государства, предполагающая интеграцию различных цифровых решений в единую управленческую экосистему. Цифровое государство рассматривается как новый этап развития публичной власти, при котором цифровые технологии становятся не вспомогательным, а системообразующим элементом управления [10]. В рамках данной модели государство выступает не только регулятором, но и платформой, обеспечивающей координацию общественных и экономических процессов.

Вместе с тем российская модель цифровизации государственного управления обладает рядом специфических особенностей. В отличие от либеральных моделей цифрового государства, ориентированных на децентрализацию и расширение горизонтальных связей, в России цифровизация реализуется преимущественно в рамках централизованной управленческой логики [2]. Это выражается в доминировании вертикально интегрирован-

ных цифровых платформ, жесткой регламентации процедур и сохранении ключевой роли государства в управлении цифровыми процессами.

Данная специфика оказывает прямое влияние на политические эффекты цифровизации. С одной стороны, централизованная цифровизация способствует повышению управляемости и согласованности действий органов власти, что положительно сказывается на восприятии эффективности государственного управления [1]. С другой стороны, она ограничивает потенциал цифровых технологий как инструмента расширения реального политического участия и общественного контроля [9].

Кроме того, цифровизация государственного управления сопровождается ростом значимости данных как управленческого ресурса. Использование аналитических инструментов и цифровых показателей позволяет власти опираться на количественные параметры при оценке эффективности своей деятельности. Однако подобная ориентация на показатели может приводить к подмене содержательной оценки управленческих решений формальными метриками, что также влияет на восприятие легитимности власти [7].

Таким образом, цифровизация государственного управления в современной России представляет собой многомерный процесс, включающий развитие электронных сервисов, автоматизацию управленческих процедур, трансформацию политической коммуникации и формирование цифрового государства как новой управленческой модели. Эти изменения выходят за рамки технической модернизации и оказывают системное воздействие на характер публичной власти, создавая предпосылки для трансформации политической легитимности. Анализ данных процессов требует перехода от управленческого к политологическому осмыслению цифровизации как фактора изменения оснований взаимодействия государства и общества.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ

Цифровизация государственного управления оказывает системное воздействие на политическую легитимность публичной власти, трансформируя как механизмы ее формирования, так и способы воспроизводства доверия к государственным институтам. В отличие от традиционных факторов легитимации, основанных на идеологии, праве и политическом представительстве, цифровизация формирует новые, опосредованные основа-

ния признания власти, связанные с практическим опытом взаимодействия граждан с государством.

Одним из ключевых механизмов трансформации политической легитимности в условиях цифровизации является формирование сервисной модели взаимодействия власти и общества. В рамках данной модели государство воспринимается прежде всего как поставщик общественно значимых услуг, а эффективность и удобство их предоставления становятся важным источником доверия к публичной власти [6]. Цифровые технологии обеспечивают стандартизацию и ускорение управленческих процедур, снижая транзакционные издержки и повышая предсказуемость действий государственных органов.

Сервисная логика легитимации предполагает смещение акцента с политического участия граждан в принятии решений на оценку результативности деятельности власти. Граждане все чаще соотносят свое отношение к государственным институтам с качеством цифровых сервисов, доступностью электронных услуг и скоростью реагирования власти на запросы [1]. В этом контексте цифровизация выступает фактором формирования так называемой результативной легитимности, при которой признание власти основывается на ее способности эффективно выполнять управленческие функции.

Важную роль в трансформации политической легитимности играет изменение каналов политической коммуникации. Цифровые платформы и официальные онлайн-ресурсы органов власти становятся основными инструментами информирования общества о принимаемых решениях и реализуемых программах [8]. При этом цифровая коммуникация носит преимущественно односторонний характер, ориентированный на трансляцию управленческой повестки и формирование позитивного образа власти как технологически развитой и ориентированной на граждан.

Подобная модель коммуникации способствует укреплению символических оснований легитимности, связанных с демонстрацией инновационности и модернизационного потенциала государства [10]. Вместе с тем она ограничивает возможности для содержательного диалога и обратной связи, что может снижать уровень процедурной легитимности, основанной на реальном участии граждан в политических процессах.

Особое значение в условиях цифровизации приобретает феномен управляемой прозрачности. Цифровые технологии позволяют существенно

расширить объем доступной информации о деятельности органов власти, однако степень и характер этой открытости во многом контролируются самими государственными институтами [8]. В результате прозрачность приобретает селективный характер, при котором общественному вниманию предлагаются заранее отобранные и структурированные данные, соответствующие управленческим и политическим целям власти.

Управляемая прозрачность способствует формированию доверия к институтам власти за счет ощущения открытости и подотчетности. Однако при отсутствии реальных механизмов общественного контроля она может носить имитационный характер, подменяя политическую ответственность демонстрацией формальных показателей эффективности [7]. В долгосрочной перспективе подобная подмена способна привести к снижению доверия и росту критического отношения к цифровым практикам публичного управления.

Цифровизация также оказывает влияние на характер политического участия граждан. С одной стороны, цифровые инструменты расширяют формальные возможности участия за счет электронных обращений, онлайн-опросов и платформ обратной связи. С другой стороны, данные формы участия, как правило, не предполагают включения граждан в процесс принятия стратегических решений и носят консультативный или символический характер [9]. Это создает риск формализации политического участия и ослабления его влияния на реальные управленческие процессы.

В контексте политической легитимности данный риск проявляется в возможном расхождении между декларируемой вовлеченностью граждан и их фактическим влиянием на политику. При высоком уровне цифровизации граждане могут воспринимать свое участие как иллюзорное, что снижает уровень доверия к институтам власти и ослабляет процедурные основания легитимности.

Дополнительным фактором трансформации легитимности является рост значимости количественных показателей и цифровых метрик в оценке эффективности государственного управления. Использование показателей удовлетворенности услугами, рейтингов и индексов создает видимость объективности и научной обоснованности управленческих решений [3]. Однако ориентация на показатели может приводить к смещению приоритетов с содержательных целей политики на достижение формальных

результатов, что также влияет на восприятие легитимности власти.

В условиях централизованной модели цифровизации, характерной для Российской Федерации, данные процессы приобретают особую специфику. Цифровые технологии используются преимущественно как инструмент повышения управляемости и контроля, а не как средство расширения автономии и самоорганизации общества [2]. Это способствует укреплению результативной и символической легитимности власти, но одновременно ограничивает развитие процедурных и дискурсивных форм легитимации.

Таким образом, цифровизация государственного управления выступает значимым фактором трансформации политической легитимности, формируя новые основания признания власти, основанные на сервисной эффективности, управляемой прозрачности и цифровой коммуникации. Вместе с тем данные процессы носят противоречивый характер, сочетая укрепление доверия к институтам власти с рисками формализации участия и имитации открытости. Учет этих противоречий является необходимым условием политологического анализа цифрового государства и его долгосрочных эффектов для устойчивости публичной власти.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Цифровизация государственного управления оказывает комплексное воздействие на систему публичной власти, формируя новые политические эффекты, которые выходят за рамки административной рационализации. Эти эффекты проявляются в изменении механизмов управляемости, характера доверия к институтам власти и устойчивости политического порядка. В совокупности они оказывают прямое влияние на воспроизводство политической легитимности в условиях цифрового государства.

Одним из ключевых политических эффектов цифровизации является усиление управляемости публичной власти. Внедрение цифровых платформ и автоматизированных систем позволяет государству более эффективно координировать деятельность различных органов управления, контролировать исполнение решений и оперативно реагировать на отклонения от заданных параметров [3]. Повышение управляемости способствует снижению транзакционных издержек

и укрепляет представление о власти как о рациональном и технологически компетентном акторе.

Данный эффект напрямую связан с восприятием эффективности власти как основания ее легитимности. В условиях цифровизации граждане все чаще оценивают деятельность государственных институтов через призму скорости, удобства и предсказуемости управленческих решений [1]. При этом эффективность начинает выступать самостоятельным источником доверия, частично компенсируя снижение значимости традиционных идеологических и представительных механизмов легитимации.

Вместе с тем усиление управляемости сопровождается ростом централизации управленческих процессов. Цифровые решения встраиваются в существующую вертикаль власти и усиливают ее контрольные функции [2]. Это способствует политической устойчивости в краткосрочной перспективе, однако ограничивает развитие горизонтальных связей и автономных форм общественного участия, что может негативно сказываться на долгосрочных основаниях легитимности.

Важным политическим эффектом цифровизации является трансформация доверия к институтам власти. Цифровые сервисы формируют повседневный опыт взаимодействия граждан с государством, в рамках которого доверие возникает не столько на основе политических убеждений, сколько на основе практической полезности и удобства [1]. Такой тип доверия носит инструментальный характер и тесно связан с результативностью управленческих практик.

Инструментальное доверие обладает высокой адаптивностью, но при этом отличается низкой устойчивостью в условиях снижения эффективности цифровых сервисов или возникновения системных сбоях. В этом контексте легитимность власти становится более зависимой от технических и организационных факторов, что повышает уязвимость политической системы к кризисам цифровой инфраструктуры [9].

Отдельного внимания заслуживает влияние цифровизации на символическое измерение публичной власти. Цифровое государство активно использует образы инновационности, технологического развития и модернизации в политической коммуникации [10]. Эти образы становятся частью легитимирующего дискурса и формируют представление о государстве как о современном и ориентированном на будущее институте.

Однако символическая легитимация, основанная на цифровых образах, требует постоянного подтверждения через реальные управленческие практики. Несоответствие между декларируемой цифровой открытостью и фактическим опытом взаимодействия граждан с властью может приводить к эрозии доверия и росту критических настроений [8]. В этом смысле цифровая символика обладает ограниченным легитимирующим потенциалом без подкрепления содержательными результатами.

Цифровизация также влияет на характер политической ответственности в системе публичной власти. Использование цифровых показателей и метрик позволяет формализовать оценку деятельности органов управления, однако при этом происходит смещение ответственности с политических акторов на технические системы и процедуры [7]. В результате политические решения могут восприниматься как следствие «объективных данных» или алгоритмических расчетов, что снижает уровень персональной ответственности власти перед обществом.

Подобная трансформация ответственности оказывает двойственное влияние на политическую легитимность. С одной стороны, она способствует формированию образа рациональной и деполитизированной власти. С другой стороны, она затрудняет общественный контроль и снижает возможности для публичной критики политических решений, что может подрывать доверие к институтам власти в долгосрочной перспективе [9].

Наконец, цифровизация государственного управления влияет на устойчивость политического порядка, изменяя баланс между стабильностью и адаптивностью системы публичной власти. Цифровые технологии повышают способность государства оперативно реагировать на социально-экономические вызовы, однако одновременно усиливают зависимость власти от технических и информационных ресурсов [3]. В условиях внешних и внутренних кризисов эта зависимость может стать источником дополнительных рисков для легитимности власти.

Таким образом, политические эффекты цифровизации государственного управления носят комплексный и противоречивый характер. Усиление управляемости, рост инструментального доверия и символическая модернизация публичной власти способствуют укреплению легитимности в краткосрочной перспективе. Вместе с тем централизация, формализация участия и смещение поли-

тической ответственности создают структурные ограничения для устойчивого воспроизводства легитимности в условиях цифрового государства. Осмысление данных эффектов является необходимым условием для анализа долгосрочных политических последствий цифровой трансформации публичной власти в современной России.

ВЫВОДЫ

Проведенный в статье анализ позволил рассмотреть цифровизацию государственного управления не только как управленческую или технологическую реформу, но и как значимый политический фактор, оказывающий влияние на трансформацию оснований политической легитимности в современной России. В условиях цифровой трансформации публичной власти меняются механизмы взаимодействия государства и общества, а также способы формирования доверия к институтам власти.

Первый результат исследования заключается в обосновании того, что цифровизация государственного управления способствует формированию сервисной модели легитимации власти. В рамках данной модели признание правомерности публичной власти во многом основывается на оценке эффективности, удобства и доступности государственных услуг. Такой подход дополняет классические основания легитимности, связанные с правовыми и институциональными механизмами, и усиливает роль результативности управленческих практик как источника доверия к власти.

Второй результат исследования связан с выявлением трансформации политической коммуникации в условиях цифровизации. Цифровые каналы взаимодействия власти и общества способствуют укреплению символических оснований легитимности, формируя образ государства как технологически развитого и ориентированного на потребности граждан. Вместе с тем доминирование односторонних форм цифровой коммуникации и управляемой прозрачности ограничивает возможности для содержательного политического диалога и снижает потенциал процедурной легитимности.

Третий результат исследования заключается в выявлении противоречивого характера влияния цифровизации на политическое участие и ответственность. С одной стороны, цифровые инструменты расширяют формальные возможности участия граждан в публичных процессах и повышают прозрачность деятельности органов власти. С другой

стороны, данные формы участия зачастую носят формализованный характер и не предполагают реального влияния на принятие политических решений. Одновременно с этим происходит смещение политической ответственности в сторону технических процедур и цифровых метрик, что затрудняет общественный контроль над деятельностью власти.

Четвертый результат исследования связан с анализом политических эффектов цифровизации в контексте устойчивости публичной власти. Усиление управляемости и централизация цифровых управленческих решений способствуют укреплению политической стабильности в краткосрочной перспективе. Однако в долгосрочном плане зависимость легитимности от эффективности цифровых сервисов и технической инфраструктуры повышает уязвимость публичной власти к кризисам цифрового характера и росту общественных ожиданий.

Полученные выводы в целом соотносятся с позициями отечественных исследователей, анализирующих цифровое государство и трансформацию публичной власти, однако дополняют их за счет акцента на политологическом измерении цифровизации и ее влияния на основания легитимности. В отличие от управленческих интерпретаций, рассматривающих цифровизацию преимущественно как инструмент повышения эффективности, в статье показано, что цифровые технологии становятся самостоятельным фактором изменения логики признания власти в обществе.

Перспективы дальнейших исследований связаны, во-первых, с анализом региональных моделей цифровизации государственного управления и их влияния на политическую легитимность в субъектах Российской Федерации. Во-вторых, представляется актуальным изучение долгосрочных эффектов цифровой легитимации в условиях социально-экономической нестабильности и кризисов цифровой инфраструктуры. В-третьих, дальнейшего осмысления требует соотношение цифровых управленческих практик и традиционных форм политического участия в контексте устойчивости публичной власти.

Таким образом, цифровизация государственного управления выступает не только инструментом модернизации публичной власти, но и фактором глубинной трансформации политической легитимности, определяющим новые условия взаимодействия государства и общества в современной России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авалуева Н. Б., Гаркуша Н. С. Развитие цифровых компетенций будущих служащих органов публичной власти: дифференцированный подход. *Образование и наука*. 2024;26(10):190-217. URL: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-10-190-217>
2. Дмитриева Н. Е., Санина А. Г., Стырин Е. М. и др. Цифровая трансформация в государственном управлении: коллект. моногр. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ; 2023. 312 с. URL: <https://ipag.hse.ru/upload/iblock/215/p0txi8tjk7djj39fksb6mxcxlzlgkybyj.pdf>
3. Сморгунов Л. В. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости. *Политическая наука*. 2021;3:13-36. DOI: 10.31249/poln/2021.03.01
4. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Постсоветское государство и право: состояние и перспективы развития: монография. М.: Проспект; 2021. 400 с. URL: <https://book.ru/books/946118>
5. Туровский Р. Ф., Сухова М. С. Вызовы региональной социально-экономической поляризации в России: успешна ли государственная политика? *Политическая наука*. 2024;1;14-50. URL: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.01.01>
6. Гаман-Голутвина О. В. Мировой опыт реформирования систем государственного управления. *Вестник МГИМО-Университета*. 2013;(31):187-194. URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-4-31-187-194>
7. Аверин А. Н., Понеделков А. В., Стрельцова К. В., Омельченко И. В. Органы государственной власти субъекта Российской Федерации в единой системе публичной власти: правовая основа. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022;1:77-80. URL: <https://doi.org/10.23672/m0623-1698-2923-q>
8. Соловьев А. И., Пушкарева Г. В. Гражданский сектор государственного управления: новые формы самоорганизации и участия населения в условиях цифровизации публичного пространства. *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. 2020;5(102):67-75. URL: <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2020-102-05-67-75>
9. Баранов Н. А. Открытость vs безопасность: приоритеты для государства и гражданского общества в условиях цифровизации. *Управленческое консультирование*. 2019;10:28-36. URL: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-10-28-36>
10. Гаман-Голутвина О. В., Сморгунов Л. В., Тимофеева Л. Н. Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы. Москва: МПГУ; 2021. 540 с. URL: <https://www.elibrary.ru/wookvk>

REFERENCES

1. Avalueva N. B., Garkusha N. S. Development of digital competencies of future employees of public authorities: A differentiated approach. *Education and Science*. 2024;26(10):190-217. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-10-190-217>
2. Dmitrieva N. E., Sanina A. G., Styryn E. M. et al. Digital transformation in public administration: Collection. monogr. Moscow: HSE Publishing House; 2023. 312 p. URL: <https://ipag.hse.ru/upload/iblock/215/p0txi8tjk7djj39fksb6mxcxlzlgkybyj.pdf> (In Russ.).
3. Smorgunov L. V. Digitalization and network efficiency of state governance. *Political Science*. 2021;3:13-36. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.01>
4. Marchenko M. N., Deryabina E. M. The post-Soviet state and law: State and prospects of development: monograph. Moscow: Prospekt; 2021. 400 p. URL: <https://book.ru/books/946118> (In Russ.).
5. Turovsky R. F., Sukhova M. S. Challenges of regional socio-economic polarization in Russia: Is government policy successful? *Political Science*. 2024;1;14-50. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.01.01>
6. Gaman-Golutvina O. V. The world experience of reforming public administration systems. *Bulletin of MGIMO University*. 2013;(31):187-194. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-4-31-187-194>
7. Averin A. N., Ponedelkov A. V., Streltsova K. V., Omelchenko I. V. State authorities of the subject of the Russian Federation in the unified system of public authority: A legal framework. *Humanities, Socio-economic and Social Sciences*. 2022;1:77-80. URL: <https://doi.org/10.23672/m0623-1698-2923-q>
8. Soloviev A. I., Pushkareva G. V. The civil sector of public administration: New forms of self-organization and public participation in the context of digitalization of public space. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences*. 2020;5(102):67-75. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2020-102-05-67-75>

9. Baranov N.A. Openness vs security: Priorities for the state and civil society in the context of digitalization. *Management Consulting*. 2019;10:28-36. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-10-28-36>
10. Gaman-Golutvina O.V., Smorgunov L.V., Timofeeva L.N. Political representation and public power: Transformational challenges and prospects. Moscow: Moscow State Pedagogical University (MPGU); 2021. 540 p. URL: <https://www.elibrary.ru/wookvk> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Богдан Игоревич Кандауров — политолог, ведущий специалист, Представительство Президентской академии в Луганской Народной Республике, Луганск, Российская Федерация

Bogdan I. Kandaurov — political scientist, Leading Specialist, Representative Office of the Presidential Academy in the Lugansk People's Republic, Lugansk, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0004-4900-4448>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

kandaurov-bi@ranepa.ru

Оксана Георгиевна Михайловская — кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук и регионалистики, Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Российская Федерация

Oksana G. Mikhailovskaya — Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Head of the Department of Political Sciences and Regionalism, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0001-5816-0272>

ks-04@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 04.01.2026; после рецензирования 10.02.2026; принята к публикации 21.04.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 04.01.2026; revised on 10.02.2026; accepted for publication on 21.04.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Теоретико-методологическое исследование развития государственной молодежной политики в цифровую эпоху: воспитательный аспект

Л.В. Адамская

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается роль государственной молодежной политики в обеспечении социально-политической устойчивости государства, с акцентом на воспитательный компонент в условиях цифровой эпохи. Обоснована стратегическая значимость работы с молодежью как носителем инновационного потенциала и одновременно уязвимой группы, чувствительной к вызовам нестабильности. Проведен анализ современных исследований, показывающих эволюцию молодежной политики от меры социальной поддержки к комплексному механизму укрепления устойчивости. Особое внимание уделено воспитательному компоненту государственной молодежной политики, его соотношению с гражданским и патриотическим воспитанием, а также политической социализацией молодежи. Выделены три основных подхода к интерпретации взаимосвязи воспитания и молодежной политики, проанализированы практические тенденции интеграции воспитательной работы в системы образования и молодежной политики. Отмечается, что в российской научной дискуссии отсутствует единое понимание границ и содержания воспитательного компонента: наблюдается размытость понятий «политическое», «гражданское» и «патриотическое» воспитание, что затрудняет формирование целостной теории и практики воспитательной политики. Сделан вывод о необходимости концептуального разграничения этих категорий и четкого институционального позиционирования воспитательного компонента. Это позволит повысить эффективность государственной молодежной политики как инструмента политической социализации, формирования гражданской идентичности и долгосрочной социально-политической устойчивости в условиях цифровой трансформации общества.

Ключевые слова: государственная молодежная политика; социально-политическая устойчивость; воспитательный компонент; гражданское воспитание; патриотическое воспитание; политическая социализация; цифровая эпоха

Для цитирования: Адамская Л.В. Теоретико-методологическое исследование развития государственной молодежной политики в цифровую эпоху: воспитательный аспект. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(3):16-20. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-16-20

Theoretical and Methodological Research on the Development of State Youth Policy in the Digital Age: Educational Aspect

L.V. Adamskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article examines the role of state youth policy in ensuring the socio-political stability of the state, with an emphasis on the educational component in the digital age. It substantiates the strategic importance of working with young people as a source of innovative potential and, at the same time, a vulnerable group that is sensitive to the challenges of instability. An analysis of contemporary research is conducted, showing the evolution of youth policy from a measure of social support to a comprehensive mechanism for strengthening stability. Particular attention is paid to the educational component of state youth policy, its relationship with civic and patriotic education, as well as the political socialization of young people. Three main approaches to interpreting the relationship between education and youth policy are identified, and practical trends in the integration of educational work into education and youth policy systems are analyzed. It is noted that there is no common understanding of the boundaries and content of the educational component in Russian scientific discourse: the concepts of “political,” “civic,” and “patriotic” education are blurred, which makes it difficult to form a coherent theory and practice of educational policy. The conclusion is made about the need for a conceptual distinction between these categories and a clear institutional positioning of the educational component. This will increase the

effectiveness of state youth policy as an instrument of political socialization, the formation of civic identity, and long-term socio-political stability in the context of the digital transformation of society.

Keywords: state youth policy; socio-political stability; educational component; civic education; patriotic education; political socialization; digital age

For citation: Adamskaya L.V. Theoretical and methodological research on the development of state youth policy in the digital age: Educational aspect. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(3):16-20. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-16-20

ВВЕДЕНИЕ

Современные структурные преобразования мировой экономики, цифровизация общественных отношений и геополитическая турбулентность обостряют проблему обеспечения социально-политической устойчивости государства. Устойчивость политической системы во многом зависит не только от прочности институтов, но и от степени интеграции различных социальных групп в процессы развития общества. Молодежь занимает особое положение в системе общественных отношений: она составляет порядка четверти населения страны и обладает значительным инновационным, интеллектуальным и демографическим потенциалом, но одновременно наиболее уязвима к социальным рискам и ценностным изменениям. В этих условиях государственная молодежная политика рассматривается как не просто мера социальной поддержки, а как инструмент обеспечения долгосрочной социально-политической устойчивости.

Анализ научной литературы показывает, что исследования в сфере государственной молодежной политики находятся на пересечении теории публичного управления, цифровой трансформации государственного сектора, информационной безопасности, медиаграмотности, социально-экономической интеграции молодежи и региональной политики. В частности, цифровизация публичного управления выделяется как ключевой фактор модернизации механизмов молодежной политики [1].

Важным шагом к формализации молодежной политики стало развитие системы показателей для оценки реализации этой политики в условиях цифровой трансформации. Одновременно акцент делается на укреплении институционального доверия посредством повышения медиа- и информационной грамотности молодежи и оценки влияния информационных технологий на безопасность государства и личности, что расширяет понимание цифровых рисков в молодежной среде. Развитие же медиакомпетенций призвано снижать уязвимость молодых людей к деструктивному контенту. Эти направления формируют теоретическую основу превентивного блока молодежной политики.

Социально-экономическая интеграция молодежи является еще одним приоритетным направ-

лением исследований. Рассматриваются меры государственной политики для решения проблем молодежного сегмента рынка труда, обновления инструментов поддержки занятости, развития молодежного предпринимательства как фактора социальной мобильности, реализации жилищных программ, связанных с демографической устойчивостью, а также поддержки социальной активности студентов и молодежных организаций.

Региональные аспекты молодежной политики изучаются в контексте культурной политики регионов, выявляются проблемы ресурсного обеспечения и координации, предлагаются индикаторы (индексная оценка) для сравнения эффективности региональных программ. Кроме того, ряд исследований подчеркивает роль молодежной политики в развитии институтов гражданского общества [2].

Особое внимание в последние годы уделяется воспитательному компоненту государственной молодежной политики, его ценностному содержанию и соотношению с гражданским и патристическим воспитанием молодежи. Так, А.А. Брайнес анализирует феномен воспитания в контексте образовательной и молодежной политики, уточняя понятийный аппарат и акцентируя значение ценностных ориентаций в этой сфере [3]. Предлагается и ценностно-ориентированный подход к управлению молодежной политикой, демонстрирующий связь управленческих решений с аксиологическими основаниями устойчивости. Таким образом, современная литература демонстрирует переход от узкого понимания молодежной политики как исключительно социальной поддержки к ее рассмотрению в качестве комплексного механизма обеспечения устойчивости государства в цифровую эпоху.

ВОСПИТАНИЕ И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ

Социально-политическая устойчивость в научной литературе определяется как способность политической системы поддерживать воспроизводство своей легитимности, институциональную стабильность и социальное равновесие при одновременной

адаптивности к внешним и внутренним вызовам. С позиций системного подхода устойчивость есть баланс между изменением и стабильностью: политическая система должна, с одной стороны, модернизироваться, с другой — предотвращать деструктивные процессы. В этом контексте молодежь выполняет двойственную функцию — служит каналом инноваций и одновременно индикатором социальной напряженности.

Институциональный подход рассматривает государственную молодежную политику как механизм формализации взаимодействия государства и молодежи через систему норм, правил, организаций и процедур [4]. Уровень институционализации молодежной политики напрямую влияет на ее эффективность и устойчивость. Институциональная слабость, размытость компетенций и отсутствие четких механизмов оценки результатов снижают потенциал молодежной политики как инструмента укрепления общественной стабильности.

С точки зрения теории человеческого капитала инвестиции в образование, здоровье и профессиональное развитие молодежи рассматриваются как фактор экономического роста и конкурентоспособности государства. При этом человеческий капитал имеет и политическое измерение: высокий уровень образования и социальной интеграции молодежи способствует формированию ответственного гражданского поведения.

В функциональном плане молодежная политика выполняет ряд важных задач [5]:

1. Интеграционная — включение молодежи в социальные и политические процессы.
2. Регулятивная — формирование ценностных ориентиров и социальных норм.
3. Превентивная — предупреждение девиантного поведения, радикализации и маргинализации молодежи.
4. Репродуктивная — воспроизводство кадрового и демографического потенциала общества.

Аксиологический подход при этом подчеркивает роль молодежной политики в формировании системы ценностей: именно в молодежном возрасте закрепляются базовые мировоззренческие установки, складывается гражданская идентичность и отношение к государству.

Современный этап развития государственной молодежной политики в России связан с принятием Закона «О молодежной политике в Российской Федерации», закрепляющего возрастные границы молодежи до 35 лет и определяющего основные

цели, принципы и направления государственной деятельности в молодежной сфере*.

Отмечая значимость этого события, следует констатировать, что в отечественном научном дискурсе до сих пор отсутствует единая позиция относительно соотношения понятий «воспитание» и «государственная молодежная политика». Теоретико-методологические разногласия и различия в институциональной практике реализации этих направлений приводят к фрагментарности концептуальных подходов [6]. В политологическом дискурсе наблюдается смещение акцента в сторону изучения воспитания как компонента молодежной политики при недостаточной проработке вопросов образовательной политики, что обуславливает нехватку цельного научного осмысления феномена воспитания и его места в политике.

В рамках современных исследований можно выделить три основных подхода к интерпретации взаимосвязи воспитания и молодежной политики [1, 7]:

1. Воспитание как автономная сфера. Согласно первому подходу, воспитание рассматривается как самостоятельная сфера общественной жизни со своей нормативно-ценностной базой и педагогическими механизмами, не сводимыми к инструментарию государственной молодежной политики. Здесь воспитание понимается прежде всего как феномен культурной и образовательной политики, направленный на формирование у личности мировоззренческих установок и ценностных ориентаций вне прямой привязки к текущим задачам молодежной политики.

2. Воспитание как часть молодежной политики. Второй подход включает воспитание в структуру государственной молодежной политики в качестве одного из ее приоритетных направлений наряду с поддержкой занятости, молодежного предпринимательства, социальной мобильности, развитием молодежного самоуправления и т.д. Этот подход отражает тенденцию институционального закрепления воспитательных задач в стратегических документах и программах — акцент делается на формировании гражданской идентичности и патриотических ценностей молодежи как на одном из официальных направлений молодежной политики.

3. Воспитание как функция механизма реализации молодежной политики. Третий подход трактует воспитательный компонент как инструмент достижения стратегических целей молодежной

* Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328?ysclid=mo9uivj3r42039613>

политики. В данном случае воспитание выступает средством укрепления политической социализации молодежи, формирования лояльности к государственным институтам, развития гражданской активности и профилактики деструктивных проявлений. Иными словами, воспитание рассматривается не как самостоятельное направление, а как системообразующий элемент, интегрирующий молодежь в социально-политическое пространство.

Практика последних лет свидетельствует о расширении воспитательного компонента как в системе высшего образования, так и в институтах молодежной политики [8, 9].

В вузах усиливается интеграция воспитательной работы: внедряются новые методические рекомендации, стратегической задачей образовательных организаций декларируется формирование у студентов политической и гражданской идентичности.

Одновременно в научных исследованиях доминирует проблематика патриотического воспитания, тогда как вопросы гражданского и особенно политического воспитания разработаны значительно меньше. Сохраняется концептуальная неопределенность соотношения этих понятий: в отечественной традиции феномен «воспитание» наделяется особым смыслом, отличным от западного понимания «civic education», что требует уточнения понятийного аппарата и выработки единой теоретической рамки [10].

Недостаточная разработанность концепта политического воспитания, а также тенденция отождествлять гражданское и патриотическое направления усложняют построение целостной модели воспитательной политики. Таким образом, проблема соотношения воспитания и молодежной политики носит не только теоретический, но и практический характер: от четкости концептуального разграничения и институционального позиционирования воспитательного компонента во многом зависит эффективность государственной молодежной политики как механизма политической социализации, формирования гражданской идентичности и обеспечения долговременной социально-политической устойчивости.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование показало, что государственная молодежная политика, обладая развитым воспитательным компонентом, выступает важным инструментом укрепления социально-политической устойчивости в условиях современных вызовов. Необходимость концептуального разграничения понятий политического, гражданского и патриотического воспитания и интеграции воспитательной работы в стратегии молодежной политики становится очевидной на фоне цифровой трансформации и сложной ценностной динамики общества. Четкое определение места воспитательного компонента, от нормативных актов до практических программ, позволит повысить результативность молодежной политики в части политической социализации молодежи, формирования у нее устойчивой гражданской идентичности и лояльности по отношению к государственным институтам.

Это соответствует и приоритетам государственной политики: законодательство прямо включает гражданско-патриотическое воспитание молодежи в число основных направлений молодежной политики для достижения устойчивого развития и национальной безопасности.

Таким образом, воспитательный потенциал молодежной политики должен быть полноценно реализован через согласование теории и практики, что требует дальнейших исследований и совершенствования управленческих подходов. Перспективы стратегического управления развитием молодежной политики до 2030 г. и далее предполагают усиление ценностно-ориентированных и гражданских инициатив в молодежной среде, чтобы ответить на вызовы цифровой эпохи и внести вклад в достижение устойчивого развития общества. Практико-ориентированные работы специалистов сферы молодежной политики также подтверждают актуальность обозначенных задач и направлений ее трансформации в современной России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Труханова Д.А. Современная молодежная политика как фактор социализации молодежи. *Вестник науки*. 2023;3(11):770-774. URL: <https://www.elibrary.ru/fpzwti>
2. Климова Е.З., Перцева Л.Н., Софьин Н.А. Молодежная политика как составная часть культурной политики региона. *Управленческий учет*. 2022;11-1:64-71. URL: <https://doi.org/10.25806/uu11202264-71>
3. Брайнес А.А. Воспитание в контексте российской образовательной и молодежной политики: к вопросу об определении понятий. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2023;24(1):65-77. URL: <https://doi.org/10.31429/26190567-24-1-65-77>

4. Грачев В.Г., Кондакова Ю.А. Молодежные проекты как направление реализации государственной молодежной политики. *Аллея науки*. 2024;1(11):525-532. URL: <https://www.elibrary.ru/alceio>
5. Щедрова Г.П. Молодежная политика в современной России: вызовы и тенденции. *Власть*. 2025;2:80-85. URL: <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-2-80-85>
6. Князькова Е.А. Формирование кадрового резерва государственной молодежной политики Российской Федерации. *Интеграл*. 2012;1:150-151. URL: <https://www.elibrary.ru/pewiwn>
7. Викторова О.И. Роль молодежной политики Российской Федерации в системе развития гражданского общества. *Барометр экономики, управления и права*. 2024;3:23-26. URL: <https://www.elibrary.ru/hbrmaq>
8. Мазитова Д.О., Райхлина А.В., Зиновьева А.Н. Молодежная политика как объект цифрового государственного управления региона. *Бизнес. Образование. Право*. 2023;1(62):148-153. URL: <https://rucont.ru/efd/801051>
9. Матросов Д.В. Стратегический менеджмент в молодежной политике: вызовы и направления развития до 2030 года. *Вестник науки*. 2025;2(4):40-46. URL: <https://www.elibrary.ru/xelnlz>
10. Брайнес А.А. Патриотическое, гражданское и политическое воспитание молодежи в современной России: соотношение понятий. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2023;1-2:26-38. URL: <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-2-26-38>

REFERENCES

1. Trukhanova D.A. Modern youth policy as a factor of youth socialization. *Bulletin of Science*. 2023;3(11):770-774. URL: <https://www.elibrary.ru/fpzwti> (In Russ.).
2. Klimova E.Z., Pertseva L.N., Sofyin N.A. Youth policy as an integral part of the cultural policy of the region. *Management Accounting*. 2022;11-1:64-71. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.25806/uu11202264-71>
3. Braines A.A. Education in the context of Russian educational and youth policy: On the definition of concepts. *South Russian Journal of Social Sciences*. 2023;24(1):65-77. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.31429/26190567-24-1-65-77>
4. Grachev V.G., Kondakova Yu.A. Youth projects as a direction of implementation of the state youth policy. *Alley of Science*. 2024;1(11):525-532. URL: <https://www.elibrary.ru/alceio> (In Russ.).
5. Shchedrova G.P. Youth policy in modern Russia: Challenges and trends. *Power*. 2025;2:80-85. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-2-80-85>
6. Knyazkova E.A. Formation of the personnel reserve of the state youth policy of the Russian Federation. *Integral*. 2012;1:150-151. URL: <https://www.elibrary.ru/pewiwn> (In Russ.).
7. Viktorova O.I. The role of youth policy of the Russian Federation in the system of civil society development. *The Barometer of Economics, Management and Law*. 2024;3:23-26. URL: <https://www.elibrary.ru/hbrmaq> (In Russ.).
8. Mazitova D.O., Raikhлина A.V., Zinovieva A.N. Youth policy as an object of digital public administration in the region. *Business. Education. Right*. 2023;1(62):148-153. URL: <https://rucont.ru/efd/801051> (In Russ.).
9. Matrosov D.V. Strategic management in youth policy: Challenges and development directions until 2030. *Bulletin of Science*. 2025;2(4):40-46. URL: <https://www.elibrary.ru/xelnlz> (In Russ.).
10. Braines A.A. Patriotic, civic and political education of youth in modern Russia: The relationship of concepts. *Bulletin of the Moscow University. Episode 12: Political Science*. 2023;1-2:26-38. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-2-26-38>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Любовь Владимировна Адамская — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Lubov V. Adamskaya — Cand. Sci. (Socio.), Assoc. Prof. at the Department of State and Municipal Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-2863-6855>

lvadamskaya@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 06.03.2026; после рецензирования 27.03.2026; принята к публикации 22.04.2026.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 06.03.2026; revised on 27.03.2026 and accepted for publication on 22.04.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ORIGINAL PAPER

DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-21-28

UDK 321.01:004.9(045)

The Soft Power Effects of India's Digital Diplomacy: Competitive Comparison with China's Digital Silk Road

Cui Zheng, Wang Yujing

Liaoning University, Shenyang, China

ABSTRACT

Digital technology is becoming a new field for national soft power projection and geopolitical games. This article adopts a comparative research method to analyze the soft power effect of China's digital Silk Road and India's digital technology diplomacy in the Global South. China is characterized by the export of heavy assets such as infrastructure and industrial systems, and builds influence through the triple structure of "hard connectivity-soft connectivity-heart connectivity"; India is characterized by the diffusion of light assets such as digital public infrastructure and governance systems, and promotes governance experience through low-cost and open-source paths. The acceptance of China and India is closely related to the existing digital economic development conditions of the target countries. Different initial conditions, such as market maturity, regulatory framework, technology absorption capacity, etc., have guided differentiated cooperation needs, thus affecting their preferences in global digital development programs. Geopolitical preferences have become an important variable, and the "Global South" countries are increasingly adopting mixed strategies. In the future, China and India will present a dual trend of coexistence and competition in the "Global South", and the strategic autonomy of the "Global South" countries will continue to shape the final direction of this digital competition.

Keyword: Digital Technology Diplomacy; Digital Silk Road; Soft Power; Global South; Global Governance

For citation: Cui Zheng, Wang Yujing. The Soft power effects of India's digital diplomacy: Competitive comparison with China's Digital Silk Road. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2026;16(3):21-28. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-21-28

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Влияние «мягкой силы» цифровой дипломатии Индии: конкурентное сравнение с китайским «Цифровым шелковым путем»

Чжэн Цуй, Юйцзин Ван

Ляонинский университет, Шэньян, Китай

АННОТАЦИЯ

Цифровые технологии становятся новым полем для национальной демонстрации мягкой силы и геополитических игр. В данной статье используется метод сравнительного исследования для анализа влияния «мягкой силы» цифрового шелкового пути Китая и дипломатии цифровых технологий Индии на Глобальном Юге. Китай характеризуется экспортом «тяжелых» активов, таких как инфраструктура и промышленные системы, и укрепляет свое влияние благодаря тройной структуре «жесткая связь – мягкая связь – сердечная связь»; Индия характеризуется распространением таких «легких» средств, как цифровая общественная инфраструктура и системы управления, и распространением опыта управления с помощью недорогих технологий и с открытым исходным кодом. Признание Китая и Индии тесно связано с существующими условиями развития цифровой экономики в целевых странах. Различные исходные условия, такие как зрелость рынка, нормативно-правовая база, способность к освоению технологий и т.д., определяют различные потребности в сотрудничестве, что влияет на их предпочтения в глобальных программах цифрового развития. Геополитические предпочтения стали важной переменной, и страны Глобального Юга все чаще применяют смешанные стратегии. В будущем Китай и Индия будут представлять собой двойственное направление сосуществования и конкуренции на Глобальном Юге, и стратегическая автономия стран Глобального Юга будет по-прежнему определять окончательное направление этой цифровой конкуренции.

Ключевые слова: дипломатия цифровых технологий; Цифровой шелковый путь; мягкая сила; Глобальный Юг; глобальное управление

Для цитирования: Чжэн Цуй, Юйцзин Ван. Влияние «мягкой силы» цифровой дипломатии Индии: конкурентное сравнение с китайским «Цифровым шелковым путем». *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2026;16(3):21-28. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-21-28

© Cui Zheng, Wang Yujing, 2026

INTRODUCTION

In the third decade of the 21st century, digital technology is undergoing a transformation from a diplomatic tool to a diplomatic ontology [1]. Digital technology has not only reshaped the way of interaction between countries, but also become a new field for soft power projection and geopolitical competition. India and China have shown different strategic paths in the field of digital technology diplomacy. As the digital dimension of the Belt and Road Initiative, China's Digital Silk Road has been upgraded from early information interconnection to comprehensive digital ecological output. However, China's digital Silk Road faces the challenges of stigmatization such as "digital authoritarianism", "technical colonialism" and "debt trap theory" in international narratives, which are often interpreted as geopolitical expansion tools, resulting in a reduction in the effect of soft power projection. India's digital technology diplomacy has explored a technical path with digital public infrastructure as the core and development demand-oriented. The British Economist positions India's digital public infrastructure as a low-cost, software-based "digital version of the Belt and Road" model.¹ However, India's network readiness index only ranks 49th in the world (China ranks 17th), and there are significant shortcomings in digital infrastructure.² The imbalance between India's "ability-ambition" and China's "strength-narrative" constitutes the core paradox of competitive comparison.

Existing literature has formed a rich academic dialog on the research of the digital Silk Road under the framework of the Belt and Road Initiative, but the academic discussion on India's digital technology diplomacy is still in its infancy. Despite India's frequent advocacy of the global influence of its digital public infrastructure, systematic research is limited. In a few comparative studies, scholars often tend to adopt the binary framework of the "China-US game", regard India as a passive responder or a secondary role, and ignore its global digital ambition as an autonomous actor. In view of this, this article is based on the competitive comparison framework, combined with the latest data and cases, to explore India's digital tech-

nology diplomacy and its soft power effect compared with China's digital Silk Road.

THE CORE COMPOSITION OF DIGITAL SOLUTIONS WITH INDIAN CHARACTERISTICS

The foundation and important material carrier of India's digital technology diplomacy is its independently developed digital public infrastructure, collectively known as "India Stack". This stack comprises a suite of digital public goods built on open application programming interfaces (APIs) and employs a layered architecture design. It addresses three fundamental challenges of the digital economy: identity verification, unified payments, and data management. Having undergone extensive practical validation domestically, the India Stack has become a key resource for India's international cooperation.

Identity Layer

Aadhaar is the first layer of India's digital public infrastructure and the largest biometric identification system in the world. Before its launch, India's identity authentication system was extremely chaotic, with a variety of identity certificates such as driver's licenses, voter's cards and passports in parallel, and more than half of the country's population did not have any official identity certificates. Around 2010, the Indian government launched Aadhaar, which linked the biometrics of citizens with 12-digit identification numbers, which solved the long-standing problem of identity verification confusion and forgery in India, and provided basic support for public services, financial inclusion and social welfare. Taking banking services as an example, tellers can instantly access pre-stored biometric data from the database using a customer's Aadhaar number for verification, streamlining the process for customers while significantly reducing workload. As of August 2023, over 1.3 billion people in India possess an Aadhaar number, representing more than 99% of the country's adult citizens.³ At present, Aadhaar has entered a new stage of maintaining data accuracy and expanding application depth from pursuing the number of registrations.

Based on Aadhaar's successful experience, India has developed a module open source identity platform (MOSIP) for the international market, which provides low-cost and efficient alternatives for countries that

¹ Economic Times (via The Economist). India's low-cost digital platforms project its technological dominance on global front. 2025. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/india/indias-low-cost-digital-platforms-project-its-technological-dominance-on-global-front/articleshow/100893713.cms>

² Portulans Institute. Network Readiness Index 2024. Washington (DC): Portulans Institute; 2024. & Press Information Bureau of India. India shines in Network Readiness Index 2024. URL: <https://pib.gov.in/PressNoteDetails.aspx?NoteId=153468>

³ Unique Identification Authority of India. Aadhaar authentication rose to 2.31 billion in March 2023. Government of India; 2023 Apr 28. URL: <https://uidai.gov.in/en/media-resources/media/aadhaar-in-prints/13914-aadhaar-authentication-rose-to-2-31-bn-in-mar-2023.html>

lack perfect identity authentication systems, enabling India to participate in the construction of basic social governance structures in other countries, thus forming a deep strategic impact.

Payment Layer

The Unified Payment Interface (UPI) is the core transaction layer in India's digital public infrastructure. Launched by the National Payment Corporation of India, it allows users to link multiple bank accounts to a single mobile APP provided by any member bank, changing the situation of separate digital wallets and mobile payment platforms in the Indian market before 2016, simplifying digital banking services. Indians who have never opened a bank account can operate multiple accounts of different banks through one APP as long as they have Aadhaar identity and smartphones, which has greatly promoted the process of financial inclusion in India. The UPI system is also closely connected with government services, especially the direct welfare transfer system, which helps to solve the problems of corruption and inefficiency in welfare distribution. UPI has achieved remarkable transaction volumes in India. In August 2025, UPI's monthly transaction volume surpassed 20 billion for the first time, with an average daily transaction volume reaching approximately 707 million. UPI facilitates about 85% of India's digital retail transactions, establishing itself as the country's most dominant payment method.⁴

The success of UPI is also reflected in cross-border payment cooperation. The Modi government has successively promoted the interoperability of UPI with other countries' payment systems, such as Singapore's PayNow and the UAE's Neopay. This has significantly reduced fees for cross-border remittances and enhanced India's economic and financial penetration into these nations. The Reserve Bank of India recently announced that it has reached an agreement with the European Union to launch the direct connection between UPI and the TARGET instant payment and settlement system in the Eurozone to further expand the cross-border payment capabilities of UPI.

Data Layer

The paperless layer and the Data Empowerment and Protection Architecture (DEPA) constitute the data layer of India's digital public infrastructure. The paperless layer primarily includes DigiLocker and Account

⁴ Economic Daily. India accelerates cooperation in cross-border digital payments. China Economic Net; 2025 Nov 26. URL: http://m.ce.cn/bwzg/202511/t20251126_2601807.shtml (In Chin.)

Aggregator (AA), which constitute the data management and application ecosystem. DigiLocker is a system for digital storage of key documents, reducing citizens' dependence on physical documents and improving public service efficiency and anti-counterfeiting ability. AA is a key data sharing intermediary, which uses user-authorized financial asset certificates, liabilities, cash flow and other integrated verification information. DEPA gives users autonomous control over data through AA and other mechanisms. By decoupling data from services, it tries to balance the rights and development value of personal data, responding to the core concerns about privacy protection in the digital age, and has become an important selling point for India to promote its digital governance model to the international community. The application of DEPA in the fields of medical care, education and agriculture shows cross-departmental interoperability.

The modular design of the Indian model allows target countries to localize core principles and open technologies, which is regarded as a way of cooperation that encourages joint development rather than technology monopoly. However, technology transfer is often accompanied by technical training and capacity-building programs, leading to the recipient countries developing a sustained technological dependency on India [2].

THE "TRIPLE CONNECTIVITY" ARCHITECTURE OF CHINA'S DIGITAL SILK ROAD

The implementation of China's Digital Silk Road follows a three-tiered framework of "hard, soft, and heart connectivity," forming a progressive cooperative structure.

Hard Connectivity of Digital Infrastructure

"Hard connectivity" is the material foundation of the Digital Silk Road, covering network infrastructure, computing infrastructure, integration infrastructure and innovation infrastructure. Network infrastructure construction covers 5G base stations, cross-border optical cables and mobile networks. By the end of 2024, Chinese enterprises have built a total of 34 cross-border land optical cables and 17 operational international and Hong Kong, Macao and Taiwan submarine cable systems.⁵ The PEACE submarine optical cable system is a landmark project. It bypasses the traditional sub-

⁵ Ministry of Commerce of the People's Republic of China. China E-commerce Report 2022. Beijing; 2023 Jun 9. URL: <https://images.mofcom.gov.cn/dzsws/202306/20230609104929992.pdf> (In Chin.); China Academy of Information and Communications Technology. Report on China's participation in international submarine cable construction and protection. Beijing; 2025 Mar 24. URL: <https://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/ztbg/202503/P020250324487194932705.pdf> (In Chin.).

marine cable route dominated by the United States and provides the shortest communication route from China to Europe and Africa through the cross-border land optical cable connection between China and Pakistan, breaking the monopoly of Western countries on global Internet infrastructure. In terms of 5G and mobile communication, China has built and opened a total of 4.758 million 5G base stations, and the total computing power of data centers ranks second in the world. The focus of construction has been towards deep coverage, quality improvement and application integration.⁶ The construction of computing infrastructure covers data centers, cloud computing platforms and supercomputing centers. As a satellite navigation system independently developed by China, BeiDou Navigation Satellite System (BDS) has been promoted and applied in more than 130 countries and regions, becoming an important space infrastructure of countries along the route, providing receiving countries with a technology stack independent of Western global positioning systems, and promoting the integration of civil and military data. The integrated infrastructure covers smart cities, smart transportation and industrial Internet. Huawei has built smart city projects in Malaysia, Thailand and other places, providing overall solutions including cloud computing, the Internet of Things and big data analysis, and exporting China's urban governance concept. Innovation infrastructure encompasses joint laboratories and technology R&D centers, cultivating local digital talent for partner nations and serving as a cornerstone for sustainable development.

Soft Connectivity of Rules and Standards

Soft Connectivity shapes a digital governance ecosystem that is beneficial to China through the output of rules, standards and mechanisms. At the macro level, "soft connectivity" seeks the greatest common denominator with the digital strategies of partner countries. At the bilateral level, the construction of the Digital Silk Road is deeply connected with national strategies such as Indonesia's "Golden Indonesia 2045," Saudi Arabia's "Vision 2030," and Uzbekistan's "Digital Uzbekistan 2023." Through signing memorandums of cooperation and establishing institutionalized policy coordination frameworks, this alignment creates synergistic policy effects and a multiplier effect[3]. At the multilateral level, China actively promotes international discussions on digital governance issues under multilateral plat-

⁶ People's Daily. China's total number of 5G base stations reached 4.758 million by the end of October. 2025 Dec 3. URL: <https://cpc.people.com.cn/n1/2025/1203/c64387-40616332.html> (In Chin.)

forms such as the Shanghai Cooperation Organization and regional cooperation such as China-ASEAN, and further strengthens the density of strategic coordination. The focus at the micro level is to promote the gradual compatibility of rules in key areas under the premise of respecting the sovereignty and security of all countries. The Network Security Law and the Personal Data Protection Law passed by Vietnam in 2021 are highly similar to the Chinese framework in terms of data localization requirements and key information infrastructure protection [4]. This convergence is not achieved through coercive means, but gradually penetrated through "soft" methods such as technical cooperation and legislative consultation. More innovative is the exploration of digital trade rules under the RCEP framework. Although RCEP has not completely abolished the requirements for data localization, it has set up a flexible arrangement of "prohibition in principle — exception clause", allowing developing countries to set up transition periods, forming a rudimentary developmental digital trade rules that are more inclusive than the CPTPP [5]. In terms of the promotion of technical standards, the computing power network framework standard (Y.2501) led by China Telecom was officially adopted at the meeting of the Telecommunications Standardization Department of the International Telecommunication Union in July 2021, marking a leap from communication standards to computing power governance standards, and promoting it to countries along the route through project implementation.⁷

"Heart Connectivity" through Development Narratives

The essence of "heart connectivity" is to realize the progression from individual emotions to collective identity through the layered transmission of narrative. Emotional resonance focuses on creating a sense of closeness and familiarity through multi-field and multi-subject personnel exchanges and cultural interaction. Huawei's "Future Seed" plan and relevant ICT colleges, Alibaba's digital talents and cross-border e-commerce training and other projects carry out short-term training, exchange and online courses for college students and entrepreneurs from countries along the route. Upon returning home, these young elites become the backbone driving digital transformation in their nations. Relevant activities frequently touch people's daily

⁷ The Paper; China Telecom. Breakthrough: first international computing-power network standard led by China Telecom Research Institute approved. 2021 Jul 24. URL: https://www.thepaper.cn/baijiahao_13726907 (In Chin.)

life, realize the initial accumulation from information contact to emotional goodwill, and build indispensable trust and social capital. The cognitive layer forms a common understanding of digital transformation through systematic knowledge sharing and co-construction of capabilities. China's "Digital Silk Road" directly imparts skills and knowledge to partner countries by establishing 34 "Luban Workshops" across 30 countries and regions worldwide, setting up multidisciplinary Belt and Road joint laboratories, and building the "Digital South" cooperative brand to cultivate local skilled talent. Normative internalization means that ordinary people truly feel the value brought by digital cooperation in daily life, and form long-term identification and moral support on this basis, which is the final ruler to test the effectiveness of "soft connectivity". The implementation of 100 "small and beautiful" people's livelihood projects in countries along the route is the concentrated embodiment of this concept. Compared with large-scale infrastructure, these projects for smart medical care, online education, digital poverty alleviation and other fields can improve people's quality of life more directly and rapidly, so that digital dividends are no longer an abstract concept, but a concrete sense of gain, and finally establish a credible, friendly and respectable image of China in the hearts of the people.

COMPETITIVE COMPARISON OF SOFT POWER EFFECTS Structural Differences in Competition

Chronologically, the Digital Silk Road emerged in the early 2010s and accelerated with the advancement of the Belt and Road Initiative. The India Stack, meanwhile, is an emerging strategy that has been systematically developed since 2020, exhibiting distinct characteristics of latecomer catch-up. Second, China follows a heavy-asset diffusion model centered on infrastructure and industrial systems; India follows a light-asset diffusion model centered on digital public infrastructure and governance systems. Third, China emphasizes unified planning, system integration and scale effect; India focuses on modular design, interoperability and gradual implementation. Fourth, China has a strong presence in Southeast Asia, Central Asia and Africa; India has gained more recognition in neighboring countries in South Asia, African English-speaking countries and Pacific island countries. The underlying logic of the competition between the two lies in the different nature of resources: China's export of scarce material resources mainly generates soft power through resource dependence; India exports digital public products and knowledge frameworks, mainly

generates soft power through knowledge sharing and normative attraction.

Comparison of Technical Pathways

China's competitive advantage lies in: the world's leading equipment supply, providing a complete ecosystem from 4G/5G to backbone optical cables; the rapid promotion of smart cities and security systems; cross-border e-commerce, payment and logistics platforms form an ecological closed loop. This all-round coverage makes it easy for the receiving country to form a deep dependence on China's standards and technology paths. Competitive disadvantages include: long project cycles and are greatly affected by international political risks; infrastructure requires large-scale financing, which is easy to trigger debt discussions; and some countries are concerned about data security or political dependence. India's competitive advantages include low costs, low barriers to entry, and rapid scalability. The implementation cost of MOSIP is one order of magnitude lower than that of commercial digital identity systems. It places high emphasis on privacy protection and transparent governance, stressing "data minimization, user control, and consent management." Its adaptability is highly context-dependent, making it suitable for countries with existing digital infrastructure that require governance optimization. India's competitive disadvantages include a lack of independent hardware supply capabilities, an inability to provide a full-chain system encompassing hardware, platforms, and industrial chains, and an inherent hybrid model of "standard exportation coupled with technology outsourcing." While its internet industry is strong, its manufacturing capacity is limited, making it difficult to compete head-on with China in the infrastructure sector.

The Chinese model has created a strong "path-locking" effect: once Huawei or ZTE network equipment is adopted, subsequent upgrades, maintenance and expansion often require continuous reliance on Chinese suppliers; the Indian model provides more "technical sovereignty" on the surface, and the open source code allows the receiving country to carry out localization, but the actual operation still needs the continuous support of technology companies. The Chinese model involves large amounts of money, which usually requires sovereign loans or preferential financing, which poses hidden dangers for debt sustainability problems; the deployment cost of the Indian model is relatively low, mainly software licensing, technical training and system integration costs, but the economic driving effect is relatively limited. The Chinese model is often accompanied by a complete industrial chain output,

from equipment manufacturing, network construction to application development to form a relatively closed but self-sufficient ecosystem; India relies on international cooperation and multilateral institutions, and the promotion of digital public infrastructure usually requires cloud services from American technology giants such as Microsoft and Amazon. The combination of business improves compatibility and weakens independence and competitive advantage at the same time.

Institutional and Regulatory Competition

In terms of the concept of digital sovereignty, China emphasizes the national jurisdiction over data flow and cyberspace, and countries have the right to choose the Internet governance model according to their own national conditions. India adopts the middle path of integrating East and West, on the one hand, drawing on the EU's General Data Protection Regulation (GDPR) to emphasize the protection of personal data, and on the other hand, absorbing the emphasis on data mobility in the American model.⁸ However, the Digital Personal Data Protection Act passed in India in 2023 actually gives the government extensive immunity and lacks privacy protection rules. In cross-border data transmission, China tends to have a restrictive mechanism, requiring important data to be stored in China and assessed for security before leaving the country. Although India also implements data localization policies, especially payment and financial data, it emphasizes "interoperability" and "portability" in external promotion, trying to create a more open image. India's Aadhaar system emphasizes "minimizing data collection" and "use limitation", but has been criticized for data leakage and functional spread.

Digital Narrative Competition

China's development narrative emphasizes digital modernization, laggard advantages and speed, and describes China's transformation from a "digital depression" to a "digital power" as a replicable miracle of development. In terms of value narrative, China emphasizes the principle of non-interference in internal affairs and respect for the network sovereignty of all countries, and upholds the concept of joint consultation, joint construction and sharing. However, as Sino-American competition intensifies, China risks being labeled by the West as practicing "digital authoritarianism" or setting "debt traps," thereby undermining the international

⁸ Comparing India's Personal Data Protection Act with global data protection regulations. URL: <https://securiti.ai/india-digital-personal-data-protection-act-vs-gdpr/>

appeal of its Digital Silk Road[6]. India's development narrative is based on how its digital public infrastructure can achieve inclusive development. According to India's official data, UPI has officially surpassed Visa in July 2025 to become the world's largest real-time payment system.⁹ India also builds a positive narrative of local innovation capabilities by showing the leap in its global innovation ranking (from 81st to 38th).¹⁰ In terms of value narrative, India has packaged digital success as "the digital transformation of the world's largest democracy", emphasizing the modernization of digital governance without compromising the democratic system and civil liberties. However, the Indian government's frequent bans on social media and online surveillance of critics have weakened the credibility of the value narrative. Future competition will depend on who can more effectively transform technical advantages into value legitimacy and governance demonstration.

Variations in Acceptance Across the Global South

The key to competition is not who replaces whom, but who is more adaptable in different countries.

The stage of economic development significantly affects the acceptance rate. The least developed countries are facing serious digital infrastructure gaps and often pursue rapid modernization, while China has become the first choice to solve "hard demand" with its cost-effectiveness and financing advantages. Middle-income countries already have basic digital infrastructure. At this stage, the need is to optimize digital governance and improve service efficiency. The Indian model can meet the "soft needs" of its development and upgrading stage.

Geopolitical preferences are an important variable. In South Asia, small countries such as Bhutan, Nepal and the Maldives have to consider political relations with India in digital technology options, even if China may provide more favorable conditions. On the contrary, in Pakistan, digital infrastructure projects under the framework of the China-Pakistan Economic Corridor almost completely exclude India's participation. In Africa, countries that do not have special political ties with China or India often adopt "hedging strate-

⁹ International Monetary Fund. Growing retail digital payments: The value of interoperability. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/tech-notes/Issues/2025/07/20/Growing-Retail-Digital-Payments-The-Value-of-Interoperability-544119>

¹⁰ According to WIPO's annual reports, India's ranking has risen steadily from 81st in 2015 to 39th in 2024, reaching 38th in the latest 2025 data. World Intellectual Property Organization. Global Innovation Index 2025. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/en/gii-2025-results.html>

gies” and receive digital technical assistance from both countries to balance external influences. Countries that maintain close security relations with the United States are influenced by Washington in terms of digital technology choices and tend to avoid the Chinese plan and turn to India or other alternative options. The “Clean Network” initiative promoted by the United States clearly requires allied countries to exclude Chinese suppliers, creating a window of opportunity for the Indian model. On the contrary, countries that oppose Western hegemony and seek multipolarity regard China’s digital technology as an option to get rid of dependence on Western technology.

Judging from the development trend, more and more “Global South” countries cooperate with China and India in different fields to form a pragmatic hybrid adoption strategy to avoid simply imitating the needs of the Western or Asian major power model, which reflects the enhanced strategic autonomy of “Global South” countries in the digital age, and also foreshadows the digital competition between China and India. More will shift from the competition of alternative models to the competition of complementary solutions. It is worth noting that developed countries such as France and Germany have praised the Indian model, which reflects that the Indian model has cross-system attractiveness in specific technical areas (such as payment), but does not mean accepting its governance philosophy. The fundamental determinant of acceptance is that when developing countries pay more attention to capacity building, the Chinese model is superior; when they pay more attention to institutional autonomy, the Indian model is more attractive.

FUTURE OUTLOOK AND CONCLUSIONS

The structural basis of the coexistence situation is that the two serve different levels of digitalization. First of all, it comes from the complementary functions of the two, and technically there is a cooperation space of “Chinese wine in Indian bottles”. In terms of infrastructure, China’s comparative advantage is difficult to shake in the short term; in terms of application platform, the Indian model has unique value in the digital governance stage because of its relatively low cost, high flexibility and strong institutional compatibility. This vertical division of labor may give rise to a hybrid model of “Chinese hardware + Indian software”, especially in middle-income countries that pursue diversification of technology sources. Secondly, economic complementarity also supports coexistence. Indian overseas remittances rely on Chinese investment and exist in

Southeast Asian and African markets. Finally, the two models of China and India are not absolutely opposite, but learn from each other’s strengths and make up for each other’s shortcomings while maintaining their respective core advantages.

The competitive situation will continue to intensify in key areas. First, the digital payment field. China’s digital RMB internationalization strategy forms a direct confrontation with India’s UPI global expansion, both of which are trying to establish a cross-border payment network with its own technology as the core in the global south. Second, the dimension of data center and cloud service. With the popularity of data localization requirements, countries need to establish data storage and processing capabilities locally. China’s Alibaba Cloud, Huawei Cloud and India’s Tata Consulting Services and Infosys will compete in the African and Latin American markets. Third, the competition between rules and standards will become more and more fierce. China has put forward the Global Data Security Initiative, the Global Data Cross-Border Flow Cooperation Initiative, the Global Artificial Intelligence Governance Initiative, etc., to provide Chinese wisdom for the formulation of global digital rules. India participates in the shaping of global digital rules by advocating “free flow of data and trust” and showing the effectiveness of the India stack. The power to set standards will determine the power structure of the future digital ecosystem. McKinsey’s “Technology Trend Outlook 2025” report pointed out that “the future competition is no longer the breakthrough of a single technology point, but the competition of ecosystems, talent systems and values”.¹¹ This means that the digital competition between China and India will increasingly appear as an all-round and multi-level ecosystem competition, covering multiple elements such as technological innovation, policy environment, talent training, and capital investment.

Under the dual situation, the “Global South” countries are no longer passive recipients, but increasingly become active strategists, shaping a digital development path that meets their own needs through selective adoption, localization adaptation and creative integration. The future of digital competition between China and India depends not only on the technological and institutional innovation of the two countries, but also on how the “Global South” countries exercise strategic autonomy in this digital game.

¹¹ McKinsey & Company. Technology trends outlook 2025. 2025 Jul 22. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/tech-and-ai/our-insights/the-top-trends-in-tech>

REFERENCES

1. Feng S., Ye K., Xue S. Towards digital diplomacy or digitization of diplomacy? Logic and limits of diplomatic transformation in the digital era. *Russian, East European & Central Asian Studies*. 2025;(1):61-80,162. (In Chin.).
2. Zheng H. India's digital infrastructure diplomacy: Practices, strategic intentions and implications for China. *Journal of Yunnan Institute of Administration*. 2024;26(6):137-148. (In Chin.)
3. Guo Y., Chen Y. On the construction of digital cooperation rules of the "Digital Silk Road". *Journal of Hubei University (Philosophy and Social Sciences)*. 2025;52(2):129-137. (In Chin.).
4. Nguyen T., Le D. Data regulations in Vietnam. Singapore: Lee Kuan Yew School of Public Policy; 2023:17-20.
5. Wang X., Lan S. Cross-border data flow mechanism of the Digital Silk Road: Logic framework and path selection. *Humanities Journal*. 2025;(3):46-56. (In Chin.).
6. Feng Z. Western academic perceptions of the "Digital Silk Road". *Yunnan Social Sciences*. 2025;(4):42-52. (In Chin.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Cui Zheng — Ph.D. Sci (Pol.), Prof., Acting Director of the China Open Economy Research Institute, Liaoning University, Shenyang, China

Цуй Чжэн — кандидат политических наук, профессор, И.о директора Института исследования открытой экономики Китая, Ляонинский университет, Шэньян, Китай

<https://orcid.org/0009-0000-8088-2557>

Автор для корреспонденции / Corresponding autor:

494786744@qq.com

Wang Yujing — Junior Researcher at the Institute for the Study of the Open Economy of China, Liaoning University, Shenyang, China

Ван Юйцзин — младший научный сотрудник, Институт исследования открытой экономики Китая, Ляонинский университет, Шэньян, Китай

<https://orcid.org/0000-0002-4801-1281>

1736277684@qq.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.02.2026; после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 16.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 05.02.2026; revised on 20.02.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Цифровая экономика Китая и формирование международных правил: значение для сотрудничества России и стран БРИКС

Шэнь Дань, Н.В. Михайлова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется модель развития цифровой экономики Китайской Народной Республики в контексте формирования международных правил цифрового регулирования и трансформации глобального экономического пространства в условиях его возрастающей фрагментации. На основе официальной статистики, региональных индексов развития цифровой экономики, а также современных зарубежных и российских научных исследований показано, что к середине 2020-х гг. цифровая экономика Китая превратилась в системообразующий элемент национального воспроизводственного процесса, по масштабам и экономическому значению сопоставимый с традиционными секторами. Особое внимание уделяется структурным и пространственным характеристикам цифрового развития, включая региональную дифференциацию, отраслевую цифровизацию, инфраструктурную экспансию (сети связи и вычислительные мощности), формирование рынка данных и институционализацию данных как фактора производства. Обосновывается тезис о том, что китайская модель цифровой экономики основана на сочетании активной роли государства, высокой концентрации данных в платформенных экосистемах и режиме управляемой, процедурно обусловленной открытости трансграничных потоков информации. Показано, что данная модель формирует альтернативный нормативный подход к цифровой торговле и управлению данными, отличающийся от либеральной концепции свободного движения данных. В статье раскрывается значение китайской модели для России и стран БРИКС, прежде всего в контексте цифрового сотрудничества, снижения транзакционных издержек и выработки совместимых регуляторных решений в условиях санкционного давления и институциональной неоднородности. Делается вывод о том, что ключевым направлением взаимодействия становится формирование режимов регуляторной интероперабельности и регуляторных коридоров низкого риска, позволяющих сочетать расширение цифрового обмена с сохранением цифрового суверенитета и требований национальной безопасности. Гипотеза исследования заключается в том, что дальнейшая эволюция китайской цифровой модели будет сопровождаться усилением нормативного экспорта цифровых стандартов через двусторонние и многосторонние форматы сотрудничества. Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных выводов при разработке национальных стратегий цифрового развития и механизмов международного цифрового регулирования в условиях полицентричной мировой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика Китая; цифровая индустриализация; данные как фактор производства; трансграничные потоки данных; цифровое регулирование; международные правила; цифровой суверенитет; БРИКС; российско-китайское сотрудничество; регуляторная интероперабельность

Для цитирования: Дань Шэнь, Михайлова Н.В. Цифровая экономика Китая и формирование международных правил: значение для сотрудничества России и стран БРИКС. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(3):29-39. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-29-39

China's Digital Economy and the Formation of International Rules: Importance for Cooperation Between Russia and the BRICS Countries

Shen Dan, N.V. Mikhailova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article examines the model of the development of the digital economy of the People's Republic of China in the context of the formation of international rules of digital regulation and the transformation of the global economic space in the context of its increasing fragmentation. Based on official statistics, regional digital economy development indices, as well as modern foreign and Russian scientific research, it has been shown that by the mid-2020s, China's digital economy had become a system-

forming element of the national reproduction process, comparable in scale and economic importance to traditional sectors. Special attention is paid to the structural and spatial characteristics of digital development, including regional differentiation, industry digitalization, infrastructural expansion (communication networks and computing power), the formation of the data market and the institutionalization of data as a factor of production. The thesis is substantiated that the Chinese model of the digital economy is based on a combination of an active role of the state, a high concentration of data in platform ecosystems and a regime of controlled, procedurally driven openness of cross-border information flows. It is shown that this model forms an alternative regulatory approach to digital commerce and data management, which differs from the liberal concept of free movement of data. The article reveals the importance of the Chinese model for Russia and the BRICS countries, primarily in the context of digital cooperation, reducing transaction costs and developing compatible regulatory solutions in the face of sanctions pressure and institutional heterogeneity. It is concluded that the key area of interaction is the formation of regulatory interoperability regimes and low-risk regulatory corridors that combine the expansion of digital exchange with the preservation of digital sovereignty and national security requirements. The hypothesis of the study is that the further evolution of the Chinese digital model will be accompanied by increased regulatory exports of digital standards through bilateral and multilateral cooperation formats. The practical significance of the work lies in the possibility of using the findings in the development of national digital development strategies and mechanisms of international digital regulation in a polycentric global economy.

Keywords: China's digital economy; digital industrialization; data as a factor of production; cross-border data flows; digital regulation; international rules; digital sovereignty; BRICS; Russian-Chinese cooperation; regulatory interoperability

For citation: Dan Shen, Mikhailova N.V. China's digital economy and the formation of international rules: Importance for cooperation between Russia and the BRICS countries. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(3):29-39. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-29-39

ВВЕДЕНИЕ

Цифровая трансформация мировой экономики в XXI в. сопровождается глубокими институциональными изменениями, затрагивающими основы международной торговли, инвестиционного взаимодействия и государственного регулирования. Цифровая экономика постепенно выходит за рамки вспомогательного сектора, превращаясь в ключевой фактор воспроизводственного процесса, источник роста совокупной факторной производительности и структурной перестройки национальных экономик.

В этих условиях особую значимость приобретает анализ национальных моделей цифрового развития, способных оказывать трансграничное воздействие и формировать новые нормативные ориентиры на международном уровне. Китайская Народная Республика представляет собой один из наиболее показательных примеров системного и управляемого развития цифровой экономики.

К середине 2020-х гг. цифровой сектор Китая достиг масштабов, сопоставимых с традиционными отраслями, а его вклад в валовой внутренний продукт приблизился к двум пятым совокупного объема национальной экономики. При этом китайская модель принципиально отличается от либеральных подходов, ориентированных преимущественно на рыночную саморегуляцию и свободное движение данных.

В КНР цифровая экономика развивается в рамках активной государственной политики, сочетающей масштабные инфраструктурные инвестиции, индустриальную цифровизацию, институционализацию данных как фактора производства и жестко структурированное регулирование цифровых экосистем.

Актуальность исследования обусловлена тем, что внутренняя модель цифрового развития Китая все в большей степени трансформируется в источник международных правил и стандартов. Экспорт цифровой инфраструктуры, платформенных решений и технологических экосистем сопровождается распространением регуляторных подходов к управлению данными, цифровыми платформами и алгоритмическими механизмами.

В результате формируется альтернативная логика международного цифрового регулирования, основанная на принципах условной открытости, процедурного допуска и приоритета национальной безопасности. Для России и других стран БРИКС значение китайской модели цифровой экономики определяется не только масштабами рынка и технологическим потенциалом, но и возможностью выработки совместимых институциональных решений в условиях санкционного давления и фрагментации глобального цифрового пространства.

Усиление внешних ограничений трансформирует правовую неопределенность в один из ключевых барьеров цифрового сотрудничества, что делает необходимым переход от исключительно коммерческой логики взаимодействия к институциональному проектированию режимов цифрового обмена и регулирования.

Целью настоящей статьи является выявление особенностей китайской модели развития цифровой экономики Китайской Народной Республики как особой формы институционально управляемой цифровой трансформации и оценка ее значения для формирования международных правил цифрового регулирования, а также для развития сотруд-

ничества России и стран БРИКС в условиях фрагментации глобального цифрового пространства.

Достижение данной цели предполагает выход за рамки описания отдельных показателей цифрового роста и сосредоточение внимания на системных характеристиках китайской модели, которые определяют ее трансграничное нормативное и экономическое воздействие.

В рамках исследования ставится задача выявить, каким образом цифровая экономика в КНР трансформировалась из вспомогательного сектора в системообразующий элемент национального воспроизводственного процесса, сопоставимый по масштабам и функциям с традиционными отраслями промышленности и сферы услуг.

Особое значение при этом придается анализу структурных компонентов цифровой экономики Китая, включая цифровую индустриализацию, цифровизацию традиционных отраслей, развитие инфраструктуры связи и вычислительных мощностей, а также институционализацию данных в качестве самостоятельного фактора производства.

МЕТОДЫ

В методологическом отношении статья опирается на смешанный дизайн исследования, сочетающий количественные и качественные методы.

Количественный блок включает анализ официальной статистики и динамических индексов развития цифровой экономики (в том числе субиндексов цифровой индустриализации, цифровизации промышленности, инфраструктуры, технологий и кадрового потенциала) за длительный период, а также межрегиональное сопоставление по 31 провинции с использованием показателей концентрации и элементов пространственного анализа (выявление кластеризации «высокий — высокий/низкий — низкий» и сравнение траекторий по линии Ху Хуаньюна).

Качественный блок реализован через сравнительно-институциональный и нормативно-правовой анализ: авторы реконструируют регуляторную логику Китая в сфере данных и платформ, прослеживают эволюцию режима трансграничных потоков (от ограничительной модели к «условной открытости»), а также сопоставляют подходы к регулированию цифровых платформ в странах БРИКС для обоснования концепта «регуляторной интероперабельности».

Дополнительно применяется аналитический синтез результатов современных научных исследований (review-логика) для верификации ключе-

вых тезисов (масштаб цифровой экономики, роль инфраструктуры 5G, платежная экосистема) и для вывода прикладных рекомендаций — в частности, идеи «регуляторных коридоров низкого риска» как институционального механизма развития сотрудничества России и БРИКС.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КИТАЯ: СУЩНОСТЬ, РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

С технической точки зрения цифровые технологии относятся к технологиям, которые преобразуют все виды информации, такие как изображения, тексты, аудио и видео, в двоичные коды «0» и «1», которые могут быть распознаны компьютерами с помощью определенного оборудования, а затем сохраняют и обрабатывают их.

Цифровизацию можно определить как внедрение информационных технологий во все сферы деятельности в системах разного уровня, в том числе и в экономику.

Одной из характерных черт цифровой экономики Китая является активная роль государства. Центральное правительство и Государственный совет КНР разрабатывают долгосрочные стратегии, направленные на внедрение цифровых технологий в промышленность, управление, образование и социальную сферу. Программы цифровизации способствуют повышению эффективности производства, оптимизации логистики и развитию «умных» городов. В результате цифровая экономика стала важным элементом национальной стратегии инновационного развития.

Значительную роль в формировании цифровой экономики играют крупные китайские технологические компании. Такие корпорации, как Alibaba, Tencent и Huawei, не только доминируют на внутреннем рынке, но и активно выходят на международную арену.

Электронная коммерция, цифровые платежи и онлайн-сервисы в КНР достигли высокого уровня развития, что существенно изменило повседневную жизнь населения. Безналичные платежи через мобильные приложения стали нормой даже в небольших городах и сельских районах.

Конечно, внимания заслуживает развитие цифровых платформ и экосистем. Они объединяют торговлю, финансы, логистику и социальные сервисы, формируя новые модели потребления и занятости. Платформенная экономика открывает возможности для малого и среднего бизнеса, снижая барьеры входа на рынок и расширяя доступ к потребителям.

Одновременно с этим государство усиливает регулирование цифровых платформ, стремясь обеспечить баланс между инновациями и социальной стабильностью.

Согласно Инициативе G20 по развитию цифровой экономики и сотрудничеству, принятой на саммите G20 в Ханчжоу в 2016 г., цифровая экономика определяется как экономика, относящаяся к ряду видов экономической деятельности, в которых цифровые знания и информация используются в качестве ключевых факторов производства, современная информационная сеть является важным носителем, а эффективное использование информационно-коммуникационных технологий — важной движущей силой повышения эффективности и оптимизации экономической структуры.

В 2025 г. цифровая экономика Китая демонстрирует устойчивый рост. С 2008 по 2023 г. индекс развития цифровой экономики вырос со 100 до 680,92 при среднегодовом темпе роста в 13,64%. При этом:

- индекс цифровой индустриализации увеличился более чем в 10 раз (среднегодовой темп роста составил 17,24%);
- индекс промышленной цифровизации вырос быстрее всего (среднегодовой темп роста составил 22,70%);
- темпы роста индекса цифровой инфраструктуры замедлились (среднегодовой темп роста составил 7,71%);
- индекс цифровых технологий незначительно снизился в последние годы;
- общее число специалистов в цифровой сфере стабильно растет, однако наблюдается значительный региональный дисбаланс между спросом и предложением¹. На основе данных индекса развития цифровой экономики по 31 провинции (автономным регионам/муниципалитетам, за исключением Гонконга, Макао и Тайваня) установлено следующее:

Во-первых, разрыв в уровнях развития цифровой экономики между провинциями существенно не увеличился, а общая концентрация цифровой экономики оставалась стабильной в диапазоне от 19,8 до 20,8% в период с 2008 по 2023 г.

Во-вторых, в период с 2009 по 2016 г. цифровая экономика демонстрировала пространственную

кластеризацию по типу «высокий — высокий» или «низкий — низкий», в то время как в другие годы явной пространственной кластеризации не наблюдалось.

В-третьих, темпы роста индекса развития цифровой экономики на юго-восточной стороне линии Ху Хуаньюна (13,72%) были выше, чем на северо-западной стороне (12,56%), что указывает на то, что юго-восточный регион лидирует в цифровой индустриализации и цифровизации промышленности, в то время как северо-западный регион быстро догоняет, опираясь на дивиденды от государственной политики[1].

В-четвертых, индекс развития цифровой экономики как в районах проживания этнических меньшинств, так и в районах проживания неэтнических меньшинств значительно вырос, причем в первых темпы роста оказались несколько выше.

В отношении движущих факторов старение населения, уровень человеческого капитала и экологические нормы значительно положительно коррелируют с уровнем развития цифровой экономики, в то время как урбанизация в целом оказывает сдерживающее воздействие на развитие цифровой экономики.

С точки зрения анализа экономического воздействия развитие цифровой экономики может повысить рентабельность корпораций, строительство цифровой инфраструктуры может сократить денежные резервы корпораций, а увеличение числа цифровых специалистов может обуздать чрезмерную самоуверенность руководства.

ПОЛИТИКА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КИТАЯ: КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ

Современная политика Китая в области цифровой экономики сосредоточена на укреплении основ развития и углублении цифровой трансформации во всех секторах. В 2023 г. был систематически внедрен ряд ключевых мер.

Руководствуясь «Общим планом построения цифрового Китая», план предлагает создание цифровых отраслевых кластеров международного уровня и содействие технологической интеграции в десяти основных секторах, включая сельское хозяйство, промышленность и энергетику.

Целенаправленные усилия сосредоточены на ключевых областях:

- *мнения о цифровом и интеллектуальном развитии энергетики* стимулируют интеллекту-

¹ 中华人民共和国商务部编. 中国数字贸易发展报告2025 / 编制单位: 中国国际经济交流中心课题组; 中华人民共和国商务部. — 北京: 商务部, 2025. Report on China's development of digital trade. Ministry of commerce of the people's Republic of China. 2025. URL: https://cif.mofcom.gov.cn/cif/html/upload/20251013094931676_%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E6%95%B0%E5%AD%97%E8%B4%B8%E6%98%93%E5%8F%91%E5%B1%95%E6%8A%A5%E5%91%8A2025.pdf

альную модернизацию электроэнергетической и угольной промышленности;

- *ключевые моменты развития цифровых деревень* укрепляют цифровую инфраструктуру сельского хозяйства и трансформируют всю цепочку поставок зерна;

- *мнения о строительстве интеллектуальных автомагистралей* создают цифровую систему для всего процесса строительства автомагистралей.

Для решения задач трансформации малых и средних предприятий «Уведомление о пилотных городах для цифровой трансформации малых и средних предприятий» инновационно внедряет предприятия типа «малый маяк» и решения, основанные на принципе «малый, быстрый, легкий и точный».

Одновременно усиливается управление технологиями: создается система мониторинга патентов на основе «Таблицы классификации патентов для ключевых отраслей цифровой экономики»; внедряются «Меры управления услугами генеративного ИИ», регулирующие риски, связанные с безопасностью данных и контентом, что позволяет выстроить надежную линию защиты для обеспечения инновационного развития.

С момента своего создания в 2023 г. Национальное управление данных значительно улучшило проектирование и общее планирование системы и механизмов обработки данных.

В отношении построения инфраструктуры данных «Руководящие указания по ускорению цифровой трансформации сферы услуг жизнеобеспечения» направлены на содействие преобразованию предприятий и укрепление инфраструктуры посредством цифровой трансформации в сфере услуг жизнеобеспечения.

«Реализация рекомендаций по углублению проекта „Восточные данные, западные вычисления“ и ускорению создания национальной интегрированной вычислительной сети» предлагает углубить реализацию проекта «Восточные данные, западные вычисления» и содействовать созданию национальной интегрированной вычислительной сети.

В контексте построения рынка элементов данных «Трехлетний план действий по „Элементам данных ×“ (2024–2026)» направлен на открытие каналов для модернизации индустрии данных.

Что касается благосостояния населения, то «План реализации мер по содействию общему процветанию посредством цифровой экономики» использует цифровую экономику для координации регионального сотрудничества, цифрового разви-

тия сельских районов, повышения уровня грамотности населения и предоставления инклюзивных услуг, формируя замкнутую систему «система — инфраструктура — рынок — благополучие населения».

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КИТАЯ: МАСШТАБЫ, ДОЛЯ В ВВП И РОЛЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РОСТЕ

Цифровая экономика в КНР достигла масштабов, сопоставимых с традиционными секторами, и стала системообразующим фактором экономического роста.

Так, в рецензируемой статье, опубликованной в журнале *Land* в 2025 г., на основе официальной статистики и региональных данных показано, что совокупный объем цифровой экономики Китая достиг 50,2 трлн юаней, а ее доля приблизилась к 40% валового внутреннего продукта, при этом только инфраструктура связи пятого поколения включала 2,646 млн базовых станций 5G[1].

Сходные количественные оценки приводятся в аналитической статье о режимном комплексе цифровой торговли в Азии, где доля цифровой экономики Китая в ВВП оценивается в 41,5%[2].

Данные показатели принципиально важны для понимания китайской модели, поскольку они свидетельствуют о переходе цифровых технологий из вспомогательной сферы в ядро воспроизводственного процесса. В отличие от экономик, где цифровизация концентрируется преимущественно в секторе услуг, китайская модель характеризуется глубокой интеграцией цифровых решений в промышленность, логистику, государственное управление и финансовую систему. Цифровая экономика выступает самостоятельным фактором роста совокупной факторной производительности [3, 4].

Фундаментальным элементом данной модели является инфраструктурная экспансия, прежде всего в сфере сетей связи и вычислительных мощностей. Масштабное развертывание 5G представляет собой институциональный инструмент ускоренной диффузии инноваций. Государственная координация инвестиций в 5G позволила сформировать единое технологическое пространство для развития промышленного интернета, «умной» логистики и цифровых городских систем, тем самым снизив барьеры для внедрения цифровых решений в традиционные сектора экономики.

В этой логике инфраструктура выступает активным регуляторным механизмом, поскольку архитектура сетей, стандарты и протоколы закладывают рамки допустимых форм экономической активности.

ФИНАНСОВО-ПЛАТЕЖНАЯ ЭКОСИСТЕМА: РОЛЬ ALIPAY И WECHAT PAY В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Не менее значимым компонентом китайской цифровой экономики является финансово-платежная экосистема, которая обеспечила практически всеобщую оцифровку потребительских и предпринимательских транзакций. Alipay и WeChat Pay совместно контролируют более 90% рынка мобильных платежей в Китае, что свидетельствует о высокой концентрации и платформенном характере финансовой инфраструктуры [5].

Alipay и WeChat Pay представляют собой две базовые цифровые платежные системы Китая, вокруг которых сформировалась современная финансово-платежная инфраструктура страны. Их развитие показывает специфику китайской модели цифровой экономики, в которой платежные сервисы из вспомогательного финансового инструмента превратились в универсальные цифровые платформы повседневного пользования.

Alipay была запущена в 2004 г. как платежное решение для электронной коммерции группы Alibaba. Изначально сервис выполнял функцию эскроу-платежей, обеспечивая доверие между покупателями и продавцами на онлайн-платформах. Со временем Alipay трансформировалась в многофункциональную финансовую систему, интегрирующую мобильные платежи, переводы между физическими лицами, оплату услуг, микрокредитование, страхование и инвестиционные продукты.

Ключевой особенностью Alipay стало тесное встраивание платежных функций в экосистему электронной коммерции и логистики, что позволило обеспечить высокий уровень удобства и масштабируемости. Пользователь взаимодействует с сервисом через единый интерфейс, получая доступ к широкому спектру финансовых операций без обращения к традиционным банковским каналам. В результате Alipay стала основным инструментом безналичных расчетов как для онлайн-, так и для офлайн-торговли, включая малый бизнес и индивидуальных предпринимателей.

WeChat Pay развивалась по иной логике, опираясь на социальную платформу WeChat, принадлежащую корпорации Tencent. Платежная функция была встроена в мессенджер и социальную сеть, что обеспечило ее стремительное распространение за счет сетевых эффектов. WeChat Pay изначально позиционировалась как инструмент удобных переводов между пользователями и оплаты повседневных услуг внутри социальной среды.

В дальнейшем система стала универсальным платежным решением для торговли, транспорта, коммунальных платежей, государственных сервисов и корпоративных расчетов. Отличительной чертой WeChat Pay является глубокая интеграция платежей с социальными и коммуникационными функциями, что превращает финансовые операции в естественную часть цифрового общения и деловой активности.

В совокупности Alipay и WeChat Pay сформировали дуопольную структуру рынка мобильных платежей Китая, обеспечив практически полную оцифровку розничных и межличностных расчетов. Их доминирование обусловлено не только технологическим удобством, но и экосистемным характером: обе системы встроены в повседневные цифровые практики пользователей и бизнеса.

Именно поэтому данные платежные сервисы стали фундаментом современной финансово-платежной системы КНР и одним из ключевых факторов масштабного развития цифровой экономики страны. В исследовании 2025 г., опубликованном в журнале *FinTech*, приводится количественный показатель в 969 млн пользователей онлайн-платежей, что составляет 88,1% всех интернет-пользователей страны и тем самым фиксирует фактическую универсальность цифровых платежей как социальной практики [6].

Эти данные позволяют утверждать, что платежная инфраструктура стала одним из ключевых источников формирования массивов данных, имеющих стратегическое значение как для бизнеса, так и для государства.

КИТАЙ И СТРАНЫ БРИКС: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ, МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВИЛ

Цифровое сотрудничество Китая и стран БРИКС в XXI в. приобретает стратегическое значение и становится одним из ключевых факторов устойчивого развития, технологического суверенитета и укрепления многополярного мирового порядка.

В условиях ускоренной цифровизации мировой экономики, трансформации глобальных цепочек создания стоимости и роста технологической конкуренции взаимодействие в цифровой сфере позволяет странам БРИКС выработать альтернативные модели развития, не зависящие исключительно от западных технологических центров.

Китай, являясь одним из мировых лидеров в области цифровых технологий, искусственного интеллекта, электронной коммерции и телекоммуникаций,

играет в этом сотрудничестве системообразующую роль. Опыт Китая в создании масштабных цифровых экосистем, развитии платформенной экономики и внедрении «умных» технологий в промышленность и государственное управление представляет значительную ценность для других стран БРИКС — России, Индии, Бразилии и ЮАР.

Взаимный обмен технологиями и управленческими практиками способствует сокращению цифрового разрыва как между странами, так и внутри них.

Важным направлением цифрового сотрудничества является формирование совместной цифровой инфраструктуры. Речь идет о развитии сетей связи нового поколения, трансграничных цифровых платформ, облачных вычислений и систем обработки больших данных. Совместные проекты позволяют странам БРИКС снижать издержки, обеспечивать технологическую совместимость и укреплять цифровой суверенитет, что особенно актуально в условиях санкционного давления и фрагментации глобального интернета.

Концентрация данных и их экономическая значимость обусловили формирование в Китае особой модели регулирования, в рамках которой данные рассматриваются одновременно как фактор производства, объект экономической политики и элемент национальной безопасности.

Усиление государственного контроля над цифровыми экосистемами не является реактивной мерой, а встроено в общую стратегию управляемой цифровой трансформации [7].

С точки зрения международного права и политической экономии это означает, что Китай стремится сохранить пространство для активной промышленной и технологической политики, минимизируя внешние ограничения, связанные с либерализацией цифровых рынков.

Данная внутренняя модель непосредственно связана с формированием международных правил цифровой экономики. Китайская законодательная система в сфере трансграничного управления данными прошла путь от фрагментарных норм к комплексной архитектуре, включающей требования локализации, оценки рисков и процедурного допуска трансграничной передачи данных [8].

Данная система формируется под воздействием как внутренних задач безопасности, так и внешнего давления со стороны международной торговли и переговоров.

Фактический сдвиг в сторону более гибких режимов трансграничного обмена данными зафиксирован и в статье, опубликованной в журнале *Computer Law & Security Review*, где на основе анализа новых

подзаконных актов и практики правоприменения делается вывод о переходе от жесткой ограничительной логики к модели «условной открытости», допускающей передачу данных при соблюдении установленных процедур [9].

Стоит отметить, что в международном контексте это формирует альтернативный нормативный подход, противопоставляемый модели «свободного потока данных» без предварительных условий.

Формирование международных правил цифровой экономики осуществляется Китаем и через правовые тексты и переговоры, и через инфраструктурное и стандартное влияние. В фундаментальной статье, опубликованной в *New York University Journal of International Law and Politics*, вводится понятие «Beijing Effect», описывающее механизм, при котором экспорт китайской цифровой инфраструктуры и технологий ведет к заимствованию регуляторных подходов к данным и цифровым платформам в странах-партнерах [10].

Таким образом, нормы формируются де-факто через совместимость архитектур и стандартов, а не исключительно через международные договоры.

Для России и стран БРИКС значение данной модели определяется как экономическими, так и институциональными факторами. В эконометрическом исследовании, опубликованном в журнале *Finance Research Letters* в 2024 г., на основе панельных данных за период 2000–2022 гг. показано, что уровень цифрового развития статистически значимо усиливает торговые связи между Китаем и странами БРИКС, снижая транзакционные издержки и смягчая эффект институциональных различий [11].

Этот результат имеет принципиальное значение, поскольку он демонстрирует, что цифровая кооперация может выступать компенсаторным механизмом в условиях правовой и институциональной неоднородности.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВМЕСТИМЫХ ПРАВИЛ ЦИФРОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ФРАГМЕНТАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Регуляторное измерение сотрудничества в рамках БРИКС в сфере цифровой экономики целесообразно рассматривать как процесс формирования функционально сопоставимых регуляторных решений, направленных на снижение трансграничной неопределенности при сохранении национального контроля над цифровыми рынками.

Государства объединения имеют схожие структурные проблемы: рыночную концентрацию платформ; асимметрию информации между платформами и пользователями; рост экономической и социальной значимости алгоритмических механизмов распределения доступа к рынкам и данным. При этом отсутствие унифицированной модели регулирования не препятствует сближению предметных областей правового вмешательства, что фиксируется в сравнительном анализе подходов к защите потребителей, конкуренции, ответственности платформ и доступу регуляторов к данным [12].

Именно это сближение проблемных полей формирует институциональную основу для выработки совместимых правил в рамках БРИКС. Речь идет о формировании режимов регуляторной интероперабельности, при которых национальные системы сохраняют суверенную специфику, но опираются на сходные критерии допустимости платформенной деятельности, процедуры надзора и принципы распределения ответственности.

Подобный подход снижает транзакционные издержки трансграничной цифровой деятельности, поскольку участники рынков действуют в среде предсказуемых регуляторных ожиданий, даже при различии формально-правовых конструкций. В этом смысле БРИКС может быть рассмотрен как пространство апробации «мягкой согласованности» цифрового регулирования, альтернативной как полной либерализации, так и жесткой гармонизации.

В российско-китайском контексте значимость регуляторной совместимости усиливается действием внешних ограничений, прежде всего санкционного характера, которые трансформируют правовую неопределенность в один из ключевых факторов сдерживания цифрового сотрудничества.

В научном анализе российско-китайского взаимодействия в цифровой экономике подчеркивается, что существующие ограничения связаны не только с уровнем цифрового развития или объемом рынков, но и с институциональными барьерами, включая риски вторичных санкций, вопросы безопасности и отсутствие устойчивых договорных механизмов координации цифровой политики [13].

Факторы эти делают невозможным расширение сотрудничества на основе исключительно коммерческих стимулов и выдвигают на первый план задачу институционального проектирования.

ВЫВОДЫ

Наш вывод состоит в том, что в условиях санкционного давления и фрагментации глобального

цифрового пространства ключевым условием расширения российско-китайского и более широкого «бриксовского» сотрудничества становится формирование регуляторных коридоров низкого риска. Подобного рода коридоры предполагают предварительное определение допустимых категорий данных, процедур трансграничной передачи, требований к локализации и хранению, механизмов комплаенса и ответственности участников цифровых экосистем. В отличие от универсальных соглашений, подобные режимы могут быть секторальными и поэтапными, что повышает их адаптивность и снижает институциональные издержки внедрения.

В более широком контексте БРИКС китайская модель цифровой экономики приобретает значение как источник институциональных решений, демонстрирующих, каким образом масштаб цифровых рынков, концентрация данных и активная регуляторная роль государства могут быть сопряжены с участием в международном нормотворчестве.

Масштаб китайской цифровой инфраструктуры и платформенной экономики объективно усиливает трансграничные эффекты внутреннего регулирования, поскольку требования к данным, алгоритмам и ответственности платформ начинают действовать экстерриториально через торговые и технологические связи. Для России и других стран БРИКС это означает, что участие в формировании международных правил цифровой экономики приобретает практический характер именно на уровне согласования процедур и критериев допустимости.

Представленный в статье анализ позволяет сделать несколько взаимосвязанных выводов о сущности китайской модели цифровой экономики, механизмах ее трансляции во внешнюю среду и о практических последствиях для России и стран БРИКС в условиях фрагментации глобального цифрового пространства.

Прежде всего, цифровая экономика Китая к середине 2020-х гг. закрепились не как «надстройка» над традиционными секторами, а как системообразующий контур национального воспроизводства. Это принципиально меняет логику интерпретации цифровизации: речь идет о формировании инфраструктурно-институциональной среды, в которой данные, платформы, вычислительные мощности и коммуникационные сети становятся базовыми производственными ресурсами и одновременно объектом политики.

Масштаб цифрового сектора (около двух пятых ВВП по приводимым оценкам) в сочетании с почти универсальной цифровизацией платежей и повседневных транзакций означает, что цифровые контуры пронизывают как промышленность и логистику, так и социальную сферу, управление, рынок труда. Отсюда следует, что цифровая трансформация в КНР носит характер структурного перехода: цифровая экономика перестает быть отраслью и превращается в форму организации экономики в целом.

Второй существенный вывод касается пространственной и социальной неоднородности цифрового развития при сохранении управляемой динамики сближения. Анализ демонстрирует, что региональные разрывы существуют и воспроизводятся (особенно по линии «юго-восток — северо-запад»), но при этом не приводят к неконтролируемому расслоению. Концентрация цифровой экономики остается стабильной, а отстающие территории догоняют за счет целевых политик и инфраструктурных решений. Китайская модель строится вокруг идеи территориально распределенной интеграции через инфраструктуру, стандарты и государственные программы.

Китайская цифровизация опирается на комбинацию человеческого капитала, демографических факторов, нормативно-экологических требований и — что особенно важно — на институциональные механизмы, превращающие инфраструктуру в инструмент ускоренной диффузии инноваций. Масштаб развертывания 5G и формирование национально интегрированной вычислительной сети иллюстрируют, что в КНР инфраструктура мыслится как регуляторный каркас: архитектура сетей, стандарты, протоколы и правила подключения формируют пределы допустимых экономических практик и направляют цифровизацию в нужные государству и крупным экосистемам траектории. В этом смысле инфраструктурная экспансия выполняет двойную функцию: она одновременно снижает барьеры внедрения цифровых решений в традиционные отрасли и усиливает управляемость цифровых потоков.

Четвертый вывод касается центрального элемента китайской модели — институционализации данных как фактора производства при одновременном признании их объектом национальной безопасности. Мы показали, что концентрация данных, возникающая из массовых платформенных практик (платежи, логистика, электронная коммерция, услуги), не является побочным результатом цифрового роста. Напротив, именно данные становятся ресурсом для

новой промышленной политики, алгоритмического управления и конкурентной стратегии платформ.

Поэтому усиливающийся государственный контроль над экосистемами в Китае следует понимать, как встроенный элемент модели, в котором государство стремится удержать возможность перераспределять преимущества от накопления данных, задавать правила их обращения, определять чувствительные категории и выстраивать систему допуска к трансграничным потокам. Так формируется концепция управляемой открытости, при которой внешнее взаимодействие допускается в рамках процедур, комплаенса и оценок рисков.

Внутренняя архитектура китайского цифрового регулирования фактически становится источником внешних эффектов и де-факто международных правил по двум каналам:

- *юридико-институциональному*: эволюция законодательства о трансграничной передаче данных — от фрагментарности к комплексной системе с процедурами допуска и условиями передачи — формирует альтернативную нормативную логику по отношению к модели свободного потока данных;
- *инфраструктурно-стандартному*: экспорт цифровой инфраструктуры, технологических решений и платформенных продуктов переносит вовне включенные в них правила — требования к хранению, форматам, интерфейсам, ответственности, доступу к данным и надзору.

В этом смысле международные правила возникают не только через договоры и переговоры, но и через совместимость архитектур. Поэтому китайская модель обладает высокой трансграничной нормативной силой именно благодаря масштабу рынков и технологической зависимости партнеров от китайских решений.

Следующий вывод касается значения этой ситуации для России и БРИКС. Показано, что цифровое развитие статистически усиливает торговые связи Китая со странами объединения и частично компенсирует институциональные различия за счет снижения транзакционных издержек. Однако в условиях санкционного давления и риска вторичных ограничений экономической логики недостаточно: ключевым барьером становится правовая неопределенность и несовместимость регуляторных режимов.

Отсюда вытекает основной практический вывод статьи о том, что устойчивое цифровое сотрудничество в «бриксовском» пространстве, вероятнее всего, будет строиться не вокруг полной унификации правил и не вокруг либерализации по западному

типу, а вокруг режимов регуляторной интероперабельности.

Интероперабельность в данном контексте означает функциональную сопоставимость процедур (кто и как допускает трансграничную передачу данных, какие категории данных выделяются, как распределяется ответственность платформ, как обеспечивается доступ регулятора к информации) при сохранении различий в правовой технике и суверенных приоритетах.

Итак, наиболее реалистичной формой интероперабельности для России и партнеров по БРИКС становятся регуляторные коридоры низкого риска. Их смысл в том, чтобы заранее очертить ограниченные, но экономически значимые сферы цифрового обмена (например, отдельные отрасли, цепочки поставок, платежно-расчетные сервисы, логистические данные, промышленный интернет), определить для них допустимые категории данных и процедуры передачи, согласовать требования к локализации и хранению, а также внедрить механизмы комплаенса и распределения ответственности.

Этот подход снижает риски масштабных политико-правовых конфликтов, позволяет двигаться поэтапно и обеспечивает предсказуемость для бизнеса и государственных структур. Важно и то, что коридоры могут стать инструментом мягкой согласованности: они не требуют радикального сближения правовых систем, но создают практические условия для совместных проектов.

Наконец, общий теоретический вывод статьи заключается в том, что китайская модель демонстрирует новую конфигурацию соотношения суверенитета и глобализации в цифровой сфере.

Китай показывает, что участие в международном нормотворчестве возможно не только через принятие внешних правил, но и через экспорт собственной институциональной логики, основанной на приоритете безопасности, процедурной открытости и активной роли государства.

Для России и стран БРИКС это значит необходимость смещения акцента — от дискуссии о правильной универсальной модели цифрового регулирования к прагматическому проектированию совместимых режимов, которые одновременно поддерживают цифровое развитие, снижают трансграничную неопределенность и сохраняют цифровой суверенитет. В условиях разлома глобальных режимов именно способность выстраивать такие совместимые правила и станет ключевым фактором устойчивости и конкурентоспособности цифровой кооперации в пространстве БРИКС.

Таким образом, регуляторное измерение цифрового сотрудничества БРИКС следует интерпретировать как процесс институциональной адаптации к новым формам экономической взаимозависимости, где ключевую роль играет не унификация норм, а создание совместимых режимов регулирования, позволяющих сочетать цифровое развитие с суверенными приоритетами и требованиями безопасности. В этом процессе китайская модель выступает структурным ориентиром, демонстрирующим, каким образом внутреннее регулирование цифровой экономики может быть трансформировано в источник международных правил и институциональных эффектов, значимых для партнеров по БРИКС.

REFERENCES

1. Gao S., Zhang J., Ma Z., Zhou G., Liu Ya., Liu Yu. Digital economy development and urban-rural integration in Northeast China: Mechanisms and Spatial Effects. *Land*. 2025;14(5):993. URL: <https://doi.org/10.3390/land14050993>
2. Gao X., Chen X. The regime complex for digital trade in Asia and China's engagement. *Asia Europe Journal*. 2024;23(2-3):393-413. URL: <https://doi.org/10.1007/s10308-024-00705-0>
3. Gangzhen Wang G., Sun J. Digital economy development and industrial structure upgrading: Empirical evidence from inter-provincial panel data in China. *Technological and Economic Development of Economy*. 2024;6(3):114-124. URL: <https://doi.org/10.23977/acccm.2024.060315>
4. Baark E. China's new digital infrastructure: Expanding 5G mobile communications. *East Asian Policy*. 2022;14(02):124-136. URL: <https://doi.org/10.1142/S1793930522000162>
5. Torre D. Digital payments in China: Adoption and interactions with the banking system. *Revue D'économie Industrielle*. 2020;172:55-82. URL: <https://doi.org/10.4000/rei.9471>
6. Li Z. Architecting inclusion in e-CNY: Payment infrastructure and digital finance in China. *Encyclopedia MDPI*. 2025;5(4):179. URL: <https://doi.org/10.3390/encyclopedia5040179>
7. Qian J. Governing China's Digital transformation: Industrial policy, regulatory governance and innovation. London: Routledge; 2025. URL: <https://doi.org/10.4324/9781003347088>

8. Su R. and Zhang D. Adaptive sovereignty: China's evolving legislative framework for Transnational Data Governance. *Politics and Governance*. 2025;13:10415. URL: <https://doi.org/10.17645/pag.10413>
9. Guo S., Li X. Cross-border Data Flow in China: Shifting from restriction to conditional openness. *Computer Law & Security Review*. 2025. URL: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4806703>
10. Erie Matthew S., Streinz Thomas. China's "Digital Silk Road" as Transnational Data Governance. *New York University Journal of International Law and Politics*. 2021;54(1):3-92. URL: https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:71efc786-4e5f-4006-8156-ea9cdfd3a433/download_file?safe_filename=Erie_and_Streinz_2021_The_Beijing_effect.pdf
11. Qin S., Deng H., Hu Sh. Digital development and China-BRICS Trade: Role of institutional distance. *Finance Research Letters*. 2024;103(2):106636 URL: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2024.106636>
12. Larionova M., Doronin P. Problems of digital platforms regulation: Challenges and perspectives of international cooperation. *International Organisations Research*. 2024;9(2):70-92. URL: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-02-04>
13. Изотов Д.А. Сотрудничество России и Китая в цифровой экономике: возможности и ограничения. *Азия и Африка сегодня*. 2025;2:35-44. URL: <https://doi.org/10.7868/S2782238925120046>
Izotov D.A. Cooperation of Russia and China in digital economy: Opportunities and limitations. *Asia & Africa today*. 2025;2:35-44. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.7868/S2782238925120046>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Шэнь Дань — аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Shen Dan — PhD student of the Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0002-6406-7055>

Автор для корреспонденции / Corresponding autor:
1042238147@pfur.ru

Наталья Вячеславовна Михайлова — доктор политических наук, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Natalia V. Mikhailova — Dr. Sci. (Political), Prof. at the Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-2842-9143>
mikhaylova_nv@pfur.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 08.01.2026; после рецензирования 12.02.2026; принята к публикации 02.04.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 08.01.2026; revised on 12.02.2026; accepted for publication on 02.04.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Коллективная агрессия и насилие как основа ранней политической организации

В.О. Микрюков¹, С.А. Мельков²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;

² Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Вопрос о происхождении государства остается дискуссионным в политической науке. Традиционные теории часто игнорируют эволюционные предпосылки политики, заложенные задолго до неолита. Интеграция данных антропологии, приматологии и археологии позволяет переосмыслить генезис политических институтов, в том числе и государства. Цель статьи – уточнение теории насилия как приоритетной в понимании природы государства, опираясь на эволюционный подход и данные о ранних формах коллективного принуждения у наших предков. В исследовании применяются традиционные методы: анализ, синтез, сравнение, а также представлены и обработаны результаты анализа археологических и этнографических данных; проведен авторский анализ протополитических структур; сделана экстраполяция на основе исследований истоков возникновения протогосударственных организационных структур у *Homo sapiens*. Исследование показало, что первые политические институты возникли в позднем плейстоцене в ходе процесса самоодомашнивания, сопровождавшегося снижением реактивной и ростом проактивной агрессии. Война как институционализированное насилие предшествовала государству и стимулировала формирование кооперативных иерархий. Авторы считают, что первыми политическими институтами у наших предков были смертная казнь и война. Они появились у наших предков еще в плейстоцене. Государство возникло в неолите как эволюционный ответ на необходимость управления коллективным насилием и координации в условиях растущей социальной сложности. **Ключевые слова:** военная деятельность; война; политические институты; природа государства; проактивная агрессия; самоодомашнивание; смертная казнь

Для цитирования: Микрюков В.О., Мельков С.А. Коллективная агрессия и насилие как основа ранней политической организации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(3):40-53. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-40-53

Collective Aggression and Violence as the Foundation of Early Political Organization

V.O. Mikryukov¹, S.A. Melkov²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

²Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The question of the state's origins remains a matter of debate in political science. Traditional theories often overlook the evolutionary underpinnings of politics that emerged long before the Neolithic era. Integrating insights from anthropology, primatology, and archaeology enables a reevaluation of the genesis of political institutions, including the state itself. Objectives. This study refines the theory of violence as central to understanding the nature of the state, drawing on an evolutionary perspective and evidence of early forms of collective coercion among our ancestors. Methodology. The research employs standard methods of scholarly analysis, such as analysis, synthesis, and comparison, and presents original interpretations of archaeological and ethnographic data. The authors conduct an original analysis of protopolitical structures and extrapolate findings from studies on the emergence of proto-state organizational frameworks in *Homo sapiens*. Results. The study demonstrates that the earliest political institutions arose during the Late Pleistocene through the process of self-domestication, which was accompanied by a decline in reactive aggression and a rise in proactive aggression. War as institutionalized violence preceded the state and drove the formation of cooperative hierarchies. Conclusions. The authors argue that the first political institutions among our ancestors were capital punishment and warfare, both emerging in the Pleistocene. The state itself arose in the Neolithic as an evolutionary response to the need for managing collective violence and coordinating increasingly complex societies.

Keywords: military activity; war; political institutions; nature of the state; proactive aggression; self-domestication; capital punishment

For citation: Mikryukov V.O., Melkov S.A. Collective aggression and violence as the foundation of early political organization. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2026;16(3):40-53. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-40-53

ВВЕДЕНИЕ

В современной политической науке остается нерешенным вопрос о том, что послужило первопричиной, источниками возникновения государства в неолите. Традиционные теории происхождения государства, такие как теория социального договора (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др.), теория сельскохозяйственно-го штандорта (модель изолированного государства), предложенная немецким экономистом И. фон Тюне-ном, теологическая теория (Ф. Аквинский, Ф. Лебюф, Д. Эйве и др.), материалистическая теория (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, Г.В. Плеханов и др.), ирригационная теория К.А. Виттфогеля и другие, фокусируются на поздних этапах социальной организации, игнорируя глубинные эволюционные механизмы, заложенные еще в позднем плейстоцене и неолите¹.

Мы полагаем, что, больше узнав об архаических политических институтах, мы сможем лучше понять суть их современных аналогов. Процитируем американского антрополога Р. Лоуи: «Зародыши системы сложного политического развития заложены — и проявляются — в более простых культурах... Специфическое событие общественного опыта, скажем, контакт с более слабым или сильным соседом, может привести к расцвету новых институтов» [1, с. 123].

В связи с этим особенно острым в науке (в том числе политической и правовой) остается вопрос о природе политики и государства. Действительно ли политика, а затем государство по своей природе детерминированы экономическими (классовыми) отношениями, как ранее учили в советских вузах? Или, возможно, правы антропологи, считающие источником появления в неолите государственной власти результат априори присущей *Homo sapiens* (далее — сапиенс) реципрокности² и возникшего в позднем плейстоцене дарообмена³?

¹ Неолит (новый каменный век) — период развития человечества, характеризующий переход от присваивающего хозяйства (собирательство, охота) к производящему (земледелие, скотоводство). Период: 9,5–4 тыс. лет до н.э. — 3–2,2 тыс. лет до н.э.

² Реципрокность (от лат. *reciprocus*, «взаимный») — способ передачи благ, заключающийся в их ритуализированном дарении. По К. Поланьи, альтернативный рынку, перераспределению и домашнему хозяйству. Это также отношения, при которых две группы или два человека дают друг другу эквивалентные вещи. В антропологии понятие «реципрокность» — обмен в широком смысле.

³ Важный момент: французский антрополог М. Мосс считал, что дарообмен не является добровольной практикой и «осуществляется преимущественно в добровольной

форме, подношениями, подарками, хотя, в сущности, они строго обязательны, уклонение от них грозит войной частного или общественного масштаба». Полагаем, что он не случайно предложил назвать все это «системой совокупных тотальных поставок». То есть дарообмен выходил за пределы экономической сферы и распространялся на все области жизни общества, тем самым становясь универсальным инструментом в отношениях между людьми [2, с. 141].

Но тогда правы ученые, считающие появление политики, а затем и государства следствием значительного усложнения социальной жизни. Заметим несколько упрощенно: сельское хозяйство, животноводство и затем города усложнили социальную жизнь, и поэтому люди сами (ключевое слово) изобрели государство для решения возникающих проблем. Сложившаяся практика их решения — это и есть управленческая функция новой (то есть государственной) власти. Сложившийся же в плейстоцене институт дарообмена стал «центром политической жизни, помогавшим заключать мирные договоры, утверждать социальную иерархию внутри племени и влиять на верования» [3, с. 11].

В советское и даже постсоветское время в рамках теории государства и права государство в узком смысле рассматривалось, как правило, в качестве «синонима аппарата управления...» или в виде механизма, осуществляющего публичную власть. В широком же смысле оно понимается до сих пор как «ассоциация, члены которой объединяются в единое политическое сообщество публично властными структурами и отношениями публично властного характера»⁴. Такой подход не может удовлетворить политологов, поскольку вряд ли политические (политико-управленческие) механизмы/институты могли появиться из ниоткуда.

Согласимся с Р. Лоуи, четко обозначившим, полагаем, научную проблему: «Были ли у первобытных народов такие системы организации, чтобы мы могли говорить об управлении как о государствах или, по крайней мере, как о зачатках государства?» [1, с. 9].

Кроме того, мы считаем, что в вышеприведенном определении в широком смысле государства правоведы неверно употребляют слово «ассоциация» в единственном числе. Благодаря исследованиям Г. Шурца, Г. Уэбстера и других мы знаем, что

форме, подношениями, подарками, хотя, в сущности, они строго обязательны, уклонение от них грозит войной частного или общественного масштаба». Полагаем, что он не случайно предложил назвать все это «системой совокупных тотальных поставок». То есть дарообмен выходил за пределы экономической сферы и распространялся на все области жизни общества, тем самым становясь универсальным инструментом в отношениях между людьми [2, с. 141].

⁴ Назаренко Г.В. Теория государства и права: Учебное пособие. М.: Издательство «Познавательная книга плюс»; 1999:17.

объединение людей в самые различные ассоциации происходило в позднем плейстоцене практически повсеместно на нашей планете⁵.

Нами замечено, что ученые-политологи часто игнорируют данные эволюционной биологии и антропологии, считая их «ненаучными» или «неакадемичными». Например, американский социолог Дж. Скотт отмечает, что «традиционные теории происхождения государства игнорируют археологические данные, показывающие, что государства возникли не как результат сознательного выбора, а как случайный эволюционный процесс» [4, р. 29].

Ведь человек — единственный вид животных, способный создавать коллективные намерения (то есть не просто делать что-то вместе, а согласовывать, что нужно делать и почему, а затем еще и коллективно это организовать). Именно эта способность позволила группам сапиенсов совместно решать: кого убивать, а кого захватывать в плен и подвергать наказаниям, насилию и проч., — и тем самым позднее создать протогосударства⁶. Это и многое другое подчеркивает необходимость интеграции эволюционного подхода (а именно это и изучает антропология) в политическую науку.

Что же появилось раньше: политические институты или государства? Исследований по этой проблеме достаточно много в современном дискурсе. В частности, относительно недавно было выяснено, что первые политические институты (в сегодняшнем их понимании, в XXI в.) возникли в плейстоцене, примерно 250–300 тыс. лет назад, когда вид *Homo sapiens* начал процесс самоодомашнивания [5, с. 132].

Этот процесс привел к снижению реактивной агрессии внутри групп, но одновременно способствовал развитию проактивной агрессии против внутригруппового властного «тирана» (самого сильного и агрессивного мужчины) и внешних групп людей. Против него в группе применялся институт смертной казни [5, с. 213, 327–358] (в настоящее время этот институт стал, скорее, правовым, чем поли-

тическим⁷), а война со временем стала институтом участия в систематических конфликтах с рядом проживающими группами сапиенсов (война до сих пор является политическим институтом). В этих конфликтах позднее они стали использовать не только подручные средства, но и специально для этого предназначенные орудия, а позднее — и оружие⁸.

Как пишет американский геолог и географ М. Дэйви: «С ранних времен до настоящего времени человек всегда сражался и всегда использовал оружие — естественное (камни, палки, дубины и т.д.) или созданное специально самим человеком — для решения возникавших конфликтов... В пользу данного утверждения говорит история, которая убедительно показывает чрезвычайную степень занятости человека военным делом. Другое свидетельство — традиция, возникшая еще в те времена, когда письменность была неизвестна. Традиция — смесь реальной исторической памяти и мифических сказок... Мифы наполнены описаниями войн и сверхчеловеческих подвигов героев, и именно война представляет собой, согласно мифам, главный интерес в жизни. Несмотря на то, что к описываемым в мифах событиям стоит относиться критически, присущие им детали, такие как оружие, методы ведения войны и тому подобное — данные, которые больше относятся к реальности, чем непосредственно к сюжету, — дают нам бесценную информацию» [6, с. 12].

Констатируем, что традиционные теории происхождения государства, сосредоточенные на экономических, договорных или технологических детерминантах, упускают из виду более ранние биологические основания политической организации. Археологические, антропологические и приматологические исследования свидетельствуют: зачатки политики возникли уже в плейстоцене как результат эволюционных изменений у *Homo sapiens*, в том числе ввиду становления и развития у них самоодомашнивания, развития коллективных намерений и институционализации насилия. Это позволяет рассматривать государство как кульминацию длитель-

⁵ Имеются в виду книги Г. Шурца «Возрастные классы и мужские союзы» и Г. Уэбстера «Первобытные тайные общества».

⁶ По нашему мнению, сапиенсы в неолите и ранее уже обладали способностью к коллективным намерениям и организованному насилию. Именно поэтому государство возникло не как замена этой способности, а как её институционализация, то есть для устойчивого воспроизводства и удержания власти, легитимации принуждения и управления растущими по размеру и сложности сообществами. Проще говоря, государство стало необходимым, когда спонтанная координация в малых группах перестала справляться с масштабами конфликтов, ресурсного распределения и внешней угрозы.

⁷ Хотя до сих пор убийства в политических целях многими людьми оправдываются и не считаются уголовным преступлением.

⁸ Орудия — универсальные инструменты, созданные для широкого спектра задач (например, рубить дерево, разделывать тушу убитого животного и т.п.), тогда как оружие — это специализированные предметы, предназначенные исключительно или преимущественно для обороны или нанесения увечий или причинения вреда другому человеку вплоть до его убийства. Переход от орудий к оружию отражает институционализацию насилия: когда агрессия становится целенаправленной, систематической и социально организованной.

ного процесса формирования протополитических структур, корни которых лежат в глубокой истории человеческого рода.

МЕТОДЫ

Для подготовки статьи авторами использованы методы сравнительного анализа археологических и антропологических данных, институционального анализа ранних политических структур и экстраполяции на основе приматологических и антропологических исследований. Авторами проанализирована литература по эволюционной антропологии, политической науке и археологии, в том числе работы по ранним военным конфликтам и различным теориям происхождения государства, а также его ранним формам, работы по теории государства и права. Особое внимание уделено исследованиям о природе насилия и военных конфликтах у древних людей в плейстоцене.

Комплексный авторский подход включал три основных этапа:

1. Сбор и систематизация данных о насилии, войнах и военных конфликтах в неолите из археологических источников: проведен вторичный анализ научных статей, докладов и сообщений о погребениях с признаками насилия, орудиях войны и свидетельствах военных конфликтов из более чем 70 археологических раскопок по всему миру, а также из отчетов крупных археологических проектов.

2. Анализ данных по приматологии, эволюционной биологии и социобиологии: изучены работы по поведению шимпанзе, бонобо и других приматов, а также исследования по эволюции *Homo sapiens*. Основное внимание уделялось сравнению реактивной и проактивной агрессии у приматов и ранних людей. Данные были собраны из работ таких ученых, как Э.Б. Тайлор, Б. Шапиро, Э. Уилсон, Ф. де Вааль, Р. Рэнгем, Б. Хэйр, В. Вудс, М. Ридли, Ю.Н. Харари, Ж. Баландье и др.

3. Институциональный анализ включал изучение и обобщение данных о ранних обществах охотников-собираателей в плейстоцене и их эволюции в раннем неолите. Особое внимание к анализу применения насилия, в том числе вооруженного, как основы появления протогосударств. Данные собраны из отчетов и научных статей этнографических исследований современных племен хадза и бушменов, а также из археологических находок, подтверждающих существование военных конфликтов в древних сообществах.

Для обеспечения научной строгости использовались методы:

- сравнительный анализ (обеспечивалось сравнение данных из разных источников — археологических, этнографических, приматологических — для выявления общих закономерностей);
- институциональный анализ (изучение функций и эволюции военных структур в разных социальных контекстах);
- экстраполяция (использование данных о современных племенах для реконструкции древних военных структур).

Для проверки достоверности результатов использовались критерии согласованности данных из разных источников; соответствия теоретическим моделям эволюционной биологии; подтверждения результатов независимыми исследованиями.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Цель исследования — проанализировать эволюционные основы возникновения государства в переходный к неолиту период, изучив роль агрессии и насилия как факторов формирования ранних политических институтов и военных структур. Применение результатов психологических и антропологических исследований позволит уточнить так называемую теорию насилия (захвата) как приоритетную теорию генезиса государства.

Новизна работы заключается в междисциплинарной реконструкции генезиса политических институтов на основе данных эволюционной антропологии, приматологии и археологии, что гипотетически позволяет выйти за рамки традиционных (экономических, договорных, технологических) теорий происхождения государства. В статье последовательно аргументируется тезис о том, что основы политики заложены еще в плейстоцене в ходе биосоциального процесса самоодомашнивания *Homo sapiens*. Авторы доказывают, что коллективная агрессия и институционализированное насилие (включая смертную казнь и войну) выступали не следствием, а предпосылкой формирования протополитических структур. Это позволяет переосмыслить роль насилия в происхождении протогосударств.

1. Авторский анализ причин войны в ранних обществах и связь их с политикой

Очевидно, что война и политика взаимосвязаны, поскольку война является также моральным явлением, а не только происходит «на стыке» права, истории, психологии, международных отношений [7, с. 10–11]. Однако ее эволюционное происхождение все же пока слабо осмыслено наукой.

Если следовать устоявшемуся в научном сообществе достаточно упрощенному мнению о позиции К. фон Клаузевица, то считается, что он происхождение войны связывал с политикой, поскольку война является ее «продолжением другими средствами» [8]. Изначальным мотивом для войны является достижение определенных политических целей, которые определяют, какой должна быть военная цель и какие усилия для ее достижения потребуются.

Однако это не полное и, пожалуй, не точное понимание позиции К. фон Клаузевица о генезисе войны. Приведем далее цитату, которая точнее отражает его понимание происхождения войны: «Война есть не что иное, как расширенное единоборство. Если мы захотим охватить мыслью как одно целое все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку двух борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель — сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению. Итак, война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [8]. Действительно, К. фон Клаузевиц считал, что именно характер политики определяет характер войны.

Далее изложим авторские размышления относительно детерминантно-причинной связи войны с политикой, когда мы стараемся понять суть войны.

Во-первых, агрессия и насилие⁹, с нашей точки зрения, появились значительно раньше политики (и, естественно, раньше государства), поскольку эти явления в принципе присущи миру биологии. Мы согласны с пониманием агрессии, которое дал австрийский зоолог и зоопсихолог К. Лоренц: это инстинкт борьбы против собратьев по виду — у животных и человека [9]. Но самое главное, полагаем, все же состоит в том, что многие этологи считают агрессию инстинктом — ответной реакцией на страх, вызываемый опасностями и угрозами. Поэтому можно и, видимо, нужно объявить войну преступлением, как это хотели сделать в СССР [10], но вряд ли удастся отменить или уничтожить агрессию человека, ибо она является частью его природы.

Во-вторых, акты организованной агрессии наблюдаются не только у сапиенсов, но и у человекообразных обезьян (например, у шимпанзе

[11, с. 172–173]). У них часто наблюдаются координированные рейды на соседние группы, сопровождающиеся убийствами и захватом территории, что свидетельствует о наличии у них зачатков проактивной (коллективно спланированной и организованной) агрессии. В отличие от человека, у обезьян отсутствует символическое обоснование насилия, нормативное регулирование и институционализация войны, то есть политический контекст, превращающий агрессию в войну.

В-третьих, если мы верно поняли мысль К. фон Клаузевица, политика должна была появиться раньше войны. Но вот проблема: если согласиться с мнением профессора В.В. Серебрянникова о том, что примерно 5 000 войн, зарегистрированных за письменную историю человечества [12, с. 7], сильно различались, то следует ли из этого, что они обязательно были следствием разных политик (или результатом действия разных политических институтов)? Или здесь следует как-то иначе понимать слова К. фон Клаузевица о том, что «характер политики определяет характер войны»? У нас нет ответов на эти вопросы.

В-четвертых, поскольку «история человека — это в существенной мере подготовка и ведение войн» [12, с. 181], то действительно ли войны были движущей силой эволюции? Или они все-таки были лишь отражением агрессивной стороны исключительно сапиенсов (говорящих обезьян)? Например, улучшали ли войны человеческую природу, способствуя выживанию наиболее жизнеспособных людей и групп людей (известны как негативная точка зрения П. Сорокина, так и позитивная — Ницше и Г. Трейчке)? Или многие ученые просто не знают, «как силен инстинкт войны у человека, инстинкт, сидящий в нем глубже всякого разума» [13, с. 8]?

В-пятых, могло ли без войны и функционально выраженной проактивной агрессии происходить ранжирование традиционных обществ с количественно все более возрастающим населением сапиенсов? Очевидно, что большинство из таких обществ постепенно в позднем плейстоцене и раннем неолите становились все менее эгалитарными¹⁰. Нужно признать, что политическая, как и социальная, сложность разных групп сапиенсов в разных реги-

⁹ Подчеркнем, что не нужно путать агрессию и жестокость.

¹⁰ Эгалитаризм (фр. *égalité* от *égalité* «равенство») — концепция, предполагающая создание общества с равными социальными и гражданскими правами всех членов этого общества, и, как идеал — равенство прав и возможностей. Противоположность элитаризма, постулирующего естественность и позитивность образования в обществе элитных страт, то есть необходимость разделения общества на элиту и остальную массу.

онах мира даже в одно и то же время была различной. И тем не менее отметим тенденцию: в раннем неолите неоднородность этих групп достаточно быстро стала расти¹¹. Одновременно в таких обществах появилось и по-разному оформилось и проявилось лидерство¹², в том числе бигмен (по факту — ненаследуемое лидерство¹³). Зачастую именно такими становились храбрые воины и военные вожди.

В-шестых, современные исследования в области эволюционной археологии и сравнительной этнологии показывают, что война не была универсальной чертой всех доаграрных обществ. Американский антрополог Д. Фрай отмечал, что значительное число охотников-собирателей жили в условиях низкой частоты межгруппового насилия, а конфликты разрешались через посредничество, дарообмен, перемещение групп или ритуализированные дуэли [14]. Это ставит под сомнение тезис о «естественной» воинственности человека как универсальной предпосылки государства и указывает на то, что война — не биологическая необходимость, а скорее социально обусловленная стратегия поведения, активируемая при определенных условиях (дефицит ресурсов, демографическое давление, технологические изменения).

В-седьмых, если рассматривать войну как фактор политогенеза, предложим два типа военной активности: оборонительную/реактивную и экспансионистскую/проактивную. Именно последняя, как показывает Ч. Тилли в знаменитой формуле «war made the state, and the state made war» [15], играет особую роль. Однако, как отмечают археологи С. Флэннери и Дж. Маркоу, в раннем неолите многие общества развивали иерархию без войны — через контроль над ритуалами, обменом престижными товарами или репродуктивными ресурсами [16]. Это позволяет предположить, что война, скорее всего, ускоряла, но не порождала социальную (в том числе политическую) сложность; она лишь радикализовала уже существовавшие тенденции к неравенству и централизации.

Перечисленные выше соображения позволяют уточнить позицию К. фон Клаузевица: не всякая война — продолжение политики, но политика как институционализированное управление конфликтом в неолитическом обществе становится возможной только тогда, когда общество способно

не просто воевать, но и организовывать будущие войны, а это уже качественно иной уровень социальной координации. Многими учеными замечено, что война как социальное явление возникла задолго до государства. Как отмечает Л. Килли, «археологические данные показывают, что война существовала задолго до появления государств, и именно необходимость организации военных действий стала ключевым фактором в формировании государственных структур» [17]. Это меняет наше понимание природы политики, показывая, что политические институты возникли задолго до государства и что их эволюция, в этом наша гипотеза, была тесно связана с биологическими изменениями у *Homo sapiens*.

2. Самоодомашнивание — эволюционная основа появления политики и государства

Одним из ключевых открытий современной антропологии является то, что *Homo sapiens* прошел через процесс самоодомашнивания¹⁴. Об этом написано много научных статей, книг, монографий [18–20]. Заметим, что этот процесс привел к снижению реактивной агрессии внутри групп (охотников-собирателей), но одновременно способствовал развитию проактивной (то есть организованной и спланированной) агрессии против внешних групп [21, с. 9–16]. Как отмечают Б. Хэйр и В. Вудс, «самоодомашнивание — это не просто снижение агрессии, это сложный процесс, который привел к изменению социальной структуры человека» [22, с. 21].

Стоит отметить, что реактивная агрессия — это импульсивная, эмоционально заряженная агрессия, которая возникает в ответ на угрозу. Такая реакция присуща нам (людям) как биологическому виду. У обезьян она также имеется. Например, у шимпанзе реактивная агрессия проявляется в постоянных конфликтах между самцами, которые борются за доминирование в своей группе [23]. Со временем у *Homo sapiens* реактивная внутригрупповая агрессия значительно снизилась, что позволило людям жить в более крупных группах и развивать сложные

¹¹ Крадин Н.Н. Политическая антропология: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Логос; 2004:152.

¹² Там же. С. 156.

¹³ Там же С. 157.

¹⁴ Самоодомашнивание — эволюционный процесс, в ходе которого у людей начала постепенно снижаться реактивная агрессия внутри группы (в отличие от проактивной, спланированной, организованной и направленной на внешних врагов), что способствовало повышению социальной толерантности, кооперации и способности к сложной коммуникации. Со временем возникли коллективные институты: согласованного принятия решений, легитимного лидерства и, в конечном счете, протополитические структуры, основанные не на физическом доминировании, а на социальном согласии и нормативном регулировании.

социальные структуры, эволюция которых гораздо позднее привела к образованию постоянного общения и сотрудничества, дарообмена и лишь затем, уже в неолите, — к достаточно устойчивым политическим отношениям (институтам), а затем и государствам.

Важную роль в процессе самоодомашнивания сыграл институт смертной казни: когда группы сапиенсов систематически устраняли наиболее агрессивных, доминантных и тиранически настроенных мужчин, угрожавших внутригрупповой безопасности, внутреннему порядку и кооперации [5]. Эта форма социального отбора действовала как механизм «выбраковки жестокости», снижая уровень реактивной агрессии внутри коллектива и способствуя закреплению генетических и поведенческих черт, благоприятных для совместной групповой жизни. Именно смертная казнь выступала не столько как правовой, сколько со временем как эволюционный инструмент формирования менее агрессивного и при этом более кооперативного поведения у людей.

Однако снижение реактивной агрессии не означало полного отсутствия агрессии у сапиенсов в тот период вообще (вынуждены напомнить, что агрессия — это наш инстинкт). У людей развилась расчетливая проактивная агрессия, то есть заранее спланированная и тщательно организованная коллективная мужская агрессия, которая используется для защиты территории и ресурсов против внешних групп. Слово «мужская» появилось выше в тексте не случайно. Как пишет антрополог Н.Н. Крадин, «на определенной ступени развития мужчины стали доминировать над женщинами»¹⁵. По всей видимости, мы можем эту тенденцию преобладания мужской власти распространить на все проявления проактивной агрессии (не будем здесь приводить доказательства этого утверждения — об этом развернуто, в частности, пишет Р. Рэнгем, в том числе ссылаясь на мнение Ч. Дарвина о том, что мужчины гораздо агрессивнее женщин [5, с. 174–175]). Об этом пишут в своих исследованиях Э.Б. Тайлор, Ю.Н. Харари, Ж. Баландье, М. Дэйви и другие ученые. Поэтому согласимся с тем, что в плейстоцене у наших предков могла сформироваться, в первую очередь, мужская власть.

Война имеет и свои биологические истоки. Так, М. Ридли на примере муравьев-жнецов показывает, что «внешний враг способствует групповой сплоченности» [21, с. 254–256]. Не будем подробно

расписывать ход и перипетии ведущейся этими муравьями войны, лишь заметим, что они являются яростными территориалистами. И в результате этой войны на определенной территории может остаться только одна матка-победитель со своей колонией [21, с. 254–257]. Получается, что в мире живой природы война всегда ведется между «мы» и «они» (в данном случае конкурируют не отдельные особи, а семьи, группы), между своими и чужими. Похожий процесс у сапиенсов, скорее всего, длился не одну сотню тысяч лет.

Как пишет Р. Рэнгем, «проактивная агрессия — это то, что отличает людей от других приматов. Это то, что позволяет нам организовывать коалиции и защищаться от внешних угроз» [5, с. 178]. Но коалиция — это не просто группа. Это группа, которая сознательно согласовывает действия для достижения общей цели (например, для защиты территории, устранения внутреннего тирана или нападения на внешнего врага). Именно способность к планированию, распределению ролей и коллективному применению насилия по расчету, а не под влиянием импульса, делает проактивную агрессию фундаментом не только военного, но и политического действия.

Как пишет антрополог М. Томаселло, именно совместное намерение (то есть способность понимать, что «мы все хотим убить его», а не «я хочу убить его») делает человека уникальным. Именно эта когнитивная революция, произошедшая около 250 тыс. лет назад¹⁶, позволила людям не просто нападать, но и позднее устраивать суд, выносить приговор, организовывать карательную экспедицию, то есть действовать политически [25, р. 61].

Антропологи заметили, что процесс самоодомашнивания был тесно связан с изменениями в мозге и гормональной системе человека. Как показывают генетические исследования, в период 250–300 тыс. лет назад произошли изменения в генах, связанных с серотонином и дофамином, что действительно привело к снижению агрессивности внутри групп и повышению способности к кооперации против внешних угроз [25, р. 63]. Эти изменения были необходимы для выживания в условиях изменения климата (за последние

¹⁶ По другим данным: около 70 тыс. лет назад. Так, Ю.Н. Харари опирается на археологические данные о взрыве символического поведения: наскальное искусство, сложные украшения, ритуальные захоронения, музыкальные инструменты, дальнотойная торговля, что свидетельствует о появлении языка высокого уровня, способности к абстрактному мышлению и передаче сложных идей, в том числе и применяя насилие, в том числе вооруженное [24].

¹⁵ Крадин Н.Н. Указ. соч. С. 61.

250–300 тыс. лет климат неоднократно менялся) и увеличения численности сапиенсов.

Полагаем, что механизм социального контроля через коллективное устранение доминантного, чрезмерно агрессивного индивида быстро трансформировался из спонтанной реакции в устойчивый институт. Археологические и этнографические данные свидетельствуют, что практика смертной казни за тиранию, нарушение норм или угрозу внутреннему порядку была почти универсальной среди охотников-собирателей — от Африки до Австралии и Америки [26–28 и др.].

Более того, с ростом межгрупповых контактов и конфликтов в позднем плейстоцене и раннем неолите смертная казнь стала применяться не только к «своим», но и к пленным из враждебных групп, особенно к тем, кто отказывался подчиняться новым социальным условиям или представлял угрозу стабильности. Таким образом, смертная казнь превратилась в инструмент не только внутреннего регулирования, но и политического подавления внешнего «другого». Этот институт легитимировал коллективное насилие, придавая ему нормативный и даже ритуальный статус, что стало важнейшим шагом на пути к формированию протогосударственных структур. Именно в этом смысле смертную казнь можно рассматривать как один из первых политических, а не просто биологических, механизмов управления агрессией.

Исследователи-приматологи Р. Рэнгем и Д. Петерсон подчеркивают, что именно в этот период (по их мнению, примерно 100–200 тыс. лет назад) произошло эволюционное смещение от индивидуального насилия внутри группы к коллективной военной коалиции, когда несколько мужчин, не обязательно связанных кровным родством (это важно специально подчеркнуть), синхронно напали на чужую группу, чтобы захватить ресурсы или уничтожить конкурентов. Это требовало доверия, коммуникации, распределения ролей между мужчинами [29, р. 12].

Частично аналогично это происходит у некоторых животных: «У шимпанзе агрессия проявляется в виде индивидуальных нападений, часто спонтанных. А у *Homo sapiens* агрессия — это координация, план, предварительная разведка... Именно она стала основой для военной иерархии, которая позже превратилась в государственную» [29, р. 12]. Таким образом, вооруженная агрессия в форме войны стала основой для появления государства как политического института, но важно

подчеркнуть, что насилие с применением оружия возникло задолго до государства.

3. Появление вооруженного насилия в плейстоцене

Одним из ключевых механизмов, который возник в результате самоодомашнивания, стало спланированное и одновременно организованное насилие. Как отмечает Л. Килли, «Археологические данные показывают, что война существовала задолго до появления государств, и именно необходимость организации военных действий стала ключевым фактором в формировании государственных структур» [30].

Этот тезис подтверждается и находками из пещеры Шанцер в Германии (ок. 200 тыс. лет назад), где были обнаружены следы насильственных смертей, которые свидетельствуют о систематических конфликтах с применением оружия между древними группами людей [31, р. 105]. Аналогичные находки были сделаны в пещере Капсель в Южной Африке (ок. 150 тыс. лет назад), где обнаружены орудия убийства, которые использовались для защиты территории от внешних групп [32].

Упомянем теорию Л. Ф. Малиновского о транзакционных издержках и роли государства как гаранта порядка [33], согласно которой любое общество сталкивается с проблемой транзакционных издержек, то есть затрат на обеспечение доверия, защиту собственности и выполнение договоров.

До появления государства эти функции выполнялись персонализированными формами обмена: родовыми связями, заложниками, кровной мстостью, ритуальными клятвами, обменом дарами как формой взаимного обязательства, посредничеством старейшин, сакральными запретами (табу) и коллективными санкциями, в том числе изгнанием или смертной казнью. Все эти институты выполняли функцию неформального принуждения, заменяя у ранних людей отсутствие централизованной власти, но были эффективны лишь в малых, лицом к лицу взаимодействующих группах (в условиях общественной власти).

С ростом масштаба общества, анонимности и сложности обмена (то есть в период появления племен) такие механизмы становились недостаточными, что и создавало эволюционное «давление» в пользу возникновения ранее не существовавших форм — так возникло государство как гарант порядка и исполнения договоренностей (уже неважно: как внутри групп, так и вовне).

Заметим, что с ростом масштабов взаимодействия в позднем плейстоцене и раннем неолите пер-

сонализированный обмен стал нежизнеспособным. Возникла потребность в персонифицированном порядке, который мог бы обеспечить безопасность в сообществах вне кровных связей [33, с. 92]. Именно здесь насилие становится институционализированным и проявляется не как частная месть, а скорее как система принуждения на определенной территории, управляемая коллективной властью [1, с. 65–66].

Этнографические исследования современных охотников-собирателей также подтверждают существование у них войн как, мы полагаем, протополитического института. Например, у племени хадза в Танзании существует строгий запрет на нарушение территориальных границ. Как отмечает антрополог Дж. Вудберн: «В племени хадза любое нарушение территориальных границ приводит к систематическим военным конфликтам, которые организуются и координируются группой» [34, р. 316].

Аналогичные практики существуют у племени бушменов в Намибии, где война используется для защиты ресурсов [35, р. 322].

Важно отметить, что война в плейстоцене была не просто случайными конфликтами — это был сложный акт борьбы за власть и территорию, в котором можно выделить несколько этапов. Сначала происходило наблюдение за территориальными границами, затем были попытки вести дипломатические переговоры, затем — подготовка к войне, и только в крайних случаях — военные действия. Все это подтверждает институциональную природу войны.

Как пишет К. Бем, «В охотничье-собирательских обществах существует универсальное социальное правило: группа должна защищать свои территории от внешних угроз. В то же время отдельные группы постоянно пытаются расширить свои территории с помощью военных действий» [26, р. 98].

Таким образом, механизм насилия с применением оружия, а позднее и войны как механизмы борьбы за власть и территорию были чрезвычайно эффективными. Как показывают исследования, в охотничье-собирательских обществах война приводила к защите ресурсов и повышению выживаемости группы: «В группах охотников-собирателей нет ни позиций, эквивалентных позиции альфа-самца, ни схваток. В редких случаях, когда в группах охотников-собирателей все же появляется временный лидер, важную роль играет репутация. То есть, чтобы добиться власти, человек должен выдвигать разумные аргументы в спорах, уметь разрабатывать хороший план действий, ловко вести переговоры, уметь рассказывать увлекательные истории или убедительно предсказывать будущее» [23, р. 130].

Мы предполагаем, что специализация военной деятельности среди других видов человеческой деятельности произошла у сапиенсов давно. Так, профессор В.К. Белозеров настаивает: «Военная деятельность», будучи изначально связанной с борьбой человека за существование, появилась значительно раньше, чем возникла политическая сфера жизни общества» [36, с. 10]. Он же отмечает, что причины, побуждавшие сапиенсов заниматься военной деятельностью, были самыми разнообразными: борьба за территорию, за добычу, за рабов, за выживание, за воду, осуществление кровной мести и др.

В своей книге в начале XX в. наш соотечественник — ученый А.Е. Снесарев четко написал: «Человек воевал непрерывно в доисторические годы, об этом нам говорят антропологические изыскания... Сложный ассортимент оружия свидетельствует, что человек вел непрерывную борьбу и с человеком, и с животными, и с силами природы» [37, с. 158]. Получается, что военная деятельность как постоянно ведущаяся сапиенсами борьба появилась у них практически одновременно с ними самими?

Конечно, в плейстоцене у наших предков не существовали механизмы, позволявшие регулировать проактивную агрессию — в этом мы согласны с мнением многих ученых. Поэтому в политическом и управленческом смыслах жизнь сапиенсов можно назвать достаточно анархичной.

Поясним: у них не было ни органов управления, ни политико-управленческих институтов (хотя некоторые ученые считают семью единственной существовавшей в то время политической единицей. Мы лично так не считаем, поскольку многие ученые пишут о существовании уже в этот период различных ассоциаций [1, с. 85–86] и тайных обществ [38, с. 36–37]). При этом фактически функцию управления осуществляли обычаи и магия, либо у некоторых народов в условиях отсутствия предводителей или вождей старики образовывали некие неформальные советы [39, с. 134].

Однако мы все же полагаем, что военная деятельность в собственно политическом смысле, то есть как организованная, спланированная и направленная против себе подобных с применением оружия деятельность, скорее всего, появилась несколько позже. Мы имеем в виду период, когда семьи стали объединяться в роды (патронимии, или большие семьи¹⁷), а затем в племена.

¹⁷ Исаев М.А. История государства и права зарубежных стран: учебник для бакалавров. Москва: Издательство Юрайт; 2013. С. 43.

Последнее прокомментируем особо. Род отличался от семьи наличием института общего (родового) имущества, распоряжение судьбой которого было затруднено (поскольку коллективная собственность используется всеми сородичами, она не может быть ни разделена, ни отчуждена), и круговой порукой. По сути, власть внутри рода отличалась от семейной власти развитой нормативной основой, предписывающей сородичам определенный тип поведения в собственной среде и в отношении чужаков, а количество запретов в это время возросло в геометрической прогрессии¹⁸. В свою очередь возникновение племенной формы организации сапиенсов (ее, кстати, проходили далеко не все народы) учеными объясняется «как ведущая к трайбализму¹⁹ причина, как внешняя задача, которую не под силу осуществлять одному роду как экономического, так и военного свойства. Исторически ученые отмечают существование двух вариантов: либо необходимость набега на соседей или отражение их набега, либо совместная колонизация, массовая миграция на новые места жительства»²⁰.

Важно: именно необходимость организации межродового общения ведет к появлению института вождя и свойственных ему функций. Племя можно рассматривать либо как промежуточную форму на пути к государству, либо как результат давления со стороны другого уже сформировавшегося государства. Фактически речь идет о том, что племена, а затем и государства образовывались не на принципе родства. Мы считаем, что «война представляет государству заманчивые возможности захвата территорий, на которых можно установить монополию на применение силы» [40, с. 40–41].

ВЫВОДЫ

Анализ эволюционных, археологических и этнографических данных позволяет сделать выводы, выходящие за рамки традиционных теорий генезиса государства.

Во-первых, политические институты не являются изобретением неолитической эпохи, их зачатки

возникли значительно раньше (в плейстоцене) как следствие биосоциального процесса самоодомашнивания *Homo sapiens*. А значит, основания политики лежат в глубинных изменениях человеческой природы — в снижении реактивной агрессии и развитии способности к коллективному, целенаправленному действию. Первым политическим институтом, скорее всего, стала смертная казнь.

Во-вторых, мы считаем, что война — не просто «продолжение политики иными средствами», ибо война предшествовала политике и выступила одним из ключевых факторов, стимулировавших формирование протополитических структур. Однако решающим оказался не сам факт насилия, а его институционализация, то есть переход от спонтанных конфликтов к организованным коалициям, управляемым общим намерением и распределением ролей. Именно эта способность к совместному планированию, уникальная для человека, превратила агрессию в инструмент социального порядка как внутри группы (через смертную казнь тиранов), так и за ее пределами (через систематические межгрупповые конфликты, то есть через войну).

В-третьих, государство возникло не как замена «естественного» хаоса, а как адаптация людей и их групп к новым масштабам социального взаимодействия, в которых старые механизмы доверия (родство, месть, ритуалы) перестали быть достаточными и результативными. Государство — не результат сознательного выбора или классовой борьбы, а эволюционный ответ на растущую сложность кооперации людей в условиях демографического роста, внешнего давления и постоянной угрозы насилия извне. Мы считаем, что в период позднего плейстоцена эволюция фактически потребовала от наших предков перейти от общественной власти к власти, по сути, политической, то есть к формированию специализированных властных структур, вынужденных заниматься управлением делами всех людей, природой и территориями (война стала одним из таких дел).

По нашему мнению, тезисы данной статьи могут мотивировать политологов и исследователей государства из других наук пересмотреть саму парадигму происхождения государства, уделив достойное внимание эволюции политического как непрерывного процесса институционализации коллективного принуждения, уходящего корнями в биологическую историю вида *Homo sapiens*.

¹⁸ Исаев М.А. Указ. соч. С. 44.

¹⁹ Трайбализм, трибализм, трайбализация — форма групповой обособленности, характеризующаяся внутренней замкнутостью и исключительностью, обычно сопровождаемая враждебностью по отношению к другим группам.

²⁰ Исаев М.А. Указ. соч. С. 45.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лоуи Р. Происхождение государства. Пер. с англ. Москва: Дело, РАНХиГС; 2023. 128 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011997272/?ysclid=мосуоz0xr0642724847
2. Гофман А.Б., ред.-сост., пер. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. Москва: Книжный дом «Университет»; 2011. 416 с. URL: <https://publications.hse.ru/books/77232441?ysclid=мосv3dnvkx103546553>
3. Шишкина Т. Экономическая антропология: История возникновения и развития. М.: АСТ; 2025. 384 с.
4. Scott J.C. Against the Grain: A Deep History of the Earliest States. New Haven; London: Yale University Press; 2017:312. URL: <https://doi.org/10.1007/s10745-018-0021-z>
5. Рэнгем Р. Парадокс добродетели. Странная история взаимоотношений нравственности и насилия в эволюции человека. Пер. с англ. Москва: АСТ: COPRUS; 2025. 480 с.
6. Дэйви М. Эволюция войн. Психологические, социальные и национальные причины военных конфликтов. Пер. с англ. Москва; 2009. 382 с.
7. Куманьков А.Д. Война в XXI веке. Москва: ВШЭ; 2020. 296 с.
8. Фон Клаузевиц К. О войне. Москва: Эксмо, Мидгард; 2007. 864 с.
9. Лоренц К. Агрессия, или Так называемое зло. Пер. с нем. Москва: АСТ; 2025. 416 с.
10. Донской Д. Агрессия — вне закона: Об общепринятом определении агрессии. Москва: Международные отношения; 1976. 136 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000201_000010_BJVVV985496/?ysclid=мосw6i6ive986787574
11. Де Вааль Ф. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов. Пер. с англ. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики; 2022. 272 с.
12. Серебрянников В.В. Социология войны. Москва: Ось-89; 1998. 317 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000570923/?ysclid=мосw9s4pyb473591807
13. Николаи Г. Биология войны. Можно ли победить «демонов прошлого»? Москва: Родина; 2023. 224 с.
14. Fry D.P. (Ed.). War, peace, and human nature: The convergence of evolutionary and cultural views. New York: Oxford University Press; 2013. 562 p. URL: https://archive.org/details/isbn_9780199858996
15. Tilly Ch. (Ed.) Reflections on the history of European state-making. The formation of national states in Western Europe. Princeton: Princeton University Press; 1975; 42. URL: <https://psi424.cankaya.edu.tr/uploads/files/Tilly,%20Reflections%20on%20State%20Making.pdf>
16. Flannery K.V., Marcus J. The Creation of inequality: How our prehistoric ancestors set the stage for monarchy, slavery, and empire. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2012. 640 p. URL: <https://doi.org/10.1017/S0003598X00049176>
17. Keeley L.H. War before civilization illustrated edition, kindle edition. Oxford: Oxford University Press; 1997. URL: <https://archive.org/details/warbeforeciviliz0000keel>
18. Строев С.А. Война как ключевой феномен антропологии. *Репутациология*. 2022;3-4(65-66):5-37. URL: <https://doi.org/10.34925/2071-9094.2022.66.4.001>
19. Красиков В.И. Самоформирование через деятельность и отбор в эволюционной траектории человеческого вида. *Философия и общество*. 2024;2(111):35-51. URL: <https://doi.org/10.30884/jfio/2024.02.02>
20. Розов Н.С. Организованное насилие в мировой истории и условия становления гуманных порядков. *История и современность*. 2023;2(48):29-45. URL: <https://doi.org/10.30884/iis/2023.02.02>
21. Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели. Пер. с англ. А. Чечиной. Москва: Эксмо; 2016. 412 с.
22. Хэйр Б., Вудс В. Выживает самый дружелюбный. Почему женщины выбирают добродушных мужчин, молодежь избегает агрессии и другие парадоксы, которые помогут узнать себя. Москва: Бомбора; 2023. 288 с.
23. Waal F.V.M. de. Our inner ape: A leading primatologist explains why we are who we are. New York: Riverhead Books; 2005. 288 p. URL: <https://doi.org/10.12987/9780300230497>
24. Bar-Yosef O. The upper paleolithic revolution. *Annual Review of Anthropology*. 2002;(31):363-393. URL: <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.31.040402.085416>
25. Tomasello M. The political biology of early human societies. New York: Riverhead Books; 2020. 328 p. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2020.06.004>
26. Boehm C. Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1999. 316 p. URL: <https://archive.org/details/hierarchyinfores0000boeh>
27. Boehm C. The evolution of morality. *Evolutionary Anthropology*. 2008;(6):275-289. URL: <https://doi.org/10.1002/evan.20198>

28. Wrangham R. The goodness paradox: The strange relationship between virtue and violence in human evolution. New York: Pantheon Books; 2019.
29. Wrangham R., Peterson D. The evolution of war: From prehistoric conflict to the rise of the state. New York: Riverhead Books; 2021. 418 p. URL: <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2021.02.003>
30. Keeley L.H. War before civilization: The myth of the peaceful savage. Oxford: Oxford University Press; 1996. 288 p. URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195097374.001.0001>
31. Schmidt P. Archaeological evidence of systematic killing in the Paleolithic. *Journal of Anthropological Archaeology*. 2019;(55):101-115. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2019.03.002>
32. Henshilwood C. Evidence of systematic killing in the Middle Stone Age. *Current Anthropology*. 2018;(4):456-478. URL: <https://doi.org/10.1086/698754>
33. Малиновский Л.Ф. Некоторые институциональные основы природы государства. *Право и образование*. 2011;(11):88-97. URL: <https://elibrary.ru/okimqj>
34. Woodburn J. Egalitarian societies. *Man*. 1982;(3):431-451. URL: <https://doi.org/10.2307/2801585>
35. Marshall L. The! Kung of the Kalahari: A study of Hunter-Gatherer society. *American Anthropologist*. 1976;(2):312-330. URL: https://archive.org/details/kalaharihunterga0000unse_n7r7
36. Белозеров В.К. Политический феномен военной деятельности. Монография. Москва: Издательский Дом «АТИСО»; 2009. 392 с. URL: <https://elibrary.ru/qokrvv>
37. Снесарев А.Е. Философия войны. Москва: ВА ГШ; 2002. 288 с. URL: https://militera.lib.ru/science/snesarev_ae02/index.html?ysclid=мосхзwj1r9801624448
38. Попов В., ред. Ранние формы политических систем. Санкт-Петербург: Кунсткамера; 2012. 380 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006674864?ysclid=мосу2epfhf271806147>
39. Андерсон К.М., ред. Анархия и власть: сборник. Москва: Наука; 1992. 172 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001645757/?ysclid=мосу3tkq3d933265800
40. М. Анатомия государства и другие эссе. Пер. с англ. Москва; Челябинск; 2025. 145 с.

REFERENCES

1. Lowy R. The origin of the state. Transl. from Eng. Moscow: Delo, RANHiGS; 2023. 128 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011997272/?ysclid=мосуoz0xr0642724847 (In Russ.).
2. Hoffman A.B., (Ed.-comp.), trans. Societies. Exchange. Personality. Works on social anthropology. Moscow: University Book House; 2011. 416 p. URL: <https://publications.hse.ru/books/77232441?ysclid=мосв3dnvkx103546553> (In Russ.).
3. Shishkina T. Economic anthropology: The history of its origin and development. Moscow: AST; 2025. 384 p. (In Russ.).
4. Scott J.C. Against the grain: A deep history of the earliest states. New Haven; London: Yale University Press; 2017:312. URL: <https://doi.org/10.1007/s10745-018-0021-z>
5. Wrangham R. The paradox of virtue. A strange story of the relationship between morality and violence in human evolution. Transl. from Eng. Moscow: AST: COPRUS; 2025. 480 p. (In Russ.).
6. Davey M. The evolution of wars. Psychological, social and national causes of military conflicts. Transl. from Eng. Moscow; 2009. 382 p. (In Russ.).
7. Kumankov A.D. War in the 21st century. Moscow: HSE; 2020. 296 p. (In Russ.).
8. Von Clausewitz K. About the war. Moscow: Eksmo, Midgard; 2007. 864 p. (In Russ.).
9. Lorenz K. Aggression, or the So-called evil. Transl. from Germ. Moscow: AST; 2025. 416 p. (In Russ.).
10. Donskoy D. Aggression is outside the law: On the generally accepted definition of aggression. Moscow: International Relations; 1976. 136 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000201_000010_BJVVV985496/?ysclid=мосв6i6ive986787574 (In Russ.).
11. De Waal F. Politics in chimpanzees: Power and Sex in primates. Transl. from Eng. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2022. 272 p. (In Russ.).
12. Serebryannikov V.V. Sociology of war. Moscow: Axis-89; 1998. 317 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000570923/?ysclid=мосв9s4pyb473591807 (In Russ.).
13. Nicolai G. Biology of war. Is it possible to defeat the “demons of the past”? Moscow: Rodina; 2023. 224 p. (In Russ.).
14. Fry D.P. (Ed.). War, Peace, and Human Nature: The convergence of evolutionary and cultural views. New York: Oxford University Press; 2013. 562 p. URL: https://archive.org/details/isbn_9780199858996

15. Tilly Ch. (Ed.) Reflections on the history of European state-making. the formation of national states in Western Europe. Princeton: Princeton University Press; 1975; 42. URL: <https://psi424.cankaya.edu.tr/uploads/files/Tilly,%20Reflections%20on%20State%20Making.pdf>
16. Flannery K.V., Marcus J. The creation of inequality: How our prehistoric ancestors set the stage for monarchy, slavery, and empire. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2012. 640 p. URL: <https://doi.org/10.1017/S0003598X00049176>
17. Keeley L.H. War before civilization illustrated edition, kindle edition. Oxford: Oxford University Press; 1997. URL: <https://archive.org/details/warbeforeciviliz0000keel>
18. Stroeve S.A. War as a key phenomenon of anthropology. *Reputationology*. 2022;3-4(65-66):5-37. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.34925/2071-9094.2022.66.4.001>
19. Krasikov V.I. Self-formation through activity and selection in the evolutionary trajectory of the human species. *Philosophy and society*. 2024;2(111):35-51. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.30884/jfo/2024.02.02>
20. Rozov N.S. Organized violence in world history and the conditions for the formation of humane orders. *History and modernity*. 2023;2(48):29-45. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.30884/iis/2023.02.02>
21. Ridley M. The origin of altruism and virtue. Transl. from Eng. by A. Chechina. Moscow: Eksmo; 2016. 412 p. (In Russ.).
22. Hare B., Woods V. The friendliest survives. Why women choose good-natured men, young people avoid aggression, and other paradoxes that will help them get to know themselves. Moscow: Bombora; 2023. 288 p. (In Russ.).
23. Waal F.B.M. de. Our inner ape: A leading primatologist explains why we are who we are. New York: Riverhead Books; 2005. 288 p. URL: <https://doi.org/10.12987/9780300230497>
24. Bar-Yosef O. The upper paleolithic revolution. *Annual Review of Anthropology*. 2002;(31):363-393. URL: <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.31.040402.085416>
25. Tomasello M. The political biology of early human societies. New York: Riverhead Books; 2020. 328 p. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2020.06.004>
26. Boehm C. Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1999. 316 p. URL: <https://archive.org/details/hierarchyinfores0000boeh>
27. Boehm C. The evolution of morality. *Evolutionary Anthropology*. 2008;(6):275-289. URL: <https://doi.org/10.1002/evan.20198>
28. Wrangham R. The goodness paradox: The strange relationship between virtue and violence in human evolution. New York: Pantheon Books; 2019.
29. Wrangham R., Peterson D. The evolution of war: From prehistoric conflict to the rise of the state. New York: Riverhead Books; 2021. 418 p. URL: <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2021.02.003>
30. Keeley L.H. War before civilization: The myth of the peaceful savage. Oxford: Oxford University Press; 1996. 288 p. URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195097374.001.0001>
31. Schmidt P. Archaeological evidence of systematic killing in the Paleolithic. *Journal of Anthropological Archaeology*. 2019;(55):101-115. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2019.03.002>
32. Henshilwood C. Evidence of systematic killing in the Middle Stone Age. *Current Anthropology*. 2018;(4):456-478. URL: <https://doi.org/10.1086/698754>
33. Malinovsky L.F. Some institutional foundations of the nature of the state. *Law and education*. 2011;(11):88-97. URL: <https://elibrary.ru/okimqj> (In Russ.).
34. Woodburn J. Egalitarian societies. *Man*. 1982;(3):431-451. URL: <https://doi.org/10.2307/2801585>
35. Marshall L. The! Kung of the Kalahari: A Study of Hunter-Gatherer society. *American Anthropologist*. 1976;(2):312-330. URL: https://archive.org/details/kalaharihunterga0000unse_n7r7
36. Belozero V.K. The political phenomenon of military activity: A monograph. Moscow: ATISO Publishing House; 2009. 392 p. URL: <https://elibrary.ru/qokrvv> (In Russ.).
37. Snesev A.E. Philosophy of war. Moscow: VA GSH; 2002. 288 p. URL: https://militera.lib.ru/science/snesarev_ae02/index.html?ysclid=mocxzwj1r9801624448 (In Russ.).
38. Popov V., ed. Early forms of political systems. St. Petersburg: Kunstkamera; 2012. 380 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006674864?ysclid=mocy2epfh271806147> (In Russ.).
39. Anderson, K.M., ed. Anarchy and Power: a collection. Moscow: Nauka; 1992. 172 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001645757/?ysclid=mocy3tkq3d933265800 (In Russ.).
40. M. Anatomy of the State and other essays. Transl. from Eng. Moscow; Chelyabinsk; 2025. 145 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владимир Олегович Микрюков — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Vladimir O. Mikryukov — Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof. of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<http://orcid.org/0000-0002-3025-6838>

Автор для корреспонденции / Corresponding autor:

mikryukov.v.o@gmail.com

Сергей Анатольевич Мельков — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры «Реклама и связи с общественностью в медиаиндустрии», Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

Sergey A. Melkov — Dr. Sci. (Pol.), Prof., Prof. of the Department of Advertising and Public Relations in the Media Industry, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-5247-7968>

304304@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

В.О. Микрюков — подготовка обзора литературы, подготовка текста статьи (разделы 1, 4 полученных результатов, введение и заключение).

С.А. Мельков — первоначальный замысел, организация и общее руководство исследованием, подготовка текста статьи (проблематизация, разделы 2, 3 полученных результатов).

Authors contribution:

V.O. Mikryukov — overall supervision of the research, preparation of the article text (sections 1, 4 of the results obtained, introduction, and conclusion).

S.A. Melkov — preparation of the literature review, text of the article (sections 2, 3 of the results obtained).

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 28.10.2025; после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 16.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 28.10.2025; revised on 20.11.2025; accepted for publication on 16.03.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Социологический анализ искусственного интеллекта как технологии образовательного потенциала профессионализации студентов вуза

А.Г. Тюриков

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются результаты социологического исследования оценки включенности студентов и преподавателей в использование искусственного интеллекта (ИИ) в образовательном процессе. Социологическое исследование реализовано методом онлайн-опроса студентов и преподавателей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Ключевым является ответ на вопрос: каковы включенность и целевые установки применения ИИ в образовательном процессе? Исследование нацелено на анализ количественных и качественных характеристик использования и целей ИИ в процессе профессионализации студентов. Выявлено, что лишь 19% студентов не используют ИИ в образовательном процесс, постоянно – 22, и иногда – 59%. У преподавателей картина несколько иная – лишь 10% используют ИИ на постоянной основе и 55% – иногда, в то же время каждый третий не пользуется ИИ. Наиболее востребованной задачей среди студентов использования ИИ является генерация визуального контента (59%), половина опрошенных (46%) использует ИИ для подготовки докладов к семинарам, а более трети (37%) обращается к нейросетям для решения «креативных» задач. Преподаватели преимущественно делегируют нейросетям подготовку к учебным занятиям (71%), четверть респондентов (26%) интегрируют ИИ непосредственно в аудиторную работу в процессе отработки заданий. При этом фиксируется низкий уровень использования ИИ преподавателями для проверки домашних заданий (12%). В статье описаны преимущества и перспективы, а также риски и барьеры использования ИИ в образовательном процессе и профессионализации молодежи. Экспертами фиксируется проблемная ситуация, вытекающая из противоречия между меняющейся цифровой реальностью и консервативностью институциональной системы высшего образования, между готовностью и подготовленностью преподавателей к внедрению ИИ и боязнью нового, непониманием позитивных эффектов и рисков. Результаты исследования вносят вклад в научный дискурс и создают предпосылки для дальнейшего углубленного изучения интеграции ИИ в образовательный процесс и профессионализацию студенческой молодежи.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ); генеративный ИИ; образовательный процесс; профессионализация студентов; образовательный потенциал; плюсы и риски использования ИИ в образовании

Для цитирования: Тюриков А.Г. Социологический анализ искусственного интеллекта как технологии образовательного потенциала профессионализации студентов вуза. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(3):54-63. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-54-63

Sociological Analysis of Artificial Intelligence as a Technology of Educational Potential for Professional Development of University Students

A.G. Tyurikov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article analyzes the results of a sociological study of the involvement of students and teachers in the use of artificial intelligence (AI) in the educational process. The sociological study was conducted using an online survey of students and teachers at the Financial University under the Government of the Russian Federation. The key objective of the study was to determine the level of involvement and the goals of using AI in the educational process. The study aimed to analyze the quantitative and qualitative characteristics of the use and goals of AI in the professional development of students. It was revealed that only 19% of students do not use AI in the educational process, while 22% use it constantly and 59%

use it occasionally. The situation is slightly different among teachers, as only 10% use AI on a regular basis and 55% use it occasionally, while one in three does not use AI. The most popular task among students using AI is generating visual content (59%), while half of the respondents (46%) AI is used to prepare reports for seminars, and more than a third (37%) use neural networks to solve “creative” problems. Teachers mostly delegate the preparation of lessons to neural networks (71%), and a quarter of respondents (26%) integrate AI directly into classroom work during the execution of assignments. At the same time, there is a low level of use of AI by teachers for checking homework (12%). The article describes the advantages and prospects, as well as the risks and barriers of using AI in the educational process and professionalization of young people. The experts identify a problematic situation that arises from the contradiction between the changing digital reality and the conservatism of the institutional system of higher education, between the willingness and preparedness of teachers to implement AI and the fear of the new, as well as the lack of understanding of the positive effects and risks. The results of the study contribute to the scientific discourse and create the preconditions for further in-depth research on the integration of AI into the educational process and professionalization of young students.

Keywords: artificial intelligence (AI); generative AI; educational process; professionalization of students; educational potential; advantages and risks of using AI in education

For citation: Tyurikov A.G. Sociological analysis of artificial intelligence as a technology of educational potential for professional development of university students. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(3):54-63. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-54-63

ВВЕДЕНИЕ

С массовым использованием ИИ жизненная среда человека стремительно меняется и трансформируется. Образование наравне с медициной, финансовой сферой и электронной коммерцией лидируют по объему и скорости внедрения ИИ. Ключевым является ответ на вопрос: каковы включенность и целевые установки применения ИИ в образовательном процессе?

18 марта 2026 г. Минцифры опубликовало для общественного обсуждения законопроект «Об основах госрегулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта», в котором под искусственным интеллектом в законопроекте предлагается понимать комплекс технологий, который позволяет имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение, и получать результаты, сопоставимые с человеческими или превосходящие их¹.

Искусственный интеллект входит в жизнь человека, при этом логика ИИ «всем возрастам покорна». Возрастная структура аудитории ИИ-сервисов существенно различается. В категории 12–17 лет охват достиг 52% в месяц и 16% в день, среди пользователей 18–24 лет — 51% в месяц и 15% в день. В группе 65+ технологии искусственного интеллекта используют 9% раз в месяц, а ежедневно — 1%².

¹ Власти представили законопроект о регулировании ИИ в России. Главное URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/19/03/2026/69bb1d5a9a79470e2984c919

² Экспертный круглый стол Аналитического центра ВЦИОМ и Дискуссионного клуба «Доверительные коммуникации» на тему «ИИ-агенты и новая реальность деловых медиа: как будет меняться рынок» URL: <https://wciom.ru/prof-conversation/material/ehkspertnyi-kruglyi-stol-ii-agentyi-novaja-realnost-delovykh-media-kak-budet-menjatsja-rynok>

Образование как ведущая сфера формирования, социализации и профессионализации молодого поколения находится в передовиках освоения и применения ИИ. Вице-премьер РФ Дмитрий Чернышенко заявлял, что согласно статистике за 2024 год не более 20% преподавателей и студентов в России могут эффективно использовать искусственный интеллект, несмотря на распространенность его применения в образовательной сфере. При этом более 60% студентов и преподавателей используют искусственный интеллект в своей работе³.

Если еще 2–3 года назад в образовательном обществе ИИ в большей степени вызывал любопытство и интерес — зачем он нужен? на что он способен? можно ли ему доверять? — то теперь силу набирает тренд реального прикладного использования и встраивание в профессиональные роли и функции.

Целью написания статьи является социологический анализ включенности и целевых установок применения ИИ в образовательном процессе.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ: ОТ ПРЕИМУЩЕСТВ И ПЕРСПЕКТИВ ДО РИСКОВ И БАРЬЕРОВ ВНЕДРЕНИЯ ИИ В ОБРАЗОВАНИЕ

Определение и ключевые свойства искусственного интеллекта в образовании. В современной научной литературе категория «искусственный интеллект» (ИИ) не имеет единой трактовки. В русле технического подхода А.В. Платов и Ю.И. Гаврилина определяют ИИ как систему функциональных компьютерных технологий, моделирующих ког-

³ Эффективно использовать ИИ умеют не более 20% студентов и преподавателей российских университетов URL: <https://profile.ru/news/society/effektivno-ispolzovat-ii-umejut-nebole-20-studentov-i-prepodavatelej-a999-1639815/>

нитивные процессы человека, и выделяют ключевое свойство — обучаемость, то есть способность системы самостоятельно пополнять знания на основе анализа текущей ситуации и прошлого опыта [1, с. 26, 28]. Опираясь на определения Н. Нильссона, а также С. Рассела и П. Норвига, исследователи трактуют ИИ как алгоритмическую конструкцию, копирующую человеческий интеллект. Е.В. Трусова и О.Д. Бочаров уточняют, что в образовательной практике эта способность реализуется через нейронные сети, машинное и глубокое обучение, выявляющие скрытые закономерности [2, с. 134; 3, с. 24]. Также предлагается технологическая классификация, выделяющая экспертные системы, машинное обучение, обработку естественного языка и компьютерное зрение, смещающая фокус на инструментальные задачи в управлении образованием [3, с. 24].

При переносе в педагогическую плоскость определение ИИ приобретает иную нагрузку. Трусова подчеркивает, что ИИ — это драйвер трансформации образовательной среды, позволяющий автоматизировать рутинные задачи и персонализировать обучение [2, с. 135]. Платов и Гаврилина вводят эволюционный аспект: роль ИИ меняется от управления когнитивным обучением до расширения возможностей ученика как лидера процесса, где ИИ выступает не просто инструментом, а партнером или «расширителем» человеческого интеллекта [1, с. 30–33]. Автоматизация рутинных процедур, как отмечает Трусова, освобождает педагога от проверки тестов и анализа достижений, а К.А. Байлов уточняет, что это позволяет учителям сосредоточиться на общении с учащимися [2, с. 134; 4, с. 22]. Персонализация как системообразующее свойство описывается А.В. Ущeko, В.А. Чулюковым и В.М. Дубовым: технологии ИИ выстраивают обучение с учетом уровня знаний и темпа, выявляя слабые места (алгоритм MATNiaU платформы Carnegie Learning) [5, с. 861–862; 6, с. 28]. Генерация интеллектуального контента проявляется в способности ИИ создавать новые материалы: Ущeko описывает сервисы «ПрепАИ» и Smartest Learning, генерирующие тесты, а Чулюков и Дубов добавляют, что системы СТІ преобразуют учебники в «умные» пособия. Мультимодальность и расширенная аналитика позволяют ИИ обрабатывать информацию в различных модальностях (Duolingo, Memrise), а А.И. Заграничный и Д.О. Королева акцентируют предиктивную аналитику на основе больших данных, превращающую ИИ в инструмент поддержки управленческих

решений [5, с. 862; 6, с. 29; 7, с. 25–26]. На практике, как показывают Чулюков и Дубов, алгоритмы машинного обучения анализируют огромные массивы данных (проект Third Space Learning), формируя рекомендации для преподавателей [6, с. 29].

Совокупность перечисленных свойств — обучаемость, автоматизация, персонализация, генерация контента и мультимодальная аналитика — формирует уникальный функциональный профиль ИИ, качественно отличающий его от предшествующих цифровых инструментов. Резюмируя различные подходы, можно заключить, что с позиции образования искусственный интеллект представляет собой совокупность вычислительных и алгоритмических систем, которые не только моделируют когнитивные функции человека, но и трансформируют роли участников образовательного процесса — от реципиента до лидера.

Преимущества и ограничения использования искусственного интеллекта в образовании

Исследователи сходятся во мнении относительно ряда устойчивых преимуществ ИИ. Наиболее значимыми выступают персонализация обучения, о чем пишут С.М. Ажыкулов, а также К.А. Байлов, подчеркивающий адаптацию материалов под индивидуальные нужды [8, с. 45; 4, с. 22]. Автоматизация рутинных задач с мгновенной обратной связью отмечается Е.В. Трусовой и А.В. Ущeko, тогда как повышение доступности образования акцентирует С.М. Ажыкулов [2, с. 132; 5, с. 860; 8, с. 45–46]. Улучшение аналитики и прогнозирования успеваемости выделяют К.А. Байлов, а также А.И. Заграничный и Д.О. Королева [4, с. 22–23; 7, с. 25–26].

Однако авторы фиксируют и существенные ограничения. Невозможность полной замены человеческого фактора — эмпатии, вдохновения и межличностного взаимодействия — отстаивают С.М. Ажыкулов, а также А.В. Платов и Ю.И. Гаврилина [8, с. 48; 1, с. 37]. Когнитивно-методологические трудности, связанные с неспособностью ИИ адекватно понимать контекст и оценивать креативность, описывают С.М. Ажыкулов и А.В. Ущeko [8, с. 45; 5, с. 860–861]. Этические риски — проблемы конфиденциальности, алгоритмической дискриминации и снижения критического мышления — затрагивают С.М. Ажыкулов, а также Платов и Гаврилина [8, с. 47; 1, с. 35–36]. Как отмечает А.В. Ущeko со ссылкой на профессора Н.С. Бэрона, «соблазн положиться на инструменты редактирования и генерации текста позволяет слишком легко отказаться от возможности думать и учиться в пользу технологий» [5, с. 864].

Барьеры внедрения искусственного интеллекта

Анализ причин замедленной интеграции ИИ позволяет выделить несколько устойчивых барьеров. Кадровый дефицит и компетентностный разрыв констатируют С.М. Ажыкулов и О.Д. Бочаров, а А.В. Платов и Ю.И. Гаврилина добавляют принципиально важное наблюдение: большинство образовательных ИИ-приложений созданы специалистами в области IT без участия педагогов, что снижает их педагогическую ценность [8, с. 46; 3, с. 23, 27; 1, с. 35]. Неготовность педагогического сообщества, воспринимающего ИИ как угрозу занятости, что ведет к сопротивлению инновациям, также отмечается Платовым и Гаврилиной [1, с. 37]. Финансовые и инфраструктурные ограничения, делающие затраты на вычислительные мощности и обновление технологий неподъемными для многих учреждений, описывают О.Д. Бочаров и С.М. Ажыкулов [3, с. 23, 26; 8, с. 46–47]. Недостаток качественных данных и технические сложности разработки и поддержки ИИ-систем подчеркивает С.М. Ажыкулов [8, с. 47]. Наконец, этическая неопределенность и нормативный вакуум — отсутствие устоявшихся правил защиты персональных данных, алгоритмической справедливости и ответственности за ошибочные решения — обсуждаются С.М. Ажыкуловым, а также А.И. Заграничным и Д.О. Королевой [8, с. 47; 7, с. 7, 15–16]. Как показывают Заграничный и Королева, в Европейском союзе образовательные ИИ-системы отнесены к категории высокого риска, однако глобальные единые подходы пока не сформированы [7, с. 15–16]. Преодоление этого комплекса барьеров требует не только технологических, но и системных организационных и педагогических усилий.

Еще на одно важное обстоятельство обращают внимание ученые Я. Кузьминов и Е. Кручинская — в 2024 г. анализ рынка ИИ был проведен на предмет оценки качества выполнения на микроуровне профессиональных задач в экономике, праве и образовании [9, с. 8]. Результат пока не очень впечатлителен — наиболее развитые модели ИИ не способны автономно решать эти задачи, допуская более 50% ошибок. Это происходит также из-за того, как эти языковые модели обучаются, на каких текстах и данных. То есть, по сути, они — «разные информационные агенты» со своим мнением о том, что хорошо и что плохо, с разным ощущением настроения, которое передает конкретный фрагмент текста. Безусловно, прогресс не стоит на месте, и модели совершенствуются, но исследователи отмечают, что это препятствует внедрению ИИ-агентов, замещающих работников, в большинство сфер, за

исключением контакта с клиентами и сбора базовых данных [10, с. 8].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что искусственный интеллект, как отмечают А.И. Заграничный и Д.О. Королева, занимает все более значимое место в глобальной образовательной повестке, однако путь его интеграции сопряжен с преодолением разнородных препятствий [7, с. 29–30]. Как показано в работах А.В. Платова и Ю.И. Гаврилиной, эволюция роли ИИ в образовании проходит путь от управляющей системы до инструмента расширения человеческих возможностей, что требует пересмотра традиционных педагогических моделей [1, с. 30–33]. Резюмируя позиции рассмотренных авторов, можно заключить, что успешная интеграция ИИ в образование возможна лишь при условии сохранения баланса между технологической эффективностью и человекоцентричностью. Персонализация, автоматизация и аналитика, предоставляемые ИИ, должны служить дополнением, а не заменой педагогическому мастерству, эмпатии и творческому взаимодействию, которые, как подчеркивают С.М. Ажыкулов, а также Платов и Гаврилина, остаются исключительной прерогативой человека [8, с. 48; 1, с. 36–37]. Преодоление выявленных барьеров — кадровых, финансовых, этических и нормативных — требует не только инвестиций в технологии, но и системной подготовки педагогов, междисциплинарного диалога между разработчиками и преподавателями, а также выработки взвешенных этико-правовых рамок. Только при соблюдении этих условий, как справедливо заключает Е.В. Трусова, интеграция искусственного интеллекта способна в полной мере реализовать свой трансформационный потенциал, делая образование более эффективным, доступным и персонализированным, но при этом сохраняющим свою человеческую сущность [2, с. 135].

МЕТОДЫ

Социологическое исследование реализовано методом онлайн опроса студентов ($n = 4200$) и преподавателей ($n = 1200$) Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Ошибка выборки составляет 3,6%, опрос студентов репрезентативен по полу, образовательным программам подготовки и курсам обучения, опрос преподавателей — по полу, возрасту и образовательным программам подготовки.

Выдвинута гипотеза о том, что в настоящий момент существует значительная дифференциация в целях использования ИИ преподавателями и студентами.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Рассмотрим включенность образовательной среды в ИИ на примере студентов и преподавателей по результатам социологического исследования в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации в декабре 2025 г.

Использование нейросетей студентами

Результаты проведенного исследования фиксируют высокий уровень использования студентами ИИ в образовательном процессе: лишь 19% не используют, а 22% постоянно и 59% — иногда.

Анализ регулярности использования технологий искусственного интеллекта в студенческой среде демонстрирует значительную дифференциацию в зависимости от факультета (рис. 1).

Наибольшая доля студентов, интегрирующих ИИ в свою учебную деятельность на постоянной основе, зафиксирована у студентов по направлению подготовки Информационные технологии (31%). Это существенно выше средних показателей и может свидетельствовать как о специфике технических специальностей, где студенты активнее осваивают новые технологии, так и о востребованности ИИ-инструментов в решении инженерных и аналитических задач.

Наибольшая доля студентов, полностью отказывающихся от использования ИИ в учебе, обучается по направлениям Финансы (22%), Экономика и биз-

нес (21%) и Налоги, аудит и бизнес-анализ (20%). Любопытно, что студенты направления Информационные технологии, лидирующие по постоянному использованию, демонстрирует при этом низкий уровень отказа — всего 17%, что подтверждает высокую степень цифровой адаптации студентов технического профиля.

Детализация в разрезе академической успеваемости выявляет: среди студентов, обучающихся на «хорошо» и «отлично», доля иногда использующих ИИ составляет 61% и 58%, в то время как среди студентов с оценками «удовлетворительно» всего 54%. Можно сказать, что искусственный интеллект в студенческой среде выступает не столько инструментом для преодоления академического отставания, сколько средством повышения эффективности для тех, кто уже мотивирован на высокие результаты. Хотя доля студентов, внедривших в образовательный процесс использование нейросетей на постоянной основе, среди «троечников» является наиболее высокой (26%).

В сложившейся практике наиболее технологически адаптированными оказались студенты направления Информационные технологии, при этом общая корреляция между успеваемостью и активностью применения нейросетей подтверждает тезис о том, что ИИ становится инструментом академически успешных студентов.

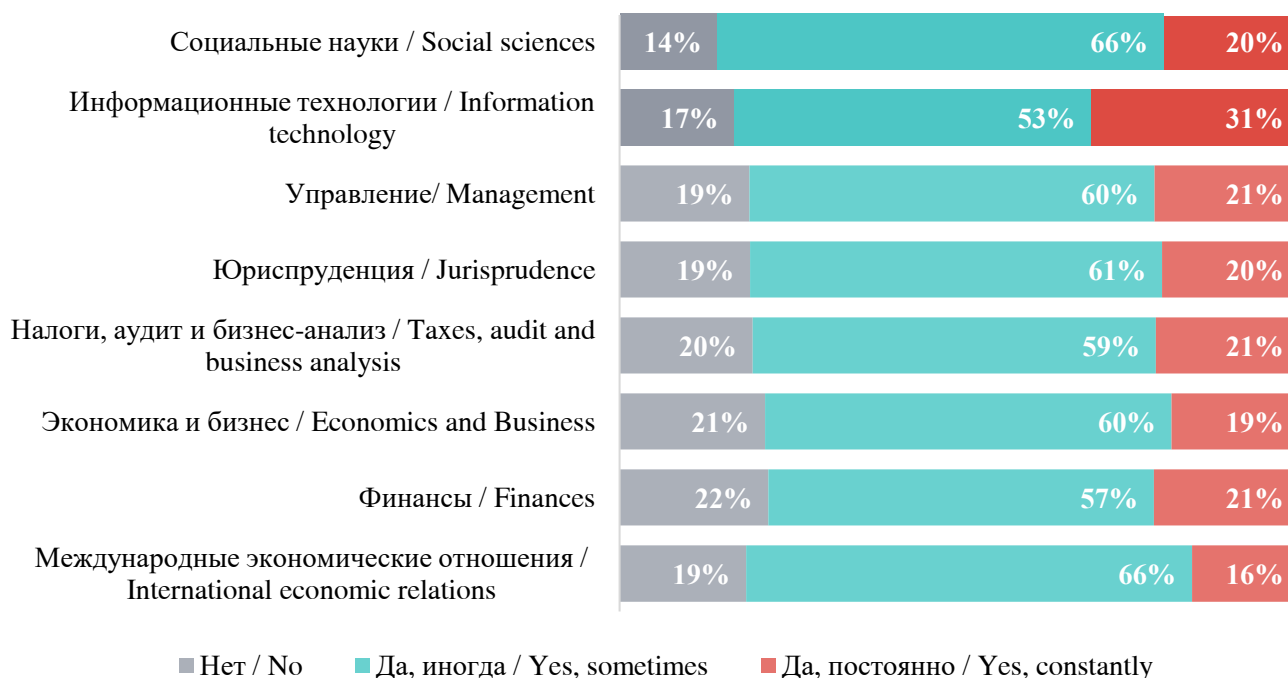

Рис. 1 / Fig. 1. Регулярность использования ИИ в учебе среди студентов по направлениям / The regularity of the use of AI in studies among students in the following areas

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

Рис. 2 / Fig. 2. Цели использования в учебе ИИ среди студентов по курсам /
The purpose of using AI in studies among students in courses

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

Далее рассмотрим цели использования искусственного интеллекта: нейросети чаще всего применяются для решения прикладных учебных и творческих задач (рис. 2).

Наиболее востребованной задачей среди студентов всех факультетов является генерация визуального контента (59%). Половина опрошенных (46%) использует ИИ для подготовки докладов к семинарам, а более трети (37%) обращается к нейросетям для решения «креативных» задач. Значительная доля студентов также применяет ИИ для получения психологической поддержки (28%) и помощи в деловой коммуникации (23%).

В целом основными мотивами у студентов использования ИИ являются решение проблемы «белого листа» при выполнении учебного и исследовательского задания и студенческий минимализм — что-то сдал как выполненное несамостоятельное задание, не отрефлексировал и забыл.

Применение искусственного интеллекта преподавателями

Результаты проведенного исследования фиксируют средний уровень использования преподавателями ИИ в образовательном процессе: лишь 10% используют на постоянной основе и 55% — иногда, в то же время каждый третий не пользуется ИИ.

При рассмотрении регулярности использования искусственного интеллекта среди преподавателей в зависимости от демографических характеристик

выявили различия как в возрастных группах, так и между мужчинами и женщинами (рис. 3).

Наиболее активно внедряют ИИ на постоянной основе респонденты в возрасте старше 70 лет (21%) и младше 35 (14%), тогда как среди других возрастных категорий этот показатель не превышает 10%. При этом респонденты от 36 до 59 лет лидируют по доле эпизодического использования (56%). Наибольшая доля отказывающихся от использования ИИ зафиксирована в группе от 60 до 70 (40%).

В гендерном разрезе наблюдаются следующие тенденции: среди мужчин доля постоянно использующих ИИ составляет 11%, что выше, чем среди женщин (8%). Женщины чаще прибегают к эпизодическому использованию (60% против 48% у мужчин). Мужчины же демонстрируют более высокий уровень полного отказа от технологии (40% против 32% у женщин).

Анализ подходов к использованию технологий искусственного интеллекта показал, что данный инструмент удовлетворяет разные потребности преподавателей и студентов (рис. 4).

Детализация целей использования искусственного интеллекта позволяет зафиксировать ряд функциональных различий между преподавателями и студентами. Преподаватели преимущественно делегируют нейросетям подготовку к учебным занятиям (71%). Четверть респондентов (26%) интегрируют ИИ непосредственно в аудиторную работу в процессе отработки заданий. При этом

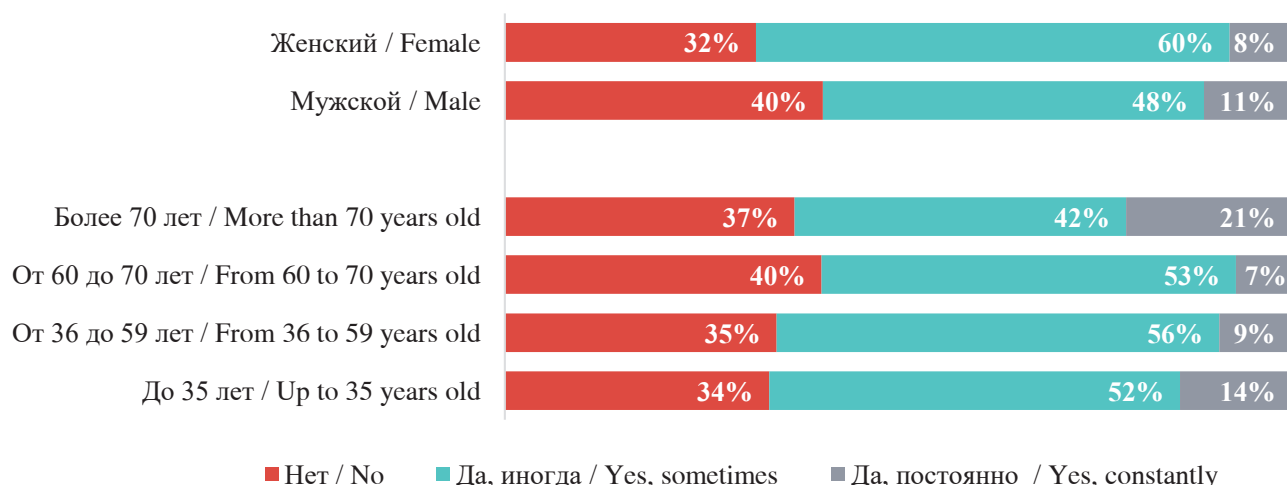

Рис. 3 / Fig. 3. Регулярность использования ИИ среди преподавателей по возрасту и полу / The regularity of AI use among professors by age and gender

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

Рис. 4 / Fig. 4. Регулярность использования ИИ среди преподавателей и студентов / The regularity of the use of AI among professors and students

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

фиксируется низкий уровень использования ИИ для проверки домашних заданий (12%).

Студенты, в свою очередь, ориентированы на применение ИИ в задачах, связанных с созданием конечного образовательного продукта. Наиболее востребованы генерация визуального контента (59%) и подготовка докладов для семинаров (46%). Треть опрошенных (37%) используют нейросети для решения «креативных» задач. Еще 22% делегируют подготовку рефератов и расчетных работ, а 10% — написание курсовых и дипломных проектов.

Данное распределение отражает фундаментальное противоречие: преподаватели автоматизируют подготовительные процессы с целью повышения качества аудиторной работы, тогда как студенты оптимизируют именно те процессы, которые направлены на демонстрацию и развитие их собственных компетенций.

В коммуникативной сфере также наблюдаются различия. Студенты чаще преподавателей обращаются к ИИ для получения психологической поддержки (28% против 13% соответственно), что может свидетельствовать о недостатке доступных механизмов психологической помощи в образовательной среде. В сфере деловой коммуникации показатели сопоставимы: 23% студентов и 21% преподавателей используют ИИ для оптимизации официальной переписки.

Таким образом, в сложившейся практике студенты используют искусственный интеллект преимущественно в качестве «творческого помощника» (замещающего развитие собственного интеллекта), а преподаватели — как «ассистента» для выполнения рутинной работы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты массового опроса студентов и преподавателей стали темой для дискуссии на экспертной

сессии. Участниками обсуждения стали эксперты в области генеративного ИИ, преподаватели, использующие ИИ в образовательном процессе и еще не внедрившие его в свою профессиональную деятельность ($n = 25$, март 2026 г.).

Сформулируем основные выводы состоявшейся дискуссии.

1. Экспертами выделены преимущества и позитивные эффекты от внедрения ИИ в образовательный процесс и профессионализацию студенческой молодежи. К ним отнесли: многократное сокращение времени на выполнение имеющихся задач, персонализацию обучения, круглосуточную онлайн-поддержку студентов и преподавателей, ассистент-консультации по научным, учебным, социальным и иным вопросам, оперативную обратную связь. Наибольший эффект демонстрирует ИИ в сборе данных и рутинных операциях (например, оформление литературы по ГОСТу), генерация черновиков контента, тестов, заданий, многофункциональности, визуализации данных и презентациях.

2. Описаны риски и барьеры внедрения ИИ. Так, к рискам необходимо отнести: поверхностное обучение, деградацию письменной компетенции и способности к самостоятельному структурированию мысли, возникающую иллюзию компетентности, фрагментацию знаний и неразвитость критического мышления. Для студента на настоящий момент, к сожалению, главная задача — не разобраться, осмыслить, отрефлексировать, а сдать учебную работу на оценивание, приписав тексту свое авторство.

Среди основных барьеров внедрения ИИ экспертами выделены: противоречие между необходимостью внедрения инноваций и консерватизмом образовательных традиций, боязнь и неготовность педагогов познавать новое, ощущение потери контроля, прежде всего инструментального, над образовательным процессом, осознание девальвации пе-

дагогического труда, разрыв между студенческой адаптацией и институциональной готовностью.

Эксперты сформулировали рекомендации для интеграции ИИ в образовательный процесс, по их мнению, необходимо:

- разработать в каждом вузе прозрачные политики, снижающие уровень скрытого использования ИИ;
- профессорско-преподавательский состав должен четко понимать, чему учит, и понимать, применим или не применим ИИ, при этом формулировать задания для студентов так, чтобы ИИ был только их частью;
- разрабатывать дифференцированные политики по разным дисциплинам, при этом включить применение ИИ в профессиональные дисциплины, осознавая его эффективность прежде всего в точных науках (математика, технические науки, информационные технологии и программная инженерия и др.);
- активизировать системную переподготовку преподавателей, вооружив их адекватными методами, критериями и инструментами оценивания использования ИИ в выполнении конкретных учебных и профессиональных задач.

ВЫВОДЫ

Формируя корпоративную культуру внедрения ИИ в процесс образования и профессионализации в вузе, необходимо учитывать два обстоятельства: во-первых, технологический прогресс объективно остановить невозможно; во-вторых, ИИ уже сформировал инновационно-технологические вызовы, среду и открыл окна возможностей в образовании. Данные вызовы требуют ответа прежде всего в глубоких и системных исследованиях с целью отслеживания динамики, эффективности, практик внедрения и разработки агентских образовательных продуктов.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам ПНИР «Разработка инструментов профессионализации молодежи с учетом национальных приоритетов Российской Федерации», выполненных в 2026 г. за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of the research project “Development of tools for professionalization of youth, taking into account the national priorities of the Russian Federation”, completed in 2026 at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Платов А.В. Гаврилина Ю.И. Искусственный интеллект в образовании: эволюция и барьеры. *Научный результат. Педагогика и психология образования*. 2024;10(1):26-43. URL: <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2024-10-1-0-3>.
2. Трусова Е.В. Интеграция искусственного интеллекта в образовательный процесс. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2024;2(70):131-136. URL: <https://elibrary.ru/czdref>
3. Бочаров О.Д. Организационно-методические условия применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе вуза. *Современное педагогическое образование*. 2024;6:23-27. URL: <https://elibrary.ru/mgnsis>
4. Байлов К.А. Анализ актуальности использования искусственного интеллекта в образовательном процессе. *Форум молодых ученых*. 2024;1(89):21-24. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.10705693>
5. Ущеко А.В. Искусственный интеллект в образовании. Применение искусственного интеллекта для обеспечения адаптивности образования. *Вестник науки*. 2023;4(6(63)):859-866. URL: <https://elibrary.ru/bsoamd>
6. Чулюков В.А., Дубов В.М. Искусственный интеллект и будущее образования. *Современное педагогическое образование*. 2020;3:27-31. URL: <https://elibrary.ru/dwlfkj>
7. Заграничный А.И., Королева Д.О. Типологизация стратегий внедрения искусственного интеллекта в образование: Российская Федерация, Европейский союз, Китайская Народная Республика. *Современная аналитика образования*. 2025;9(92):42. URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/1115117836.pdf?ysclid=moh8j2wxvj269702207>
8. Ажыкулов С.М. Искусственный интеллект в сфере образования. *Архонт*. 2024;4(43):44-48. URL: <https://elibrary.ru/qmzsaf>
9. Kouzminov Ya., Kruchinskaia E. The evaluation of GenAI capabilities to implement professional tasks. *Foresight*. 2024;18(4):67-76. URL: <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2024.4.67.76>
10. Kouzminov Ya., Kruchinskaia E. Efficiency assessment of the artificial intelligence market: Exploring the limits. *Foresight*. 2025;19(4):6-16. URL: <https://doi.org/10.17323/fstig.2025.29079>

REFERENCES

1. Platov A.V. Gavrulina Yu.I. Artificial intelligence in education: Evolution and barriers. *A Scientific Result. Pedagogy and Psychology of Education*. 2024;10(1):26-43. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2024-10-1-0-3>
2. Trusova E.V. Integration of artificial intelligence into the educational process. *Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*. 2024;2(70):131-136. URL: <https://elibrary.ru/czdref> (In Russ.).
3. Bocharov O.D. Organizational and methodological conditions for the use of artificial intelligence technologies in the educational process of a university. *Modern Pedagogical Education*. 2024;6:23-27. URL: <https://elibrary.ru/mgnsis> (In Russ.).
4. Baylov K.A. Analysis of the relevance of the use of artificial intelligence in the educational process. *Forum of Young Scientists*. 2024;1(89):21-24. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.10705693>
5. Ushcheko A.V. Artificial intelligence in education. Use of artificial intelligence to ensure adaptability of education. *Bulletin of Science*. 2023;4(6(63)):859-866. URL: <https://elibrary.ru/bsoamd> (In Russ.).
6. Chulyukov V.A., Dubov V.M. Artificial intelligence and the future of education. *Modern Pedagogical Education*. 2020;3:27-31. URL: <https://elibrary.ru/dwlfkj> (In Russ.).
7. Zagranchnyi A.I., Koroleva D.O. Typologization of strategies for introducing artificial intelligence into education: The Russian Federation, the European Union, the People's Republic of China. *Constant Analysis of Education*. 2025;9(92):42. URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/1115117836.pdf?ysclid=moh8j2wxvj269702207> (In Russ.).
8. Azhykulov S.M. Artificial intelligence in the field of education. *Archon*. 2024;4(43):44-48. URL: <https://elibrary.ru/qmzsaf> (In Russ.).
9. Kouzminov Ya., Kruchinskaya E. Assessment of GenAI's abilities to perform professional tasks. *Foresight*. 2024;18(4):67-76. URL: <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2024.4.67.76>
10. Kouzminov Ya., Kruchinskaya E. Evaluation of the effectiveness of the artificial intelligence market: A study of the limits. *Foresight*. 2025;19(4):6-16. URL: <https://doi.org/10.17323/fstig.2025.29079>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ ABOUT THE AUTHOR

Александр Георгиевич Тюриков — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Alexander G. Tyurikov — Dr. Sci (Soc.), Prof., Head of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>

agtyurikov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 08.04.2026; после рецензирования 24.04.2026; принята к публикации 05.05.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 08.04.2026; revised on 24.04.2026 and accepted for publication on 05.05.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Дисфункции кадровой работы в государственных органах власти

О.В. Рогач, П.В. Разов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению вопросов эффективности работы кадровых служб государственных органов власти, идентификации проблем и недостатков в использовании кадровых технологий. Цель статьи заключается в анализе дисфункций кадровой работы в государственных органах власти, определении потенциальных точек роста и резервов развития. Метод исследования – очные полуструктурированные интервью со служащими федеральных органов власти ($n = 9$, январь 2025, Москва). В ходе исследования были установлены следующие дисфункции: отсутствие прозрачности и объективности в проведении конкурсных процедур на замещение должности в государственных органах власти, отсутствие норм учета индивидуального вклада служащих в выполнение задач структурного подразделения, формальный характер процедур аттестации, низкий потенциал использования традиционных кадровых резервов. Делается вывод, что следствием установленных дисфункций становятся снижение мотивации и лояльности государственных служащих, увеличение издержек на их профессиональное развитие, возникновение нарушений в профессиональной идентичности и ценностной структуре государственной службы. Точками роста могут рассматриваться осуществление четкого кадрового планирования и нормирования труда государственных служащих, повышение компетенций в первую очередь сотрудников кадровых служб, централизация кадровой работы в органах государственной власти. Резервы развития сосредоточены в ценностно-мотивационной сфере государственных служащих, мерах повышения открытости кадровых процедур, расширении потенциала кадрового резервирования рядовых служащих публичных органов власти, активном использовании инструментов горизонтальной и вертикальной ротации.

Ключевые слова: кадровая работа; централизация; государственная служба; государственный орган; кадровые технологии; кадровый резерв; профессиональное развитие

Для цитирования: Рогач О.В., Разов П.В. Дисфункции кадровой работы в государственных органах власти. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(3):64-72. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-64-72

Dysfunctions of Personnel Work in Government Agencies

O.V. Rogach, P.V. Razov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This article examines the effectiveness of HR departments in government agencies and identifies challenges and shortcomings in the use of HR technologies. The article aims to analyze HR dysfunctions in government agencies and identify potential growth areas and development reserves. The research method was face-to-face semi-structured interviews with federal government employees ($n = 9$, January 2025, Moscow). The study identified the following dysfunctions: a lack of transparency and objectivity in competitive procedures for filling positions in government agencies, a lack of standards for recording the individual contribution of employees to the performance of structural subdivision tasks, the formal nature of performance appraisal procedures, and low potential for utilizing traditional personnel reserves. It is concluded that the identified dysfunctions result in decreased motivation and loyalty among civil servants, increased costs for their professional development, and disruptions in the professional identity and value structure of the civil service. Potential growth areas include the implementation of clear personnel planning and work standards for civil servants, enhancing the competencies of HR staff, and centralizing personnel management within government agencies. Potential for development lies in the value-motivational sphere of civil servants, measures to increase the transparency of personnel procedures, expanding the potential for personnel reserves among rank-and-file public servants, and the active use of horizontal and vertical rotation tools.

Keywords: HR management; centralization; civil service; government agency; HR technologies; personnel reserve; professional development

For citation: Rogach O.V., Razov P.V. Dysfunctions of personnel work in government agencies. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(3):64-72. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-64-72

ВВЕДЕНИЕ

Реализация национальных целей и приоритетных направлений развития российского общества представляется невозможной без осуществления эффективного государственного управления. По мнению экспертов, приверженность сотрудников государственных органов власти ценностям служения, стабильность и профессионализм кадрового состава государственной службы становятся фундаментом позитивных социально-экономических преобразований [1, 2]. Особую роль в данных процессах играет кадровая работа органа власти, фокусирующая усилия на формировании профессионалов государственного сектора новой формации, способных обеспечивать достижение стратегических целей и задач как ответа на внешние и внутренние вызовы. В этих условиях одним из значимых компонентов государственного управления становится формирование единой ценностной основы профессиональной идентичности государственных служащих [3], где элитарность профессиональной деятельности раскрывается в категориях служения Отечеству, внимания к интересам общества.

Ценность общественного служения в профессиональной деятельности государственных чиновников выступает регулятором института государственной власти и требует настройки кадровых процедур в структурах власти под запрос современного общества [4]. В этом контексте внимание исследователей справедливо уделено значимости профессиональной подготовки государственных служащих и способности кадровых технологий в органах власти обеспечить их соответствие передовым управленческим задачам [5, 6]. Несмотря на длительность периода преобразований властной вертикали актуальными все также остаются вопросы, связанные с необходимостью развития проектных и цифровых компетенций государственных служащих, коммуникативных и личностных качеств, обеспечивающих снижение рисков их выгорания и возникновения профессиональных деструкций.

По мнению ряда исследователей, сохранение ставших каноническими проблем государственной службы обуславливается сужением кадровой работы до функций кадрового делопроизводства и исключения из фокуса внимания передовых технологий развития человеческого потенциала органов власти [7]. Редукция кадровой работы в органах власти препятствует решению новых сложных задач, актуализированных в политической повестке, в связи с чем одним из направлений совершенствования кадровой работы становится ее централизация [8].

Как показывает анализ успешных кейсов в данной области, централизация кадровой работы обеспечивает рост результативности органов государственных управления за счет устранения дублирования в функциях кадровых служб, обеспечения их активного сотрудничества с руководителями подразделений для минимизации ошибочных решений в выборе кадровых технологий.

Социальная значимость вопросов концептуального осмысления качества кадровой политики в системе институтов публичной власти отмечается также в работе И.Б. Шебуракова и Л.Н. Татариновой. В исследовании авторов делается вывод о влиянии неочевидных зависимостей на эффективность деятельности государственных органов власти. Данное обстоятельство требует построения «объясняющей модели» кадровой работы, которая позволит оценить взаимосвязь ее качества с технологиями развития управленческого потенциала властных структур [9]. В этой связи представляется информативным соотношение рейтингов качества управления («index power») и технологий управления карьерой на государственной службе как компонента «мягкой силы».

Инструментальной возможностью и точкой соприкосновения данных полей силы становятся кадровые резервы государственной службы [10]. Резервирование в органах власти традиционно рассматривается в качестве карьерного лифта для высококвалифицированных специалистов, однако функционал данной кадровой технологии существенно шире. В российских исследованиях отмечается следующее: «проблема обновления команды управленцев становится одной из приоритетных, и необходимо создавать «скамейку запасных», без которой устойчивое поступательное движение страны будет невозможно» [4, с. 296].

Зарубежный научный дискурс также включает исследования ценностных установок государственных служащих, кадровых механизмов отбора наиболее склонных к «честному» общественному служению [11], справедливых и морально зрелых для осуществления эффективного государственного управления [12]. Представляется, что поиски инструментов повышения эффективности кадровой работы соответствующих подразделений государственных органов власти актуальны и для российской повестки [6], что требует проведения более глубокого исследования их работы. Высокий уровень проблематизации кадрового аспекта государственной службы определил исследовательский интерес авторов данной работы.

МЕТОД

В условиях актуализации вопросов повышения эффективности кадровой работы в органах государственной власти представляется значимым получение оценочных суждений сотрудников властных структур. Цель исследования заключалась в анализе дисфункций кадровой работы в государственных органах власти, определении потенциальных точек роста и резервов развития.

Ключевым методом сбора информации послужили экспертные интервью. Выбор метода обусловлен необходимостью обозначения контуров проблематизации кадровой работы и уточнения ряда положений, которые будут определять будущий дизайн глубинных исследований. Интервью проводилось в очном формате с использованием полуструктурированного гайда вопросов. В качестве информантов выступили государственные гражданские служащие федеральных органов власти; территория проведения исследования — Москва. Эмпирической базой исследования послужили федеральные органы исполнительной власти: Управление делами Президента Российской Федерации, Администрация Президента Российской Федерации, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Общее число информантов составило девять человек. Ввиду специфики государственной деятельности результаты интервью приводятся в анонимном формате, без указания личных данных экспертов. Принципами отбора информантов послужили стаж работы в органах государственной власти, что позволило соблюсти репрезентативность полученных ответов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Согласно российскому законодательству¹, точкой входа в систему публичной власти является конкурсный отбор. Данная технология призвана обеспечить эффективность кадрового планирования в органах государственной власти через отбор наиболее перспективных кандидатов и назначение их на должность государственной службы. В органах власти кадровый отбор реализуется с использованием нескольких форм, включая: 1) конкурсный отбор на государственную службу и 2) назначение на

гражданскую службу (прием на работу) без конкурса на замещение вакантных должностей, в том числе переназначение на иную должность. Несмотря на детализацию данных процедур в федеральном законодательстве, по мнению ряда информантов, кадровая работа соответствующих подразделений государственных структур лишена прозрачности, а формальные нормы, призванные повысить объективность отборочных процедур, напротив, становятся инструментом манипулирования со стороны руководства.

«Как таковые конкурсы на замещение у нас не приводились. Это больше формальный характер...».

«Целевое обучение как механизм набора кадров у нас не применяется. Хватает на рынке труда готовых специалистов».

Еще одним направлением кадровой работы становится оценка результативности профессиональной деятельности государственных служащих. Вместе с тем объективные сложности в установлении производительности их труда, норм учета индивидуального вклада в выполнение задач структурного подразделения становятся факторами снижения эффективности использования кадровых процедур оценки. Кроме того, следует учитывать, что нагрузка на служащих даже одного структурного подразделения в течение года может быть различна, однако фиксированные нормы поручений (задач) в данном случае также не предусмотрены, что становится причиной перегрузки государственных служащих и ухудшения их профессионального самочувствия.

«Я прихожу на работу на 2 часа раньше, просто чтобы разгрести то, что не успеваю сделать. Задерживаюсь часто, но уже ненадолго. Сил совсем нет, думаю о пенсии. Уже могу выйти <на пенсию>, но и бросать работу жалко. Каждый раз думаю, вот еще чуть-чуть поработаю до отпуска, или там уже праздники длинные скоро, еще чуть-чуть... но сил действительно нет, пусть молодые работают».

«Когда расписывают поручения, никто не смотрит, сколько на тебе сейчас задач, сытеться и сытеться, а ты еще прошлые не закрыл. Конечно, устаешь и физически от объема, и морально от того, что все не успеваешь и тобой не довольны».

«У нас в отделе всего 5 человек. Иногда получается, что кто-то в отпуске, кто-то заболел, у кого-то что-то случилось и он за свой счет взял, и ты можешь буквально один остаться за весь отдел, это колоссальный объем работ. И не сделать не можешь. Это у нас еще часто больничные не берут, чтобы коллег не подводить, что тоже, конечно, не есть хорошо».

¹ Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21210?ysclid=molcmnvv615313782>

Таким образом, несмотря на то, что функционал каждого государственного служащего закреплен в соответствующих нормативных документах (инструкции, должностные регламенты), реальный объем их выполнения может быть существенно выше. Данный факт не учитывается в оценках результативности служебной деятельности и может стать фактором профессионального выгорания [13]. По мнению российских исследователей, высокая нагрузка на служащих государственных органов власти становится ключевым фактором снижения мотивации к качественному выполнению профессиональных задач, причиной деформации профессиональных ценностей [14].

Весьма распространенным инструментом оценки эффективности служебной деятельности сотрудников государственных органов власти является аттестация. Согласно российскому законодательству, проведение аттестационных процедур направлено на выявление соответствия государственного служащего занимаемой должности и принятию мер, если это соответствие не подтвердится. В случае, когда квалификационные навыки государственного служащего оценены ниже требуемого уровня, ему могут предложить замещение ниже стоящей должности, повышение квалификации с последующим ее подтверждением через аттестацию. В случае, когда квалификационный уровень кандидата, наоборот, превышает требования к занимаемой должности, ему может быть предложено повышение или включение в кадровый резерв на замещение должностей государственной службы. Проведение аттестационных процедур предполагает привлечение независимых экспертов со стороны, например, представителей научных и общественных организаций. Вместе с тем для многих информантов аттестация представляется формальным элементом, который, так же как и конкурсный отбор на замещение должностей государственной службы, может служить формальной практикой оценивания квалификации специалистов.

«Аттестация проводится формально, если надо признать, что не соответствует занимаемой должности, то завалить легко. А так идут потоком 1–2 вопроса и свободны. Вопросы по матчасти, а объем и качество работы не оценивается».

«Чаще всего во все комиссии включают одних и тех же. Руководители управлений, их замы и еще немного для кворума».

Анализ технологий кадровой работы государственных органов демонстрирует наличие и иных проблем. Часть из них связана с инструментами

профессионального развития государственных служащих. Во-первых, речь идет о традиционных для властных структур процедурах повышения квалификации. Согласно российскому законодательству, государственные служащие должны проходить повышение квалификации не менее одного раза в три года для обновления своих знаний и навыков. Вместе с тем тональность реплик информантов не отличается оптимизмом.

«Повышение квалификации проводится, но не всегда это идет на пользу, не всегда нужно в работе».

«Выбираешь тему из списка, но не всегда она применима к работе».

Другим инструментом профессионального и карьерного развития государственных служащих выступают кадровые резервы в органах власти. Возможность включения в резерв следует рассматривать как признание заслуг кандидата и представление возможности ускоренного продвижения по карьерной лестнице. В современной вертикали власти принято говорить о двух видах резервов: кадровый резерв государственных служащих и управленческий резерв. Вторые являются приоритетом подготовки управленцев высшего эшелона, что отмечено в национальных программах и проектах, которые курируются первыми лицами государства. В репликах информантов также отмечается данное деление.

«Если и проводятся конкурсы, резервы, то в первую очередь для первых лиц».

При этом низкий потенциал использования традиционных кадровых резервов следует рассматривать как негативное явление, так как их низкая эффективность не позволяет обеспечить вертикальную ротацию государственных служащих, повысить профессиональный уровень рядовых сотрудников и обеспечить лояльность государственной службе как институту публичной власти.

Таким образом, анализ мнения информантов свидетельствует об отсутствии позитивных ожиданий в части кадрового резервирования на государственной службе. Частично данная позиция объясняется ограничением в карьерных перспективах.

«Карьерный рост в пределах отдела есть, а потом все. В отделе 5–7 человек. А начальник отдела 1. И куда расти, если ему далеко до пенсии. Отделов в управлении 2–3, а зам 1 и тот блатной. Занять его место нереально, а тем более занять должность начальника управления».

Вместе с тем наличие кадровых резервов иллюстрирует завершение институционального закрепления основ управления карьерой в органах

власти на основе принципа учета заслуг и достижений, что призвано обеспечить ротацию служащих, формирование высококвалифицированного кадрового корпуса государственной службы [15].

В российских исследованиях отдельное внимание уделено гарантиям, которые предоставляются государственным гражданским служащим. При этом само наличие данных гарантий оценивается учеными как необходимый и значимый элемент современной кадровой политики. Информантами также обращалось отдельное внимание на данный аспект.

«Зарплата стабильная, социальный пакет, большие отпуска, большие пенсии, качественное медицинское обслуживание ... правда, не у всех, как и санаторно-курортное обслуживание».

Можно предположить, что именно наличие широкого перечня гарантий «примиряет» государственных служащих с дисфункциями в кадровой политике государственных органов власти, выступая противовесом слабости кадровых служб и закрытости ряда кадровых технологий.

В современных исследованиях делается вывод, что значимой проблемой, снижающей результативность служебной деятельности сотрудников государственных органов власти, является применение устаревших кадровых технологий, канонизирующих этап приема (отбора) персонала через формальные и не отвечающие требованиям времени процедуры [16]. Данный вывод представляется дискуссионным ввиду необходимости обеспечения открытости и прозрачности конкурсных процедур, что достигается путем формализации инструментов отбора. Вместе с тем в авторском исследовании мнение информантов также содержит критику формализации отбора на государственную службу как атрибута манипулирования со стороны руководства.

«Все зависит от руководителей. Если они не на своем месте, то легко все <коллектив> развалить».

Особое внимание ученых [17] уделено необходимости повышения объективности оценивания государственных служащих и приведения системы вознаграждения в органах публичной власти в соответствие с результатами государственного управления. Однако зависимость результата служебной деятельности и размера поощрения за ее эффективность все еще остается дискуссионным аспектом в кадровой политике властных структур. Речь здесь идет чаще всего об отсутствии релевантных методик, что лимитирует потенциал инструментов оценивания кадрового корпуса го-

сударственной службы. При этом негативными последствиями становятся снижение мотивации служащих, доминирование настроений недовольства, эмоциональной усталости [13, 14]. Аттестационные процедуры, призванные обеспечить объективность проводимой в органах власти кадровой политики вместе с тем могут стать источником лоббизма руководящего состава, инструментом «чистки кадров». Кадровые службы зачастую оказываются функционально слабы и не могут обеспечивать эффективную поддержку в кадровом планировании, развитии кадрового потенциала органа власти [8].

В российском научном дискурсе также существенное внимание уделено вопросам формирования кадровых резервов на государственной службе. Однако проведенный Г.А. Борщевским анализ показал, что проблема кадрового резервирования рассматривается сегодня в совершенно разных фокусах [18]. Для юристов кадровый резерв выступает легитимным способом доступа граждан к государственной службе, для политологов примером функционирования бюрократических структур, тогда как для экономистов суть кадровых резервов рассматривается через показатели оптимизации затрат на государственное управление. Для специалистов социологической отрасли знания технология резервирования напротив позиционируется как инструмент личностного и профессионального роста государственных служащих. Справедливо заметить, что в некоторых исследованиях констатируется дисфункциональность самой идеи резервирования ввиду легализации канала обхода традиционных конкурсных процедур [9]. В этом контексте роль кадровых служб должна состоять в устранении отрицательных последствий при попытках «нецелевого использования» кадровых резервов и иных кадровых технологий в органах государственной власти.

Стоит заметить, что в значительной части государственных структур кадровая работа ведется преимущественно специалистами по кадровому делопроизводству, а также зачастую сотрудниками подразделений, на которых возложено исполнение иных, не связанных с кадровой работой, функций» [1, с. 149]. Результаты авторского исследования также подтверждают данный вывод.

«Кадровая служба у нас слабая, всегда идет на поводу у начальников управлений. Если нельзя, но очень хочется, то можно».

Как правило, «непрофильные» сотрудники кадровых служб (например, секретари или бухгалтеры) не имеют нужных для кадровой работы

компетенций, что не позволяет обеспечивать эффективное управление человеческими ресурсами, использовать современные гибкие технологии управления карьерой в системе публичных органов власти. По мнению специалистов, централизацию кадровой работы в государственных органах власти следует рассматривать как механизм нивелирования указанных дисфункций и повышения открытости, эффективности кадровой политики в органах государственной власти [5]; усиление гарантий служебной деятельности [19], поиск новых каналов ротации для профессиональных управленцев [20].

ВЫВОДЫ

При изучении ряда аспектов, иллюстрирующих эффективность работы кадровых служб государственных органов власти, были идентифицированы проблемы и недостатки в использовании кадровых технологий. В частности, на основе анализа материалов полуструктурированных интервью со служащими федеральных органов власти были установлены следующие дисфункции в кадровой работе: отсутствие прозрачности и объективности в проведении конкурсных процедур на замещение должности в государственных органах власти, отсутствие норм учета индивидуального вклада служащих в выполнение задач структурного

подразделения, формальный характер процедур аттестации, низкий потенциал использования традиционных кадровых резервов. Делается вывод, что следствием установленных дисфункций становятся снижение мотивации и лояльности государственных служащих, увеличение издержек на их профессиональное развитие, возникновение нарушений в профессиональной идентичности и ценностной структуре государственной службы.

Выдвигается предположение, что точками роста эффективности кадровой работы могут рассматриваться такие направления, как: осуществление четкого кадрового планирования и нормирования труда государственных служащих, повышение компетенций в первую очередь сотрудников кадровых служб, централизация кадровой работы в органах государственной власти. На основе материалов исследования выдвигается предположение, что резервы развития эффективности кадровой работы сосредоточены в ценностно-мотивационной сфере государственных служащих, мерах повышения открытости кадровых процедур, расширении потенциала кадрового резервирования рядовых служащих публичных органов власти, активном использовании инструментов горизонтальной и вертикальной ротации. Однако данные предположения требуют более глубокого уточнения и подтверждения количественными методами анализа.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований № ГЗ-ПИ-51-26 «Подготовка предложений по методическому обеспечению централизации кадровой работы на государственной гражданской службе», выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета в 2026 г. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research No. GZ-PI-51-26 "Preparation of proposals on methodological support for the centralization of personnel work in the state civil service", carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University in 2026. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сладкова Н.М., Воскресенская О.А. О влиянии зрелости кадровой работы на результативность кадровых процессов. *Экономика труда*. 2024;11(12):2211-2232. URL: <https://doi.org/10.18334/et.11.12.122362>
2. Шарин В.И. Проблемы общественного служения российских чиновников. *Вестник университета*. 2020;(3):38-44. URL: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-3-38-44>
3. Neo S., Grimmelikhuijsen S., Tummers L. Core values for ideal civil servants: Service-oriented, responsive and dedicated. *Public Administration Review*. 2022;83(4):838-862. URL: <https://doi.org/10.1111/puar.13583>
4. Селезнева Е.В. Представления российских государственных служащих о ценности общественного служения. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2023;(96):88-103. URL: <https://elibrary.ru/xnrxnm>; URL: <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-96-88-103>

5. Соловьев В.А. Человекоцентричность в публичном управлении: Научный дискурс и современные российские практики. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2025;(4):86-109. URL: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2025-0-4-86-109>
6. Тарасова Н.В., Пастухова И.П., Пышков Н.И. Выявление проблем профессиональной подготовки государственных гражданских служащих на основе анализа особенностей программ дополнительного профессионального образования. *Перспективы науки и образования*. 2024;5(71):729-745. URL: <https://doi.org/10.32744/pse.2024.5.43>
7. Сладкова Н.М., Воскресенская О.А., Ясинская И.А. Единая кадровая служба и централизация кадровых функций в органах государственной власти субъектов Российской Федерации. *Социально-трудовые исследования*. 2024;55(2):146-158. URL: <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-55-2-146-158>
8. Дудникова В.А. Централизация процессных функций в государственном управлении: актуальные проблемы и их решения (на примере Новосибирской области). *Государственная служба*. 2023;(2):29-38. URL: <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2023-25-2-29-38>
9. Шебураков И.Б., Татарина Л.Н. Зрелость кадровой политики и ее отражение в практиках работы с кадровыми резервами в контексте развития управленческого потенциала. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2024;(80):194-204. URL: <https://doi.org/10.17223/1998863X/80/18>
10. Комиссаров А.Г., Шебураков И.Б. Кадровые резервы в системе государственного управления: опыт и новые смыслы. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2024;(1):7-38. URL: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-1-7-38>
11. Barfort S., Harmon N.A., Hjorth F., Olsen A.L. Sustaining honesty in public service: The role of selection. *American Economic Journal: Economic Policy*. 2019;11(4):96-123. URL: <https://doi.org/10.1257/pol.20170688>
12. Lijing Y. The good official' as a confucian sage: The focus on morality in traditional Chinese admonitions and its contemporary relevance. *Administrative Theory and Praxis*. 2020;40(1):27-43. URL: <https://doi.org/10.1080/10841806.2019.1571330>
13. Грязнова В. Трансформации в кадровой политике в контексте развития профессионального капитала публичного управления. *Миссия конфессий*. 2024;13-2(75):177-183. URL: <https://elibrary.ru/gfnavb>
14. Григоренко Я.А., Дуран Т.В. Ценностная составляющая потенциала развития государственных служащих ГУ МВД России по Свердловской области: опыт эмпирического исследования. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2025;2(95):82-92. URL: <https://doi.org/10.69571/SSPU.2025.95.2.008>
15. Масленникова Е.В., Шебураков И.Б., Татарина Л.Н. Анализ применения кадровых резервов в системе государственного управления. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2022;22(2):324-336. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-2-324-336>
16. Андрухина И.Ю. Совершенствование методов оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских и муниципальных служащих. *Государственная служба*. 2024;(2):101-106. URL: <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2024-26-2-101-106>
17. Лобкова Е.В., Худоногова Э.Р. К вопросу об оценке эффективности и результативности деятельности государственных гражданских служащих: опыт Красноярска. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2024;(3):39-80. URL: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-3-39-80>
18. Борщевский Г.А. Федеральный резерв госслужбы как завершающий элемент кадровой вертикали. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2024;(2):7-40. URL: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-2-7-40>
19. Иванова Н.Л., Подольский Д.А. Гарантии государственных гражданских служащих как элемент современной кадровой политики. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2017;(1):173-190. URL: <https://elibrary.ru/yhvecb>
20. Лавров И.А., Крыштановская О.В. Социальная мобильность и конкурс «Лидеры России». *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2023;15(2):292-310. URL: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-292-310>

REFERENCES

1. Sladkova N.M., Voskresenskaya O.A. On the influence of maturity of personnel work on the effectiveness of personnel processes. *Labor economics*. 2024;11(12):2211-2232. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.18334/et.11.12.122362>

2. Sharin V.I. Problems of public service of Russian officials. *Bulletin of the University*. 2020;(3):38-44. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-3-38-44>
3. Neo S., Grimmelikhuijsen S., Tummers L. Core values for ideal civil servants: Service-oriented, responsive and dedicated. *Public Administration Review*. 2022;83(4):838-862. URL: <https://doi.org/10.1111/puar.13583>
4. Selezneva E.V. Perceptions of Russian civil servants about the value of public service. *Public Administration. Electronic Bulletin*. 2023;(96):88-103. URL: <https://elibrary.ru/xnrxnm> (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-96-88-103>
5. Solovyov V.A. Human-centricity in public administration: Scientific discourse and modern Russian practices. *Issues of state and Municipal Management*. 2025;(4):86-109. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2025-0-4-86-109>
6. Tarasova N.V., Pastukhova I.P., Pyshkov N.I. Identification of problems of professional training of state civil servants based on the analysis of the features of additional professional education programs. *Perspectives of Science and Education*. 2024;5(71):729-745. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.32744/pse.2024.5.43>
7. Sladkova N.M., Voskresenskaya O.A., Yasinskaya I.A. Unified personnel service and centralization of personnel functions in state authorities of the subjects of the Russian Federation. *Social and Labor Research*. 2024;55(2):146-158. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-55-2-146-158>
8. Dudnikova V.A. Centralization of process functions in public administration: current problems and their solutions (on the example of the Novosibirsk region). *Public Service*. 2023;(2):29-38. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2023-25-2-29-38>
9. Sheburakov I.B., Tatarinova L.N. The maturity of personnel policy and its reflection in the practices of working with human resources in the context of the development of managerial potential. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2024;(80):194-204. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17223/1998863X/80/18>
10. Komissarov A.G., Sheburakov I.B. Personnel reserves in the public administration system: Experience and new meanings. *Issues of State and Municipal Management*. 2024;(1):7-38. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-1-7-38>
11. Barfort S., Harmon N.A., Hjorth F., Olsen A.L. Sustaining honesty in public service: The role of selection. *American Economic Journal: Economic Policy*. 2019;11(4):96-123. URL: <https://doi.org/10.1257/pol.20170688>
12. Lijing Y. The good official' as a confucian sage: The focus on morality in traditional Chinese admonitions and its contemporary relevance. *Administrative Theory and Praxis*. 2020;40(1):27-43. URL: <https://doi.org/10.1080/10841806.2019.1571330>
13. Gryaznova V. Transformations in personnel policy in the context of the development of professional capital in public administration. *The Mission of the Faiths*. 2024;13-2(75):177-183. URL: <https://elibrary.ru/gfnvb> (In Russ.).
14. Grigorenko Ya.A., Duran T.V. The value component of the development potential of civil servants of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Sverdlovsk region: Empirical research experience. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*. 2025;2(95):82-92. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.69571/SSPU.2025.95.2.008>
15. Maslennikova E.V., Sheburakov I.B., Tatarinova L.N. Analysis of the use of personnel reserves in the public administration system. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2022;22(2):324-336. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-2-324-336>
16. Andriukhina I.Y. Improvement of methods for assessing the professional performance of state civil and municipal employees. *Public Service*. 2024;(2):101-106. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2024-26-2-101-106>
17. Lobkova E.V., Khudonogova E.R. On the issue of evaluating the effectiveness and efficiency of government civil servants: The experience of Krasnoyarsk. *Issues of State and Municipal Management*. 2024;(3):39-80. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-3-39-80>
18. Borshchevsky G.A. The Federal reserve of the civil service as the final element of the personnel vertical. *Issues of State and Municipal Management*. 2024;(2):7-40. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-2-7-40>
19. Ivanova N.L., Podolsky D.A. Guarantees of state civil servants as an element of modern personnel policy. *Issues of State and Municipal Management*. 2017;(1):173-190. URL: <https://elibrary.ru/yhvecb> (In Russ.).
20. Lavrov I.A., Kryshantovskaya O.V. Social mobility and the "Leaders of Russia" competition. *Ars Administrandi (The Art of Management)*. 2023;15(2): 292-310. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-292-310>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Ольга Владимировна Рогач — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Olga V. Rogach — Dr. Sci. (Soc.), Assoc. Prof., Prof. of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>

OVRogach@fa.ru

Павел Викторович Разов — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Pavel V. Razov — Dr. Sci. (Soc.), Prof., Prof. of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-2714-8622>

PVRazov@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 02.03.2026; после рецензирования 10.04.2026; принята к публикации 05.05.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 02.03.2026; revised on 10.04.2026; accepted for publication on 05.05.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Содержательные элементы агитационно-пропагандистской деятельности Коммунистической партии Китая в период Аграрной революционной войны

Чжипэн Цзоу

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Агитационно-пропагандистская деятельность Коммунистической партии Китая в период Аграрной революционной войны сыграла ключевую роль в выживании и развитии революционного дела Китая. Новизна данной статьи заключается в анализе дифференцированного содержания, ориентированного на различные объекты, и раскрытии внутренних механизмов пропагандистской работы. Данное исследование имеет практическую ценность для понимания традиций мобилизации масс КПК, а также для разработки дискурсивных стратегий в сфере пропаганды в современных государствах. Цель статьи – прояснить конкретное содержание агитационно-пропагандистской деятельности Коммунистической партии Китая среди красноармейцев, населения и солдат противника в период Аграрной революционной войны, углубив понимание искусства политической мобилизации КПК. В работе использованы метод исторического анализа документов, включая изучение партийных архивов, трудов руководителей и т.д., а также сравнительный метод для сопоставления содержания и стратегий пропаганды, направленной на разные объекты. Исследование показало, что агитационно-пропагандистская работа КПК сформировала дифференцированную стратегическую систему: пропагандистско-воспитательная работа среди красноармейцев была сосредоточена на систематическом теоретическом воспитании, укреплении дисциплины и формировании чувства миссии; агитационно-пропагандистская работа среди населения на революционных опорных базах и вдоль маршрутов Великого похода увязывала земельную политику и национальную политику с их непосредственными интересами; агитационно-пропагандистская работа среди солдат Гоминьдана была направлена в основном на психологическую деморализацию, разоблачение внутренних противоречий и пропаганду идеи сопротивления Японии. Историческая практика доказала, что жизнеспособность пропагандистской работы всегда коренится в народной ориентации и принципе опоры на факты. Ключом к успеху агитационно-пропагандистской деятельности Коммунистической партии Китая в период Аграрной революционной войны стало завоевание доверия и поддержки народных масс. Это не только заложило идеологическую и массовую основу для окончательной победы китайской революции, но и предоставило историческую парадигму для построения дискурсивных стратегий в сфере пропаганды в новую эпоху для различных стран.

Ключевые слова: агитация; пропаганда; воспитание; КПК; Китайская РККА; Аграрная революционная война

Для цитирования: Цзоу Чжипэн. Содержательные элементы агитационно-пропагандистской деятельности Коммунистической партии Китая в период Аграрной революционной войны. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(2):73-85. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-73-85

Substantive Elements of the Agitation and Propaganda Activities of the Chinese Communist Party During the Agrarian Revolutionary War

Zhipeng Zou

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

ABSTRACT

The agitation and propaganda work of the Communist Party of China during the Agrarian Revolutionary War played a crucial role in the survival and development of the Chinese revolutionary cause. The novelty of this article lies in its

analysis of the differentiated content tailored to different target groups and the revelation of the internal mechanisms of propaganda work. This research holds practical value for understanding the mass mobilization traditions of the Communist Party of China as well as for developing discursive strategies in the field of propaganda in modern states. The aim of this article is to clarify the specific content of the Communist Party of China's agitation and propaganda activities targeting Red Army soldiers, civilians, and enemy soldiers during the Agrarian Revolutionary War, thereby deepening the understanding of the political mobilization art of the Communist Party of China. The study employs the method of historical document analysis, including the examination of party archives, works of leaders, etc., as well as comparative analysis to contrast the content and strategies of propaganda directed at different target groups. The research reveals that the propaganda work of the Communist Party of China formed a differentiated strategic system: propaganda and educational work among Red Army soldiers focused on systematic theoretical education, discipline building, and the cultivation of a sense of mission; agitation and propaganda work among civilians in revolutionary base areas and along the routes of the Long March linked land policy and ethnic policy to their immediate interests; agitation and propaganda work targeting Kuomintang soldiers primarily aimed at psychological demoralization, exposing internal contradictions, and promoting the idea of resisting Japan. Historical practice has proven that the vitality of propaganda work is always rooted in a people-oriented stance and the principle of relying on facts. The key to the success of the Communist Party of China's agitation and propaganda activities during the Agrarian Revolutionary War lay in winning the trust and support of the masses. This not only laid the ideological and mass foundation for the ultimate victory of the Chinese revolution but also provided a historical paradigm for constructing discursive strategies in the field of propaganda in the new era for various countries.

Keywords: agitation; propaganda; education; Communist Party of China; Chinese Workers' and Peasants' Red Army; Agrarian Revolutionary War

For citation: Zou Zhipeng. Substantive elements of the agitation and propaganda activities of the Chinese Communist Party during the Agrarian Revolutionary War. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(3):73-85. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-73-85

ВВЕДЕНИЕ

Октябрьская революция в России способствовала распространению учения марксизма-ленинизма в мире. В 1921 г. в Китае основана Коммунистическая партия (КПК), определившая путь развития китайской революции¹. Период Аграрной революционной войны (1927–1937 гг., также известной как Вторая гражданская революционная война)² стал началом самостоятельного руководства КПК революционной войной, создания народной армии и захвата власти вооруженным путем. Это был критически важный поворотный срок в истории КПК. Хотя окончательная победа КПК над Гоминьданом была достигнута в поздний период Освободительной войны, в период Аграрной революционной войны Китайская Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА) под руководством КПК успешно отразила первые четыре «карательных похода» Гоминьдана, укрепила и развила революционные опорные базы,

осуществила перенос центра китайской революции из городов в деревни, добилась победы в Великом походе, что продемонстрировало дух упорной борьбы и готовности к жертвам китайских коммунистов, их миссию и веру в стремление к счастью для широких народных масс Китая. В этот период КПК активно вела агитационно-пропагандистскую деятельность, завоевывая доверие и поддержку народных масс.

В исследовательских работах о современной пропагандистской работе КПК, можно заметить, что термин «агитация» используется крайне редко, поскольку он несет некоторый негативный оттенок. Под влиянием Октябрьской революции и советской риторики в период Аграрной революционной войны КПК напрямую переняла дискурс «пропаганды и агитации» Коминтерна и вела соответствующую работу на его основе. Хотя В. И. Ленин различал понятия «пропаганда» и «агитация» [1, с. 66], КПК в то время не делала акцента на этом различии, и термины часто использовались вместе.

В период Гражданской войны в Советской России эффективная пропагандистско-агитационная деятельность РКП(б) стала важным фактором победы Рабоче-крестьянской Красной армии. В условиях многократного окружения со стороны враждебных сил внутри страны и за рубежом РКП(б) посредством систематизированной агитационно-пропагандистской деятельности превратила революционную идею «защи-

¹ Партия Гоминьдан (Китайская национальная партия), созданная на базе основанного Сунь Ятсеном революционного союза «Тунмэнхой» и объединившая ряд мелких партий, была образована в 1912 г. в Пекине. С 1926 по 1928 г.— под руководством Чан Кайши Гоминьдан в ходе Северного похода против милитаристов добился формального объединения Китая, что привело к падению правительства Бэйяна.

² С 1928 по 1949 г.— Гоминьдан был правящей партией Китая, постепенно теряя контроль во время Войны сопротивления японским захватчикам (в международной историографии — Вторая японо-китайская война) и во время гражданской войны с КПК.

ты Советской власти» в осознанные действия красноармейцев и народных масс из рабочих и крестьян, деморализовала войска противника и сформировала политическую душу Красной армии. Аналогично, в период Аграрной революционной войны пропагандистская деятельность КПК представляла собой невоенную борьбу на идеологическом фронте, служила важным источником воодушевления и духовной сплоченности в условиях военного времени. Мао Цзэдун придавал большое значение идеологическому фронту, отмечая: «Только с листовкой в левой руке и оружием в правой Коммунистическая партия сможет победить врага» [2, с. 192].

Цели исследования. Во-первых, систематизация пропагандистской практики партии в период Аграрной революционной войны, разграничение различных объектов и содержания пропаганды, что является важной частью истории Коммунистической партии Китая. Глубокое изучение истории КПК позволяет понять историческую логику формирования и развития линии, курса и политики партии, а также осознать, что руководство КПК является общим выбором истории и народа. Во-вторых, «по прошлому можно видеть, что поднимется и придет на смену». Сегодняшний мир условен и никогда не был спокойным, локальные потрясения и конфликты возникают регулярно. Исследование агитационно-пропагандистской деятельности КПК в период китайской Аграрной революционной войны по-прежнему имеет глубокое значение для государств в разрешении сложной международной информационной борьбы, укреплении идеологического фронта, а также повышении культурной мягкой силы государства. В-третьих, обобщая стратегии и формы пропагандистской деятельности в конкретных исторических условиях, настоящее исследование может предоставить практические исторические опытные ориентиры для современных задач по адаптации к плюралистичной информационной среде и усилению ведущей роли основной идеологии.

Методология. В своем исследовании автор применяет различные методы, включая историко-документальный и сравнительный анализ и т.д., и использует теории коммуникативных исследований. Через анализ исторических документов партии, резолюций, произведений руководителей и других материалов интерпретируется содержание пропагандистско-агитационной деятельности КПК. Путем классификации и сравнения различных объектов пропаганды анализируется разное

содержание пропагандистско-агитационной деятельности партии. Используя теории коммуникативных исследований, в основном проводится анализ элементов, затронутых в теме, таких как содержание коммуникации, объект коммуникации и эффект коммуникации.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Специальных исследований, посвященных пропагандистской деятельности КПК в период Аграрной революционной войны, немного. В основном они сосредоточены на целостном анализе истории партийной пропаганды. В 1990 г. китайский ученый Линь Чжида опубликовал в городе Чэнду книгу «История пропаганды Коммунистической партии Китая» [3, с. 308], которая стала первым трудом, исследующим историю партийной пропаганды в период демократической революции. В книге анализируется пропагандистская работа партии с момента основания КПК до образования КНР, а содержание четвертой главы посвящено периоду Аграрной революционной войны. По поручению Центрального комитета партии и под руководством Отдела пропаганды ЦК КПК в январе 2022 г. была выпущена «Краткая история пропагандистской работы Коммунистической партии Китая» [4, с. 339]. Это двухтомное издание охватывает более широкий временной промежуток и достоверно отражает великий исторический путь и значительные достижения пропагандистской работы партии, служащей делу партии и народа на протяжении ста лет. Вторая глава посвящена пропагандистской работе партии в период Аграрной революционной войны. Данный труд является учебным материалом и образцовым изданием для изучения и исследования истории пропаганды КПК.

Также существует множество исследований, посвященных конкретным вопросам пропагандистской работы КПК в период Аграрной революционной войны. С одной стороны, это связано с тем, что Аграрная революционная война охватывала десятилетие, включая главным образом период борьбы в горах Цзинганшань, период Центрального советского района, период Великого похода и период Шэньси-Ганьсу. Ученые часто фокусируются на конкретном периоде и конкретном регионе, анализируя революционную пропаганду КПК (политическое строительство, идейно-политическую работу в армии и с народными массами, социальную мобилизацию и др.).

С другой стороны, пропаганда КПК неразрывно связана с историей Красной армии и советских рай-

онов, а также с историей журналистики и периодической печати, организационного строительства, идеологии, просвещения Китая. Многие темы относятся к междисциплинарным областям исследования. В таких дисциплинах, как новая история Китая, история Коммунистической партии Китая, теория марксизма, теория политологии, журналистика и коммуникативистика, также проводится анализ пропагандистской работы партии в этот период. В Китае академические исследования по истории пропаганды КПК и начались в основном в 80–90-е гг. XX в. В декабре 1990 г. в журнале «Исследования по истории КПК» опубликована рецензия Инь Пина «Краткий обзор “Истории пропаганды Коммунистической партии Китая”» на книгу «История пропаганды Коммунистической партии Китая» [5, с. 85, 86]. В 1994 г. Ху Вэйхуа опубликовал статью «О разворачивании исследования истории пропаганды Коммунистической партии Китая» [6, с. 29–35].

Исследования ученых за пределами Китая по истории пропаганды КПК периода Аграрной революционной войны весьма ограничены, более того, даже исследований по истории самой КПК крайне мало. Говоря о понимании Западом китайской революции, нельзя не упомянуть книгу американского журналиста Эдгара Сноу «Красная звезда над Китаем» [7], опубликованную в 1937 г., в которой запечатлены очерки и полевые интервью, взятые на революционных базах Северо-Западного Китая с июня по октябрь 1936 г. Это первый труд, достоверно описывающий «красные районы» Китая, фактически ставший внешней пропагандой Коммунистической партии Китая.

Современные исследователи за пределами Китая не обладают всесторонним пониманием истории пропагандистской деятельности КПК периода Аграрной революционной войны. Часть ученых рассматривают отдельные аспекты пропагандистской работы через микроперспективу. Например, Ю.Г. Смертин считает, что в 1930-е гг. искусство как форма пропаганды КПК должно было противостоять гоминьдановской и японской пропаганде [8, с. 15–20]. Джереми Э. Тейлор исследовал влияние советского агитационного театра «живая газета» на Китай в 1930-е гг. и считал, что эта форма уже была неотъемлемой частью китайской социалистической культуры в то время [9, с. 27–51].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В зависимости от целевой аудитории, автор исследует агитационно-пропагандистскую деятельность КПК в период Аграрной революционной

войны, разделяя ее на три основных направления: пропагандистско-воспитательная работа среди красноармейцев, агитационно-пропагандистская работа среди населения в районах, находящихся под влиянием Красной армии, и агитационно-пропагандистская работа среди солдат Гоминьдана. Работа среди населения в районах, контролируемых Гоминьданом, во многом велась скрытно и в данной статье не анализируется. Выражение «население в районах, находящихся под влиянием Красной армии» охватывает главным образом население на революционных опорных базах, созданных КПК, а также население регионов, через которые проходила Красная армия во время Великого похода.

В «Резолюции Гутанского совещания» Мао Цзэдун указывал: «Самой неотложной проблемой внутрипартийной работы в Красной армии является проблема воспитания» [10, с. 94]. Содержание пропагандистско-воспитательной работы в Красной армии представляло собой конкретную реализацию политической работы КПК, отражало главные задачи революционной борьбы и воплощало требования партии к политическому сознанию красноармейцев. Таким образом, содержание партийной пропагандистско-воспитательной работы влияло на развитие революционной борьбы, а также на мировоззрение и личные качества личного состава Красной армии.

Теория марксизма-ленинизма и просветительская работа. После поражения Великой революции в 1927 г. КПК постепенно восстанавливала свои ряды, принимая сочувствующих представителей разных сословий и происхождения, воспитание и образование которых не всегда позволяло критически воспринимать сложившуюся в стране обстановку и сомневаться в принятых партией решениях. Руководство партии, осознавая важность разъяснительной работы среди членов партии и бойцов Красной армии, пересмотрело установки пропагандистско-воспитательной работы, сделав акцент на марксистско-ленинском теоретическом воспитании в доступной для разного уровня восприятия форме. Партийное образование включало ознакомление с биографиями Маркса и Энгельса, их взглядами и методами; теориями и идеями Ленина; изучение программы Коммунистической партии, обязанностей и задач, стоящих перед членами партии и т.д.

Просветительская работа не только проясняла организацию и систему Красной армии: знакомство с организационной структурой и партийны-

ми организациями; разъяснение ключевых задач и важного значения солдатских комитетов; экономическую систему и источники финансирования, но и формировала новое мировоззрение, исправляя различные ошибочные идеи (идеи старого милитаризма, феодальное крестьянское сознание, индивидуализм и идеи бандитизма и др.).

В период Центрального советского района³ КПК уже осознала важность марксистско-ленинского воспитания и пропаганды, рассматривая эту работу как одну из важнейших задач партии. Например, 17 февраля 1933 г., в пятидесятилетнюю годовщину со дня смерти Карла Маркса, в «Резолюции Центрального комитета Коммунистической партии Китая о поминовении пятидесятилетней годовщины со дня смерти Маркса» было указано, что: «Партия должна удвоить усилия и более широко внедрять марксизм и ленинизм в сознание трудящихся масс Китая, чтобы вооружить их для борьбы за великое освобождение» [11, с. 123].

Партийное воспитание в области марксизма-ленинизма, проводившееся в Красной армии, отличалось большей детализацией и разнообразием содержания. Ввиду уникального статуса Советской России в мировом пролетарском движении, в период Центрального советского района КПК уделяла значительное внимание изучению опыта революции в Советской России и ленинизма, часто связывая китайскую революцию с практикой советской революции и включая его в качестве важного компонента в идейно-политическое воспитание бойцов Красной армии. Не только в истории Советской России, в процессе развития Китайской Красной армии также были созданы клубы и ленинские комнаты: клубы организовывались на уровне дивизий, а ленинские комнаты — на уровне рот, находясь под руководством клубов. Ленинские комнаты выступали первичными организациями, осуществлявшими культурно-просветительскую деятельность, отвечали за проведение конкретных мероприятий и стали местом пропаганды марксистско-ленинских идей. Следует отметить, что конечная победа китайской революции была достигнута не путем слепого копирования опыта Советской России, а через открытие уникального революционного пути — «окружения городов

деревнями», через изучение и творческое развитие марксизма-ленинизма, что впоследствии привело к формированию теории социализма с китайской спецификой.

Дисциплина и классовый характер Красной армии. В начальный период создания Красной армии имели место случаи нарушения дисциплины (воровство сельхозпродукции у местных жителей, невозвращение взятых займы вещей) отдельными бойцами. В апреле 1928 г., обобщив опыт массовой работы, накопленный за несколько месяцев создания Цзинганшанской опорной базы, Мао Цзэдун ввел требования для войск (три принципа дисциплины и шесть правил поведения): «Три принципа: подчиняться приказам в действиях; не брать у рабочих и крестьян ни единой вещи; конфискованное у помещиков и мироедов сдавать в общественную казну. Шесть правил поведения: (1) возвращать на место дверные доски, использованные в качестве кроватей; (2) аккуратно складывать солому, использованную для подстилки; (3) говорить вежливо; (4) честно вести торговлю; (5) возвращать взятые займы вещи; (6) компенсировать ущерб за испорченные вещи. Позднее к шести правилам добавилось еще два: избегать контактов с женщинами при мытье и не обыскивать карманы пленных» [12, с. 253]. Перечисленные принципы и правила действуют и сегодня.

В период Центрального советского района в Красной армии существовал более подробный свод дисциплинарных норм. В ходе боевых действий красноармейцы были обязаны строго соблюдать правила военного времени: «За отступление с поля боя, проявление трусости или неповиновение приказу офицер имел право расстрелять виновного на месте». Что касается общей армейской дисциплины, то действовали следующие установления: «Смертной казнью карались связь с врагом, измена, дезертирство с оружием, самовольная отлучка, изнасилование, бессудные поджоги и убийства, вымогательство имущества у населения. За азартные игры конфисковывались все деньги, а также удерживалось месячное содержание. Посещение публичных домов приравнивалось к нарушению правила ночевки в казарме; если же такое посещение приводило к беспорядкам, наказание назначалось по тяжести проступка — вплоть до смертной казни, либо в виде нарядов на работы, телесных ударов по ягодицам или ладоням. За менее серьезные проступки наказание определялось соответственно их тяжести» [13, с. 79]. Од-

³ Поскольку на революционных опорных базах использовалась форма власти «советов», они также назывались «советскими районами». В данной статье считается, что временные рамки «периода Центрального советского района» охватывают период с октября 1930 по октябрь 1934 г.

нако при этом жесткая дисциплина опиралась не на наказания, а на активную пропагандистскую и воспитательную работу, проводимую КПК, что отличало ее от иных военных объединений. «Красная армия — это армия класса, сражающаяся за интересы своего класса, не имеющая наемного характера. Красная армия возникла из борьбы рабочих и крестьян и не может отрываться от масс трудящихся» [13, с. 86].

Красная власть. После прибытия в горы Цзинганшань войск под руководством Мао Цзэдуна и Чжу Дэ для преодоления пессимистических настроений и авантюрных взглядов некоторых товарищей в войсках часто проводились выступления, занятия и собрания по разъяснению взглядов Мао Цзэдуна относительно целей и задач китайской революции [14, с. 144, 145]. Озвучивание ценностей и идеалов красной власти и революционного пути на Цзинганшанской революционной опорной базе позволило усилить идеологию в рядах Красной армии, укрепить веру в неизбежную победу революции внутри, повысить сплоченность и боеспособность солдат.

Линия и курс Коммунистической партии. Красная армия — передовые войска пролетариата, чистота их партийного сознания влияла на характер и боеспособность всей армии в целом. Пропагандистско-воспитательная работа по распространению знаний о Коммунистической партии в армии сделала безусловное подчинение руководству партии сущностным требованием идеологической и политической работы. Для усиления воспитательной работы среди новых членов партии Красной армии в 1932 г. была утверждена «Программа обучения новых членов партии». В форме вопросов и ответов эта программа подробно разъясняла сущность, установки, организацию, дисциплину Коммунистической партии, а также задачи ее членов [15, с. 1112–1117]. Понимание красноармейцами конкретных партийных установок помогало продвижению пропагандистской работы военных среди народных масс.

Уверенность в победе Великого похода. 9 октября 1934 г. Главное политическое управление Красной армии издало «Политическую директиву о подготовке к длительному переходу и боевым действиям», в которой указывалось: необходимо проводить в войсках полномасштабную пропагандистско-разъяснительную работу, «водошеуля всех бойцов на подготовку к наступательным действиям и укрепляя веру в победу» [4, с. 87]. «После начала Великого похода важней-

шей задачей партийной пропагандистской работы в Красной армии стало преодоление упадочных настроений, вызванных поражениями в ходе пятого контрпохода, и ликвидация последствий вражеской дезинформации, а также перестройка бойцов с ведения боевых действий на фиксированной территории к готовности к длительным маневрам и подвижным сражениям.» [3, с. 130] После Цзуньского совещания 1935 г., на котором была установлена руководящая роль Мао Цзэдуна в Красной армии и Центральном комитете КПК, в войсках развернулось всестороннее идейно-политическое изучение решений этого совещания. Сомнения и недовольство, ранее существовавшие в частях, постепенно рассеялись, боевой дух Красной армии значительно поднялся, и вскоре удалось вырваться из окружения войск Гоминьдана. Таким образом, в процессе Великого похода КПК, посредством пропагандистско-воспитательной работы сформировался духовный облик красноармейцев, заложивший идеологическо-политическую основу для победы Великого похода.

Твердые идеалы и убеждения солдат, а также строгая организационная дисциплина в армии обеспечили политические гарантии для окончательной победы революции в Китае. Фактически, пропагандистско-воспитательная работа КПК среди солдат и агитационно-пропагандистская работа среди населения в подконтрольных районах проводились одновременно, что позволило сплотить народные массы в строительстве, укреплении и развитии революционных опорных баз.

Разоблачение реакционного Гоминьдана. После разрыва первого сотрудничества с КПК реакционные силы Гоминьдана перешли на сторону империализма и феодалов. КПК, разоблачая преступления помещиков и местных мироедов, разъясняла причины угнетения и эксплуатации, обличая при этом Гоминьдан и призывая массы объединиться в борьбе против помещичьего класса. Газета «Красный Китай» помогала разоблачать гоминьдановских реакционеров: их стремление к личной выгоде, внутренние противоречия клика и подавление народных масс. После инцидента⁴ 18 сентября 1931 г. правительство Гоминьдана заняло пассивную позицию в сопротивлении япон-

⁴ Дата подрыва японскими диверсантами железной дороги около Шэньяна (бывший Мукден) и последовавшее за этим наступление Квантунской армии Японии на китайские позиции. Это событие стало началом захвата Северо-Восточного Китая и предвестием Второй мировой войны на Дальнем Востоке.

ским захватчикам, что привело к быстрой оккупации трех северо-восточных провинций Китая.

Спротивление империалистической агрессии. Из-за информационной блокады, осуществлявшейся Гоминьданом, многие жители опорных баз не понимали природы агрессии империализма. КПК, публикуя в газетах материалы об экономических кризисах и классовой борьбе во Франции, США, Японии и др., обозначала социальные противоречия, существующие внутри этих стран. Освещая конфликты империалистических держав из-за интересов в Китае, КПК доносила до населения захватнический характер их политики. Особое внимание уделялось разъяснению действий Японии по оккупации Северо-Восточного Китая после инцидента 18 сентября 1931 г. Одновременно разъяснялись позиции КПК по сопротивлению империализму. Например, уже в октябре 1931 г. опубликован «Устав Антиимпериалистического союза», в регулярные задачи которого входили «пропаганда среди масс жестокости и преступлений империализма, повышение антиимпериалистического энтузиазма масс и руководство всеми антиимпериалистическими борьбами» [16, с. 364].

Проведение аграрной революции. КПК придавала большое значение разработке и пропаганде политики аграрной революции. В полуфеодальном и полукOLONиальном Китае «беднейшее крестьянство, составляющее более 70% населения, владело лишь 20–30% всей земли» [17, с. 292]. В декабре 1928 г. был принят первый в истории КПК «Земельный закон Цзинганшаня», предусматривавший «конфискацию всей земли и передачу ее Советам» [2, с. 211]. На VI Всекитайском съезде КПК утвердила «Десятипунктную программу Коммунистической партии Китая», седьмой пункт которой гласил: «Конфискация всей земли помещичьего класса, пахотные земли — крестьянам» [18, с. 300]. В апреле 1929 г. разработан «Земельный закон уезда Синго», изменивший формулировку Закона Цзинганшаня на «конфискацию всех общественных земель и земель помещичьего класса» [19, с. 83, 84]. Партия активно пропагандировала лозунг «бей богачей, дели землю», мобилизуя массы на участие в аграрной революции. В период Цзинганшаня⁵ армия осуществляла пропагандистско-мобилизационную деятельность среди населения, направленную на борьбу с поли-

тическим и экономическим давлением со стороны помещиков и ликвидацию феодального строя. Крестьянам разъясняли цели конфискации имущества у богатых и использования изъятых средств.

При проведении земельного передела наблюдалась низкая активность жителей: они не решались принимать выделенные земельные участки. Для решения этой проблемы Мао Цзэдун выдвинул идею преодоления фаталистического восприятия «горькой судьбы бедняков», принимаемую населением со смирением на протяжении многих веков, которая постепенно помогла изменить ситуацию. Партийные кадры и бойцы Красной армии проводили целенаправленную работу с населением по разъяснению земельной политики, включая количественные и региональные нормативы, а также порядок распределения горных лесов в ходе земельного передела [16, 364]. Для решения земельного вопроса партия также развернула в Центральном советском районе движение по проверке земли, освещая эту деятельность в прессе, популяризируя роль аграрной революции.

Кампания по масштабированию Красной армии. С 1932 по 1934 г. КПК призывала к активному вступлению в Красную армию. «После создания Временного центрального советского правительства в советских районах прошли три крупномасштабные кампании по расширению Красной армии» [20, с. 735]. Благодаря аграрной революции многие уже осознали, что солдаты являются фундаментальной силой, защищающей интересы рабочих и крестьян. В ходе кампании населению регионов разъяснялось значение каждого солдата в борьбе против гоминьдановских реакционеров и империалистического гнета, одновременно проводилась политика льгот для красноармейцев и поддержки их семей. В ноябре 1931 г. состоялся Первый Всекитайский съезд Советов, принявший «Положение о льготах для рабочих и крестьян Красной армии Китая». Сотрудники партии всех уровней, от центрального до местного, «подавали пример в выполнении положений о льготах для Красной армии, активно участвовали в субботних мероприятиях по поддержке семей красноармейцев, помогали семьям военнослужащих и погибших героев рубить дрова, носить воду и обрабатывать поля, способствуя реализации различных положений о льготах для Красной армии» [20, с. 734, 735]. Успешные модели поддержки и результаты рекрутинговых кампаний освещались в прессе.

⁵ Автор статьи считает, что период Цзинганшаня охватывает главным образом время с октября 1927 по февраль 1930 г.

Пропаганда национальной политики. С начала Великого похода Красная армия прошла через районы проживания национальных меньшинств (например, Мяо, И, Хуэй и многих др.), проводя работу с населением и заручаясь их поддержкой. Хотя конкретная политика в отношении разных народностей имела различия, национальная политика партии была единой: приверженность национальному равенству и сплоченности, уважение к обычаям, религиозным верованиям, языку и культуре национальных меньшинств.

Например, в мае 1935 г., после вхождения Первого фронта Красной армии в районы компактного проживания народности И, были повсеместно расклеены листовки с воззванием Китайской Рабоче-крестьянской Красной армии, подписанное главнокомандующим Красной армии Чжу Дэ, в котором провозглашалось: «Китайская Рабоче-крестьянская Красная армия освобождает слабые и малочисленные народы; все простые люди, ийцы и ханьцы, — братья и плоть от плоти». Когда Красная армия проходила через земли народности И, люди встречали ее на дорогах с домашними животными (быками и овцами) в дар, а армия в ответ вручала одежду, ткани, различные предметы, соль и специи [4, с. 90]. Другой пример. Проходя через районы проживания народности Хуэй и других народностей в Шэньси и Ганьсу, представители КПК и армии ознакомились с религией и верованиями местного населения, после чего пропаганда политики партии в отношении этих национальных групп была скорректирована, а в общественных местах расклеивались лозунги и плакаты, уважающие обычаи и традиции («Свобода вероисповедания, защита мечетей!», «Не допускать угнетения народностей Хуэй⁶ и Фань!» и др.) [21, с. 48].

Описываемое содержание агитационно-пропагандистской работы полностью соответствовало ключевым задачам КПК того периода и стимулировало рабочих и крестьян на участие в революционном движении.

Помимо внутренней просветительской работы с лояльным мирным населением и солдатами армии члены КПК активно вели подрывную работу в войсках Гоминьдана. Исследователи И Фэнлинь

⁶ Хуэй — одно из официально признанных национальных меньшинств Китая. Это потомки мусульман, исповедующих ислам суннитского толка и сохраняющих элементы исламской культуры; Фань — в широком историческом смысле подразумевали тибетцев, цянгов и другие народы Западного Китая.

и Вэй Леган считают, что пропаганда КПК среди вражеских войск в основном разворачивалась по следующим направлениям: разоблачение реакционной сущности гоминьдановской власти и армии; пропаганда революционных идеалов КПК; продвижение идеи совместного противостояния внешнему врагу — Японии [22, с. 16]. Автор статьи согласен с данной точкой зрения. Изобличение внутренних противоречий в Гоминьдане (антагонизм между офицерами и солдатами, бедность и усталость от войны рядовых солдат и др.) и пассивного сопротивления Японии; тиражирование принципов и политики Красной армии (равенство между командирами и бойцами и гуманное обращение с военнопленными) не только подрывали боевой дух вражеских войск, но и изменяли мировоззрение гражданского населения.

Агитационно-пропагандистская работа с солдатами Гоминьдана велась не только в обычное время, но и во время военных действий. В марте 1933 г. в газете «Политработа» была опубликована статья «Как вести агитационно-пропагандистскую работу с солдатами Белой⁷ армии на передовой», содержащая примеры агитации среди солдат непосредственно на линии фронта. Информация должна подаваться кратко, сжато, нести агитационный и стимулирующий характер [23, с. 356, 357]; суть информации, доносимой на поле боя, отражает все три направления, описанные И Фэнлинем и Вэй Леганом.

Коммунистическая партия Китая придавала огромное значение просветительской работе, поскольку с момента образования КПК партия Гоминьдан создавала негативный образ коммунистов, сравнивая их с «потопом и дикими зверями». В период Аграрной революции Гоминьдан вел активную дезинформационную деятельность, из-за чего население не имело адекватного представления о коммунистической партии. В октябре 1934 г., после ухода основных сил Красной армии из Центральной революционной опорной базы, гоминьдановская сторона оперативно развернула широкомасштабную мобилизацию общественного мнения, приписывая военные «победы» Чан Кайши, заявляя, что «победа в кампании по уничтожению бандитов означает расположение народных масс», утверждая, что «Красная армия уже уничтожена», а «советские районы уже защищены». Представителями Гоминьдана выдвигался

⁷ В период Аграрной революционной войны «Белая армия» обозначала войска Гоминьдана.

тезис с опорой на историю: «Если посмотреть на знаменитых бандитов и крупных разбойников прошлых династий, все они, войдя в Сычуань и Гуйчжоу, предвещали свой конец и гибель», — утверждая, что Красная армия «повторит исторические гибели» [3, с. 130]. Такая работа стимулировала у местного населения отчуждение и страх по отношению к КПК и Красной армии: одни жители уходили в горы, другие — проявляли враждебные настроения и действия [3, с. 135].

Формы агитации Коммунистической партии Китая. КПК в своей агитационно-пропагандистской работе применяла различные методы, учитывая разный социальный уровень населения страны: устная форма (лозунги, призывы, собрания, выступления и индивидуальные беседы), печатная форма (газеты, журналы, книги), культурно-просветительная форма (кампании по ликвидации неграмотности, театральные постановки, разучивание песен, плакаты). Посильная безвозмездная помощь красноармейцев в быту и сельском хозяйстве, гуманное обращение с пленными и лечение раненых солдат — фактически «немая пропаганда» — зачастую оказывалась эффективнее устной агитационно-пропагандистской работы.

ВЫВОДЫ

В данной статье систематизировано содержание агитационно-пропагандистской работы КПК в период Аграрной революции и проводится разграничение между различными объектами агитации и пропаганды. Эффективная агитационно-пропагандистская работа стала одним из важных факторов победы КПК в Аграрной революции. По итогам исследования автором делаются следующие выводы:

1. Успех агитационно-пропагандистской работы Коммунистической партии Китая в анализируемый период обусловлен применением дифференцированной стратегии пропаганды в отношении Красной армии, народных масс и вражеских войск, а также использованием разнообразных форм пропаганды: устной, печатной, культурно-просветительной. Пропагандистско-воспитательная работа КПК в Красной армии прививала революционные идеалы, организационную дисциплину и призывала к классово-борьбе; агитация и пропаганда среди населения на революционных опорных базах и вдоль маршрута Великого похода объединяла революционные идеалы с глобальными

вопросами земельной проблемы и национальной политики; пропаганда среди вражеских войск в основном была направлена на разоблачение их внутренних противоречий и формирование эмоционального отклика. КПК, тесно увязывая социальную мобилизацию с военной борьбой, добилась разложения враждебных сил.

2. Успех агитационно-пропагандистской работы и революционного дела КПК заключался в бескорыстном служении народу. Поддержка населения стала основополагающей гарантией победы революции. Тот факт, что Коммунистическая партия Китая непрерывно росла и укреплялась в крайне сложных политических и экономических условиях при первоначальном многократном превосходстве сил противника, благодаря доверию народа — закономерный итог.

3. В период Аграрной революции КПК адаптировала идеи марксизма-ленинизма к революционным реалиям и менталитету Китая. Создание Красных революционных опорных баз и успех Великого похода стали воплощением уникального революционного пути — окружения городов деревнями. Опыт китайской революционной практики явился ранним фактором, повлиявшим на конечный успех социалистического пути с китайской спецификой.

С одной стороны, современный Китай играет все более важную роль на международной арене, и изучение истории агитационно-пропагандистской деятельности КПК в революционный период способствует пониманию истоков ее жизнеспособности, сплоченности и лидерского потенциала. С другой стороны, в настоящее время мир переживает глубинные трансформации, невиданные за столетие, когда различные риски и вызовы переплетаются и наслаиваются друг на друга. Изучение истории агитации и пропаганды периода 1927–1937 гг. помогает проанализировать внутренние закономерности социальной мобилизации, открывая источники мудрости, преодолевающие временные и пространственные границы, для противодействия глобальным рискам и вызовам.

Идеи и методы партии Китая действуют и сегодня. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин подчеркнул: «Пропагандистско-идеологическая и культурная работа касается будущего и судьбы партии, долгосрочной стабильности страны, национальной сплоченности и единства, являясь чрезвычайно важной работой».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 6. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1963.
Lenin V.I. Complete collected works. 5th ed., Vol. 6. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1963. (In Russ.).
2. Координационная группа по сбору и исследованию материалов по истории партии Цзинганшаньской революционной опорной базы, Цзинганшаньский музей революции. Цзинганшаньская революционная опорная база. Ч. 1. Пекин: Издательство материалов по истории КПК; 1987.
井冈山革命根据地党史资料征集编研协作小组, 井冈山革命博物馆.井冈山革命根据地 (上册).北京: 中共党史资料出版社, 1987.
Jinggangshan Revolutionary base area party history collection and research cooperation group. Jinggangshan Revolutionary Museum. Jinggangshan Revolutionary Base Area. Vol. 1. Beijing: CCP History Materials Publishing House; 1987. (In Chinese).
3. Линь Чжида. История пропаганды Коммунистической партии Китая. Чэнду: Сычуаньское народное издательство; 1990.
林之达.中国共产党宣传史.成都: 四川人民出版社, 1990:308.
Lin Zhida. History of propaganda of the Chinese Communist Party. Chengdu: Sichuan People's Publishing House; 1990. (In Chinese).
4. Отдел пропаганды ЦК КПК. Краткая история пропагандистской работы Коммунистической партии Китая. Ч. 1. Пекин: Народное издательство; 2022.
中共中央宣传部.中国共产党宣传工作简史.北京: 人民出版社 上卷. 2022:339.
Propaganda Department of the Central Committee of the Communist Party of China. A Brief History of Propaganda Work of the Chinese Communist Party. Vol. 1. Beijing: People's Publishing House; 2022. (In Chinese).
5. Инь Пин. Краткий обзор истории пропаганды КПК. *Исследования по истории КПК*. 1990;6:85-86. URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=iO0L29morZkgqWgXf8hnW47QR4G04NSVmm-BKy9Cj4_ebp50Sl_n7u6uUrplzMXf7Is16i-6jFOwFA1zcgB7Jj3ew9E-bSVqAjpTCEhfQe_QqmnLtNWK9H_vSnujStxTfjIwRXGRA4dElRapblS_QU5vfZm7qS6xA0xo3qJsflykYRyzK9IONg==&uniplatform=NZKPT&language=CHS
尹平.《中国共产党宣传史》简评.中共党史研究.1990;6:85-86. URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=iO0L29morZkgqWgXf8hnW47QR4G04NSVmm-BKy9Cj4_ebp50Sl_n7u6uUrplzMXf7Is16i-6jFOwFA1zcgB7Jj3ew9E-bSVqAjpTCEhfQe_QqmnLtNWK9H_vSnujStxTfjIwRXGRA4dElRapblS_QU5vfZm7qS6xA0xo3qJsflykYRyzK9IONg==&uniplatform=NZKPT&language=CHS
Yin Ping. A Brief Review of history of propaganda of the Chinese Communist Party. *Studies on CCP History*. 1990;6:85-86. URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=iO0L29morZkgqWgXf8hnW47QR4G04NSVmm-BKy9Cj4_ebp50Sl_n7u6uUrplzMXf7Is16i-6jFOwFA1zcgB7Jj3ew9E-bSVqAjpTCEhfQe_QqmnLtNWK9H_vSnujStxTfjIwRXGRA4dElRapblS_QU5vfZm7qS6xA0xo3qJsflykYRyzK9IONg==&uniplatform=NZKPT&language=CHS (In Chinese).
6. Ху Вэйхуа. О развертывании исследования истории пропаганды КПК. *Восточный форум. Вестник Циндаоского университета*. 1994;2:29-35. URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=iO0L29morZnOX30_NHoi2YdhfZivZ5bDQ-559Z1Gws_FWixnTbki07qJlTkeuibx5Hz3xC7t6jc0-pwwCOqpbeL5sLHVvMCMjEFnTZD4MpfqJF2R-Rk9uPSz9WvcDuTt7GXNGO2yBLinaWV1GYyxZzKah3T5GI9M2hYDKUrNDEgBOffQvDrScQ==&uniplatform=NZKPT&language=CHS
胡维华.开展中国共产党宣传史的研究.东方论坛.青岛大学学报. 1994;2:29-35. URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=iO0L29morZnOX30_NHoi2YdhfZivZ5bDQ-559Z1Gws_FWixnTbki07qJlTkeuibx5Hz3xC7t6jc0-pwwCOqpbeL5sLHVvMCMjEFnTZD4MpfqJF2R-Rk9uPSz9WvcDuTt7GXNGO2yBLinaWV1GYyxZzKah3T5GI9M2hYDKUrNDEgBOffQvDrScQ==&uniplatform=NZKPT&language=CHS
Hu Weihua. Research on the history of propaganda of the Chinese Communist Party. *Eastern Forum. Journal of Qingdao University*. 1994;2:29-35. URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=iO0L29morZnOX30_NHoi2YdhfZivZ5bDQ-559Z1Gws_FWixnTbki07qJlTkeuibx5Hz3xC7t6jc0-pwwCOqpbeL5sLHVvMCMjEFnTZD4MpfqJF2R-Rk9uPSz9WvcDuTt7GXNGO2yBLinaWV1GYyxZzKah3T5GI9M2hYDKUrNDEgBOffQvDrScQ==&uniplatform=NZKPT&language=CHS (In Chinese).

7. Snow E. Red Star Over China. London: Victor Gollancz; 1937. 464 с.
8. Смертин Ю.Г. Политика и визуальная пропаганда в Китайской Народной Республике. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2012;3:15-20. URL: <https://www.elibrary.ru/pygsfl>
Smertin Yu. G. Politics and visual propaganda in the People's Republic of China. *South Russian Journal of Social Sciences*. 2012;3:15-20. URL: <https://www.elibrary.ru/pygsfl> (In Russ.).
9. Taylor J. The Sinification of Soviet Agitational Theatre: "Living Newspapers" in Mao's China. *Journal of the British Association for Chinese Studies*. 2013;27-51. URL: <https://bjocs.site/index.php/bjocs/issue/view/11/9>
10. Мао Цзэдун. Собрание сочинений. Т. 1. Пекин: Народное издательство; 1993.
毛泽东.毛泽东文集.第1卷.北京:人民出版社,1993.
Mao Zedong. Collected works. Vol. 1. Beijing: People's Publishing House; 1993. (In Chinese).
11. Сборник важных документов с момента основания партии (1921–1949). Т. 10. Центральный научно-исследовательский отдел партийных документов при ЦК КПК. Центральный архив. Пекин: Издательство документов ЦК КПК; 2011.
中共中央文献研究室, 中央档案馆.建党以来重要文献选编(1921–1949)第十册.北京:中央文献出版社, 2011–123.
Selected Important Documents since the Founding of the Party (1921–1949). Vol. 10. Party Literature Research Center of the Central Committee of the Communist Party of China and Central Archives. Beijing: Central Party Literature Press; 2011. (In Chinese).
12. История Коммунистической партии Китая (1921–1949). Т. 1. Ч. 1. Центральный научно-исследовательский отдел истории партии при ЦК КПК. Пекин: Издательство истории КПК; 2011.
中共中央党史研究室.中国共产党历史第一卷(1921–1949).上册.北京:中共党史出版社,2011:253.
The History of the Communist Party of China (1921–1949). Vol. I. P. 1. Party History Research Center of the Central Committee of the Communist Party of China. Beijing: CCP History Publishing House; 2011. (In Chinese).
13. Библиотека исторических материалов Центральной революционной опорной базы: Военная система. Т. 9. Научно-исследовательский отдел истории партии при провинциальном комитете КПК провинции Цзянси и др. Наньчан: Центральное издательство партийных документов; Цзянсийское народное издательство; 2015.
中共江西省委党史研究室等.中央革命根据地历史资料文库:军事系统(9).中央文献出版社、江西人民出版社,2015:79.
Historical Documents Library of the Central Revolutionary Base Area: Military System. Vol. 9. Party History Research Office of the Jiangxi Provincial Committee of the Communist Party of China, et al. Nanchang: Central Party Literature Press; Jiangxi People's Publishing House; 2015. (In Chinese).
14. Цзян Сьи. Семидесятилетняя история политической работы в армии Коммунистической партии Китая. Т. 1. Пекин: Издательство Народно-освободительной армии; 1991.
姜思毅.中国共产党军队政治工作七十年史.第一卷.北京:解放军出版社,1991:144–145.
Siyi J. Seventy-year history of the political work of the Chinese Communist Party in the army. Vol. 1. Beijing: PLA Publishing House; 1991. (In Chinese).
15. Библиотека исторических материалов Центральной революционной опорной базы: Военная система. Т. 10. Научно-исследовательский отдел истории партии при провинциальном комитете КПК провинции Цзянси и др. Наньчан: Центральное издательство партийных документов; Цзянсийское народное издательство; 2016.
中共江西省委党史研究室等.中央革命根据地历史资料文库:军事系统(10).中央文献出版社、江西人民出版社,2016:1112–1117.
Historical Documents Library of the Central Revolutionary Base Area: Military System. Vol. 10. Party History Research Office of the Jiangxi Provincial Committee of the Communist Party of China, et al. Nanchang: Central Party Literature Press; Jiangxi People's Publishing House; 2016. (In Chinese).
16. Избранные материалы по истории Центральной революционной опорной базы. Т. 2. Архив провинции Цзянси, отдел истории партии партийной школы провинциального комитета КПК провинции Цзянси. Наньчан: Цзянсийское народное издательство; 1982.
江西档案馆,中共江西省委党校党史教研室.中央革命根据地史料选编.下册.南昌:江西人民出版社,1982:734,735.

- Selected historical materials of the Central Revolutionary Base Area. Vol. 2. Jiangxi Archives and Party History Teaching and Research Office of the Jiangxi Provincial Party School of the Communist Party of China. Nanchang: Jiangxi People's Publishing House; 1982. (In Chinese).
17. Юй Болю, Лин Буцзи. История Центрального советского района. Т. 1. Наньчан: Цзянсийское народное издательство; 2016.
余伯流, 凌步机.中央苏区史.上.南昌:江西人民出版社, 2016.
Yu Boliu, Ling Buji. History of the Central Soviet Area. Vol. 1. Nanchang: Jiangxi People's Publishing House; 2016. (In Chinese).
 18. Резолюция по политическим вопросам. Сборник документов ЦК КПК. Т. 4. Центральный архив. Пекин: Издательство Центральной партийной школы при ЦК КПК; 1989.
中央档案馆.政治决议案//中共中央文件选集.第四册.北京:中共中央党校出版社, 1989:300.
Resolution on Political Affairs. Selected Documents of the Central Committee of the Communist Party of China. Vol. 4. Central Archives. Beijing: Central Party School Press; 1989. (In Chinese).
 19. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. I. 2-е изд. Пекин: Народное издательство; 1991.
毛泽东.毛泽东选集.第二版.第一卷.北京:人民出版社, 1991:83-84.
Mao Zedong. Selected works. Vol. 1. 2nd ed. Beijing: People's Publishing House; 1991. (In Chinese).
 20. Юй Болю, Лин Буцзи. История Центрального советского района. Т. 2. Наньчан: Цзянсийское народное издательство; 2016.
余伯流, 凌步机.中央苏区史.下.南昌:江西人民出版社, 2016.
Yu Boliu, Ling Buji. History of the Central Soviet Area. Vol. 2. Nanchang: Jiangxi People's Publishing House; 2016. (In Chinese).
 21. Культурные реликвии Великого похода Красной армии в провинции Ганьсу. Музей провинции Ганьсу. Ланьчжоу: Ганьсуское народное издательство; 1982.
甘肃省博物馆.红军长征在甘肃的文物.兰州:甘肃人民出版社,1982:48.
Gansu Provincial Museum. Cultural Relics of the Long March of the Red Army in Gansu. Lanzhou: Gansu People's Publishing House, 1982. (In Chinese).
 22. И Фэнлинь, Вэй Леган. Повторный анализ работы КПК по пропаганде среди вражеских войск в период аграрной революции. *Исследования военной истории*. 2022;36(02):16. URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=iO0L29morZlrGKR2gxE5KwodM6KgnO0S9auV8arjs7iyIK7d_N2k_7aa5frcrR83aMIkOKEhZavHXKTzjRq-uccBTqxnTm8E63PiZ4lcjSfcVw5Kz-w_cgWJRnGJBmLKDGD8w_TpYYgQvROGXMcFUmVrAYz1IKYxn4gFbnst33tqneBMsWpBA==&uniplatform=NZKPT&language=CHS
易凤林,魏烈刚.土地革命时期中共对敌军宣传工作再探析.军事历史研究. 2022;36(02):16. URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=iO0L29morZlrGKR2gxE5KwodM6KgnO0S9auV8arjs7iyIK7d_N2k_7aa5frcrR83aMIkOKEhZavHXKTzjRq-uccBTqxnTm8E63PiZ4lcjSfcVw5Kz-w_cgWJRnGJBmLKDGD8w_TpYYgQvROGXMcFUmVrAYz1IKYxn4gFbnst33tqneBMsWpBA==&uniplatform=NZKPT&language=CHS
Fenglin Yi, Liegang Wei. Re-exploration of the Chinese Communist Party's Propaganda Work to Enemy Troops during the Agrarian Revolution Period. *Military Historical Research*. 2022; 36(2): 16. URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=iO0L29morZlrGKR2gxE5KwodM6KgnO0S9auV8arjs7iyIK7d_N2k_7aa5frcrR83aMIkOKEhZavHXKTzjRq-uccBTqxnTm8E63PiZ4lcjSfcVw5Kz-w_cgWJRnGJBmLKDGD8w_TpYYgQvROGXMcFUmVrAYz1IKYxn4gFbnst33tqneBMsWpBA==&uniplatform=NZKPT&language=CHS (In Chinese).
 23. Избранные материалы по истории политической работы Народно-освободительной армии Китая, период Аграрной революционной войны. Т. 2. Канцелярия главного политического управления. Пекин: Издательство Народно-освободительной армии; 2002, 356–357 с. (In Chinese).
总政治部办公厅.中国人民解放军政治工作历史资料选编.土地革命战争时期.第二册.北京:解放军出版社, 2002:356-357.
General Office of the General Political Department of the People's Liberation Army. Selected Historical Materials of Political Work of the People's Liberation Army: The Agrarian Revolutionary War Period, Vol. 2. Beijing: PLA Publishing House; 2002. pp. 356–357. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Чжипэн Цзоу — аспирант, кафедра международных отношений и зарубежного регионоведения, Высшая школа международных отношений и мировой политики, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Российская Федерация

Zhipeng Zou — PhD Student, Department of International Relations and Foreign Regional Studies, Higher School of International Relations and World Politics, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0001-3458-0125>

zouzhipeng@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 16.12.2025; после рецензирования 05.02.2026; принята к публикации 22.04.2026.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 16.12.2025; revised on 05.02.2026 and accepted for publication on 22.04.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Текущее состояние и проблемы российско-зимбабвийских отношений

Е.В. Куропятник

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В современных условиях растет потребность России в переориентации направлений внешнеполитического и внешнеэкономического сотрудничества с целью защиты своих интересов в соответствии со «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации». Эксперты в сфере внешней политики отмечают тенденции разворота России и Африки к Глобальному Югу. Статья посвящена анализу современного состояния российско-зимбабвийских отношений и проблемным аспектам в условиях трансформации глобального миропорядка. Автор, используя комплексный подход, выявляет ключевые барьеры, препятствующие полноценной реализации потенциала двустороннего сотрудничества. Внимание также уделяется проблематике неокOLONIALного влияния западных держав на Зимбабве, роли санкционного давления в ограничении суверенного развития этой страны и институциональным вызовам. В работе отражен фактор наследия советской эпохи, когда СССР активно поддерживал борьбу Зимбабве за независимость, что создало фундамент для настоящих связей. Автор также анализирует концептуальные основы российской политики на Юге Африки. Отдельно рассматривается роль многосторонней платформы Форум партнерства Россия – Африка в продвижении общих интересов России и Зимбабве. Отмечается, что углубление и расширение двустороннего сотрудничества России с Зимбабве связаны с наращиванием и диверсификацией торгово-экономического взаимодействия и выходом на новый уровень товарооборота и инвестиционного партнерства. Автор видит проблему в отсутствии капитализированных финансовых институтов, способных оказывать системную, долгосрочную государственную поддержку российскому бизнесу в Зимбабве и на всем африканском континенте. В то же время констатируется факт институциональной слабости зимбабвийской экономики. Делается вывод о том, что укрепление российско-зимбабвийских отношений не только отвечает интересам обоих государств, но и способствует формированию справедливого многополярного миропорядка. В России Зимбабве видит сильного партнера, способного продвигать в международных структурах повестку, отвечающую ожиданиям африканских стран и всего Глобального Юга, а также поддерживать стремление этих государств к расширению представленности в межгосударственных организациях, включая СБ ООН.

Ключевые слова: российско-зимбабвийские отношения; многополярный миропорядок; санкционное давление; СССР и Зимбабве; проблемы сотрудничества; африканский вектор внешней политики России

Для цитирования: Куропятник Е.В. Текущее состояние и проблемы российско-зимбабвийских отношений. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(3):86-97. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-86-97

The Current State and Problems of Russian-Zimbabwean Relations

E.V. Kuropyatnik

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

In modern conditions there is a growing demand for Russia to reorient the directions of foreign policy and foreign economic cooperation in order to protect its interests in accordance with the "National Security Strategy of the Russian Federation". The experts in the field of foreign policy note the trends of Russia and Africa turning towards the Global South. The article is devoted to the analysis of the current state of Russia-Zimbabwe relations and problematic aspects in the context of the transformation of the global world order. Using an integrated approach, the author identifies the key barriers preventing the full realization of the potential of bilateral cooperation. The attention is also paid to the problems of the neocolonial influence of Western powers on Zimbabwe, the role of sanctions pressure in limiting the sovereign development of this country and institutional challenges. The work reflects the legacy factor of the Soviet era when the USSR actively supported Zimbabwe's struggle for independence which created the foundation for current ties. The author also analyzes the conceptual foundations of Russian policy in Southern Africa. The role of the Russia-Africa Partnership

Forum multilateral platform in promoting the common interests of Russia and Zimbabwe is considered separately. It is noted that the deepening and expansion of bilateral cooperation between Russia and Zimbabwe is linked to the expansion and diversification of trade and economic cooperation and reaching a new level of trade and investment partnership. The author sees the problem in the lack of capitalized financial institutions capable of providing systemic, long-term government support to Russian businesses in Zimbabwe and throughout the African continent. At the same time the fact of institutional weakness of the Zimbabwean economy is being stated. It is concluded that the strengthening of Russia-Zimbabwe relations not only meets the interests of both states but also contributes to the formation of a just multipolar world order. Zimbabwe sees Russia as a strong partner capable of promoting an agenda in international structures that meets the expectations of African countries and the entire Global South, as well as supporting the aspirations of these states to expand their representation in interstate organizations including the UN Security Council.

Keywords: Russia-Zimbabwe relations; multipolar world order; sanctions pressure; USSR and Zimbabwe; problems of cooperation; African vector of Russia's foreign policy

For citation: Kuropyatnik E.V. The current state and problems of Russian-Zimbabwean relations. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(3):86-97. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-86-97

ВВЕДЕНИЕ

Внешнеполитическая ориентация России на африканский континент является одним из приоритетов современной российской дипломатии. Этот курс российского государства, зафиксированный в стратегических документах, отражает стремление Правительства России к формированию более сбалансированного, многополярного мироустройства. По проблематике российско-африканского сотрудничества на сегодняшний день накоплен достаточно обширный массив научных работ. Отношения России и стран Африки в целом являются предметом широкого научного интереса. Республика Зимбабве с ее богатым опытом взаимодействия с Россией, начиная еще с советской эпохи, представляет особый интерес. СССР активно поддерживал борьбу за независимость и становление Зимбабве, и это стало фундаментом для нынешних российско-зимбабвийских отношений.

Актуальность изучения нынешнего состояния и проблем двусторонних связей обусловлена возрастающей ролью Юга Африки в современных международных отношениях. От устойчивого политического и экономического развития Зимбабве в значительной мере зависит развитие всего южноафриканского региона. В эпоху переориентации внешней политики множества африканских стран на Запад для российского правительства представляется важным сохранить традиционно дружественные узы с Зимбабве путем двустороннего взаимовыгодного сотрудничества на международной арене. Проблемные аспекты этого сотрудничества необходимо учитывать при совершенствовании африканской части Концепции внешней политики Российской Федерации.

В России немногие авторы исследуют политико-экономическую ситуацию в Зимбабве и российско-зимбабвийские отношения. В постсоветский период в Институте Африки РАН об этой стране было

подготовлено лишь несколько работ: в 2007 г. — сборник статей «Проблемы развития ЮАР и Зимбабве» [1]; в 2015 г. — монография В.Г. Шубина «Судьбы Зимбабве» [2]. Другая монография В.Г. Шубина — «Горячая холодная война» (2013) была частично посвящена национально-освободительной борьбе народов Зимбабве [3].

Заслуживают внимания статьи российских исследователей в журнале «Азия и Африка сегодня» по актуальным проблемам современного Зимбабве. Выделяются работы Е.В. Харитоновой и С.М. Тищенко «Зимбабве на перепутье» [4], В.Г. Шубина «Зимбабве: кризис преодолён?» [5].

Сложности, с которыми Россия сталкивается на африканском направлении, включая Зимбабве, частично отражены в диссертационных работах П.Ю. Ровчака «Перспективы развития отношений России со странами Африки» [6] и Г.Г. Шаламова «Национально-государственные интересы Российской Федерации в регионе Африки к Югу от Сахары в условиях глобализации» [7]. Вопросы развития российско-зимбабвийских отношений затронуты в сборнике «Зимбабве: на пути устойчивого развития», выпущенном Институте Африки РАН [8]. Однако, еще нет исследований нынешнего состояния российско-зимбабвийских отношений.

Автором настоящей статьи предпринята попытка научного анализа и критического осмысления проблем развития отношений России с Зимбабве, проведена оценка динамики их развития и характеристика текущего состояния двусторонних связей, а также внешнего санкционного и информационного давления, препятствующих реализации потенциала российско-зимбабвийского сотрудничества в условиях трансформации глобального миропорядка.

Анализируя российский подход к выстраиванию отношений с Зимбабве и оценивая их текущее состояние, автор намерен выявить ключевые пробле-

мы, препятствующие их развитию. Для достижения этой цели необходимо решить ряд задач: прежде всего, осмыслить внешнеполитический курс России по отношению к Зимбабве, проанализировать эволюцию этой политики, определив степень ее соответствия текущим возможностям и приоритетам российского государства.

Научная новизна настоящего исследования определяется, прежде всего, комплексным подходом к рассмотрению текущего состояния и проблем межгосударственных отношений России и Зимбабве. Этот подход предполагает осмысление различных измерений двустороннего взаимодействия. Политические отношения России с Зимбабве представлены в исторической динамике, что позволяет проследить преемственность и разрывы, выявить закономерности и особенности их эволюции на различных этапах.

При обращении к эмпирическим данным, содержащимся в статистических материалах российских и зарубежных организаций, а также в средствах массовой информации, использовались методы контент-анализа, системный и структурно-функциональный подходы.

Метод контент-анализа был применен при анализе российской и советской внешней политики в отношении африканского государства.

Системный подход был необходим для исследования текущего взаимодействия России с Зимбабве. Структурно-функциональный подход был полезен при анализе ключевых проблемных аспектов российско-зимбабвийского сотрудничества.

Для систематизации приводимых в исследовании данных применялся статистический анализ на основе данных ООН, МВФ, зимбабвийского статистического агентства.

Источниковую базу исследования составили научные монографии и статьи, а также документы органов государственной власти Российской Федерации. Кроме того, изучены материалы средств массовой информации и интернет-ресурсы.

История развития российско-зимбабвийского сотрудничества

Основа взаимоотношений между Россией и Зимбабве заложена в период борьбы африканского народа за независимость. Советский Союз, последовательно выступая против колониализма, оказывал всестороннюю поддержку освободительному движению Зимбабве. Эта помощь, включавшая политическую и моральную поддержку на международных площадках и военно-техническое сотрудничество в виде предоставления вооруже-

ний и обучения партизан, предопределила налаживание межгосударственных связей после деколонизации Зимбабве [8].

В 1965 г. Зимбабве в одностороннем порядке провозгласило независимость от Великобритании. Режим белого меньшинства в 1970 г. переименовал страну в «Республику Родезия». СССР, как большинство государств, включая Великобританию, не признал такой независимости и не поддерживал связей с родезийским правительством [3].

Роль социалистических стран в зимбабвийской освободительной войне (1965–1979 гг.) также неоднозначна. Повстанцы Африканского национального союза Зимбабве (ЗАНУ) идеологически были ориентированы на Китай и Северную Корею (КНДР), которые обеспечивали их в финансовом и военном плане. А повстанцы Союза африканского народа Зимбабве (ЗАПУ) были ориентированы прежде всего на СССР и его союзников [9].

Советская поддержка африканских освободительных движений в тот период не была ситуативной или конъюнктурной. Она базировалась на идеологических установках социалистического интернационализма и антиколониальной риторике, которые составляли неотъемлемую часть внешнеполитической доктрины СССР. Советское правительство рассматривало поддержку национально-освободительных движений как стратегическое направление своей внешней политики, видя в этом возможность расширения сферы влияния и ослабления позиций западных держав в Африке и на других континентах. Зимбабвийское направление, таким образом, вписывалось в контекст советского присутствия на африканском континенте. При этом оно обладало спецификой, связанной с особенностями местной политической ситуации и характером противостояния с режимом белого меньшинства [10]. Многие зимбабвийские командиры, участвовавшие в вооруженной борьбе против колониального режима в Родезии, проходили подготовку в СССР [2].

После длительного периода разногласий и конфронтации ЗАНУ и ЗАПУ в 1976 г. руководители политических движений Джошуа Нкомо и Роберт Мугабе объявили о создании Африканского национального союза Зимбабве — Патриотического фронта (ЗАНУ-ПФ), однако противоречия между двумя составляющими этого объединенного движения продолжали существовать. В соответствии с решениями Ланкастерской конференции 12 декабря 1979 г. власть в Родезии-Зимбабве была временно передана британскому губернатору лорду

Артуру Кристоферу Джону Соумсу, и произошло разоружение партизанских группировок. На всеобщих выборах 1980 г. убедительную победу одержал председатель партии ЗАНУ-ПФ Роберт Мугабе. СССР установил дипломатические отношения с Республикой Зимбабве 18 февраля 1981 г.¹

Межгосударственные связи России с Зимбабве поначалу не заладились. Длительное время советское правительство не пыталось установить рабочие отношения с лидерами ЗАНУ, даже тогда, когда эта организация отстранила функционеров ЗАПУ от руководства государством. Однако представители советских дипмиссий в Африке прилагали значительные усилия, чтобы это исправить. Отношения правительства СССР с Зимбабве приобрели особую важность в связи с проведением в Хараре в 1986 г. саммита Движения неприсоединения. Республика Зимбабве стала председателем этого движения. В тот период советское руководство обращало немалое внимание на его деятельность, а в МИД СССР был создан специальный отдел [3].

До 1980-х гг. Советский Союз заключил соглашения о техническом и экономическом сотрудничестве с большинством стран континента, построив сотни предприятий и объектов, которые впоследствии стали основой для их развития и повышения уровня жизни населения [11].

С распадом Советского Союза в начале 1990-х гг. двусторонние отношения с Зимбабве и многими другими африканскими странами значительно ослабли. В условиях внутренних трансформаций и переориентации внешней политики на Запад, африканское направление оказалось на периферии российских интересов. Были закрыты многие посольства и консульские учреждения, а тысячи отечественных специалистов, успешно работавших на континенте, вынуждены были его покинуть [5]. Временное ослабление взаимодействия, часто объясняемое «экономической целесообразностью», привело к утрате в Африке крупных рынков для отечественных товаров с высокой добавленной стоимостью, а также личных контактов [11].

Одновременно оказались утрачены налаженные каналы доступа к источникам стратегически важных ресурсов — редкоземельных металлов, алмазов, урановых руд, запасы которых в африканских недрах весьма значительны. Доверие, которое формировалось годами совместной работы, обучения, культурного обмена, оказалось в значительной

степени растрчено за несколько лет невнимания к Африке [11].

Тем временем западные державы, прежде всего бывшие колониальные метрополии, а также Китай активно наращивали свое присутствие в Африке, заполняя образовавшиеся лакуны влияния [12]. Стратегические просчеты российской политики на африканском направлении имели долгосрочные негативные последствия для отечественных позиций на континенте, преодолевать которые пришлось уже в XXI в.

В 2010-е гг., с изменением геополитической конъюнктуры и осознанием необходимости диверсификации внешнеполитических партнеров, Россия вновь обратила свой взор к странам, которые теперь принято называть Глобальным Югом. Возрождение интереса к Африке стало одним из ключевых элементов современной российской внешней политики, направленной на последовательное укрепление многополярного мироустройства и выстраивание альтернативных центров влияния [13]. В этом широком контексте Республика Зимбабве, с ее исторически сложившимися дружественными связями с Россией, восходящими еще к периоду национально-освободительной борьбы, вновь приобрела стратегическое значение.

В 2001 г. в Зимбабве начались конфискации сельскохозяйственных земель белого меньшинства с одобрения правительства. В результате ЕС, Канада и США ввели односторонние санкции в отношении Зимбабве. Россия, в свою очередь, продолжала укреплять политические связи с этой страной. В 2008 г. Россия совместно с КНР заблокировала резолюцию СБ ООН о введении санкций из-за преследований оппозиции в ходе всеобщих выборов в Зимбабве².

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЗИМБАБВЕ СЕГОДНЯ

Схожесть внешнеполитических подходов России и большинства государств Юга Африки служит прочной основой для сотрудничества. Россия и страны этого региона разделяют фундаментальное стремление к демократизации системы международных отношений, понимаемой как обеспечение реального равноправия всех участников мирового сообщества независимо от их экономической и военной мощи. Россия и африканские государства последовательно выступают за неукоснительное

¹ Официальный сайт Посольства России в Зимбабве. URL: https://zimbabwe.mid.ru/ru/about_zimbabwe/

² Официальный сайт Посольства России в Зимбабве. URL: https://zimbabwe.mid.ru/ru/about_zimbabwe/

соблюдение базовых принципов Устава ООН — суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела и безусловного уважения государственного суверенитета [14].

Россия и африканские страны, включая Зимбабве, которое само в течение многих лет испытывает на себе давление западных санкций³, решительно отвергают современные практики неокOLONИализма, проявляющиеся в попытках экономической эксплуатации, политического давления и культурной гегемонии. Эти общие позиции по принципиальным вопросам мирового порядка создают благоприятный политический фон, служат катализатором укрепления взаимного доверия, а также способствуют формированию единого фронта на международных площадках — в первую очередь в ООН, где африканские государства представляют крупнейший региональный блок [15].

Заметно возросла с середины 2010-х гг. частота визитов высокопоставленных российских официальных лиц в Африку. Министр иностранных дел России С. В. Лавров неоднократно посещал различные страны континента и встречался с африканскими лидерами⁴. Проведение в 2019 и 2023 гг. первого и второго саммитов Россия — Африка в Санкт-Петербурге и Сочи, а также двух министерских конференций Форума партнерства Россия — Африка в 2024 и 2025 гг. убедительно свидетельствует о возросшей важности африканского направления во внешней политике Российской Федерации [16]. На фоне нарастающей конфронтации с коллективным Западом и введения беспрецедентных санкций после 2022 г. Россия позиционирует себя как глобальная сила, которая отстаивает принципы подлинного равенства и справедливости на международной арене [17].

В Зимбабве правительство во главе с президентом Эммерсоном Мнангагвой продолжает политику своего предшественника Роберта Мугабе по противостоянию западному диктату. Россия в этой стране все чаще воспринимается как надежный и бескорыстный партнер, не выдвигающий политических условий и способный содействовать решению стратегических задач подлинной суверенизации [7].

Концептуальные основы внешней политики современной России в отношении африканских стран закреплены в официальных стратегических документах. В Концепции внешней политики Российской Федерации⁵ (последняя редакция утверждена в 2023 г.) отмечается намерение всесторонне способствовать становлению Африканского континента как самобытного и все более влиятельного центра мирового развития и важного полюса формирующегося многополярного миропорядка [14].

Зимбабвийская внешняя политика проводится под провозглашенным Э. Мнангагвой лозунгом — «дружить со всеми, и ни с кем не враждовать». Учитывая новую геополитическую обстановку и антироссийские усилия Запада, Зимбабве продолжает придерживаться объективной позиции в отношении событий вокруг Украины, адекватно оценивая причины проводимой Россией специальной военной операции. Несмотря на давление извне, зимбабвийское правительство заявляет, что не намерено отступать от своих принципов и разделяет стремление российского правительства к построению полицентричного миропорядка на основе уважения интересов суверенных государств. Республика Зимбабве готова оказывать поддержку и содействие России⁶.

Российско-зимбабвийские отношения после принятия в ноябре 2017 г. решения правящей партии ЗАНУ-ПФ обновить состав руководства партии и правительства страны и утвердить на посту главы государства Э. Мнангагву не изменились. Президент Российской Федерации В. В. Путин не раз отмечал личный вклад президента Республики Зимбабве Эммерсона Мнангагвы в развитие сотрудничества и укрепление двусторонних связей. Зимбабвийский лидер посещал Россию с официальным визитом в 2019 г. В том же году и в 2023 г. он принимал участие в саммитах Россия — Африка, а также в мероприятиях «на полях» 26 и 27-го Петербургского международного экономического форума [7]. В 2025 г. зимбабвийский президент присутствовал на праздновании Дня Победы в Москве⁷.

Руководство Зимбабве решительно осуждает попытки изолировать Россию и политизировать деятельность отраслевых международных орга-

³ President headlines Sadc Anti-sanctions Day. URL: <https://www.heraldonline.co.zw/president-headlines-sadc-anti-sanctions-day/>

⁴ О встрече министра иностранных дел России С. В. Лаврова с министром иностранных дел и международной торговли Зимбабве А. Мурвиroy. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/zw/2067530/>

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. МИД России. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>

⁶ Zim takes principled stand on Russia. URL: <https://www.heraldonline.co.zw/zim-takes-principled-stand-on-russia/>

⁷ Russians honour war heroes. URL: <https://www.heraldonline.co.zw/russians-honour-war-heroes/>

низаций. Зимбабве поддерживает российские обращения относительно противодействия подобным инициативам в ФАО, ВОЗ, ЮНИСЕФ, ЮНВТО, ИКАО, МВФ, Международной организации труда, Международной организации по миграции, Всемирном почтовом союзе, Всемирной организации интеллектуальной собственности, Интерполе и Всемирной дорожной ассоциации. Россия и Зимбабве едины в осознании необходимости укреплять и расширять международное сотрудничество на основе центральной координирующей роли ООН, которая является глобальным многосторонним механизмом для согласования интересов государств и их действий по достижению целей Устава ООН и по обеспечению соблюдения закрепленных в нем общепризнанных принципов и норм международного права⁸.

Зимбабвийское правительство высоко оценивает усилия России в сфере обеспечения международной информационной безопасности и в борьбе с информпреступностью, проявляют повышенный интерес к работе профильной Рабочей группы ООН открытого состава. Ожидается, что совместные усилия двух стран станут более эффективными, когда будет удовлетворена заявка Зимбабве на место непостоянного члена СБ ООН на период 2027–2028 гг. Россия приветствует и интерес Зимбабве к БРИКС. Это государство выразило желание присоединиться к Новому банку развития⁹.

Россия и Зимбабве выступают соратниками и на идеологическом фронте. Отклик зимбабвийцев вызывает набирающая обороты антинеоколониальная повестка с упором на ответственность стран Запада за колониальное прошлое. во всех его формах — от экономического принуждения до политического давления [17]. Инициатива борьбы с современными практиками неоколониализма в новых геополитических условиях, выдвинутая в 2023 г. Всероссийской политической партией «Единая Россия», вызвала заметный отклик в Зимбабве¹⁰. Руководство ЗАНУ-ПФ принимало участие

во Втором Форуме сторонников борьбы с современными практиками неоколониализма в Москве в октябре 2023 г.

В свою очередь президент и Первый секретарь ЗАНУ-ПФ Э. Мнангагва представлял партию на заседании международного межпартийного «круглого стола» на тему: «Актуальные вопросы международной безопасности в условиях геополитической нестабильности» «на полях» Второго саммита Россия — Африка¹¹. Результатом совместной работы стало учреждение антиколониального движения «За свободу наций!». В 2024 г. в Москве прошел Первый международный форум «Единой России» «За свободу наций!». По приглашению председателя партии Д.А. Медведева в мероприятии принял участие в очном формате секретарь ЗАНУ-ПФ по международным делам С. Мубенггви¹².

В данной сфере видится значительный потенциал для развития сотрудничества с Зимбабве в многостороннем и двустороннем форматах. Партнеры заявляют о неприемлемости применяемых западными государствами двойных стандартов, менторства в отношении развивающихся стран, навязывания приоритетов социально-экономического развития и внешней политики¹³.

Существенной значимостью обладают крупные экономические проекты, реализуемые в Зимбабве крупными российскими предприятиями.

Россия представлена в Зимбабве компаниями по добыче алмазов, золота и платины. По результатам прошедших в 2018 г. переговоров АЛРОСА и руководства Республики Зимбабве было принято решение о запуске операционной деятельности в Зимбабве и открытии в стране дочерней компании АЛРОСА для реализации проектов по разведке, поиску и добыче полезных ископаемых с перспективой создания совместных алмазодобывающих и других горнорудных предприятий. На постоянной основе в африканской стране находятся геологи, горные инженеры и другие российские специалисты. В 2019 г. между компанией АЛРОСА и Национальной алмазодобывающей ком-

⁸ Zim-Russia ties unbreakable. URL: <https://www.heraldonline.co.zw/zim-russia-ties-unbreakable/>

⁹ Zim steps up push for BRICS membership. URL: <https://www.heraldonline.co.zw/zim-steps-up-push-for-brics-membership/>

¹⁰ Дмитрий Медведев: Форум сторонников борьбы с неоколониализмом призван защитить интересы тех, кто на протяжении многих веков выступал в качестве эксплуатируемой стороны. URL: <https://er.ru/activity/news/dmitrij-medvedev-forum-storonnikov-borby-s-neokolonializmom-prizvan-zashitit-interesy-teh-cto-na-protjazhenii-mnogih-vekov-vystupal-v-kachestve-ekspluatiruemoj-storony>

¹¹ Страны Африки поддержали решение «Единой России» о проведении Форума сторонников борьбы с неоколониализмом. URL: <https://er.ru/activity/news/strany-afriki-podderzhali-reshenie-edinoj-rossii-o-provedenii-foruma-storonnikov-borby-s-neokolonializmom>

¹² Эпоха однополярного миропорядка завершена: «Единая Россия» провела первый международный форум «За свободу наций!». URL: <https://er.ru/activity/news/epoha-odnopolyarnogo-miroporyadka-zavershena-edinaya-rossiya-provela-pervyj-mezhdunarodnyj-forum-za-svobodu-nacij>

¹³ Zim, Russia to fight neo-colonialism. URL: <https://www.heraldonline.co.zw/zim-russia-to-fight-neo-colonialism/>

панией Зимбабве (Zimbabwe Consolidated Diamond Company, ZCDC) было подписано соглашение о совместной разведке алмазов на территории Зимбабве. Геологоразведкой занимается совместное предприятие «Алроса Зимбабве» [7].

В 2019 г. между министерством горнодобывающей промышленности Зимбабве и российско-зимбабвийской компанией «Грейт Дайк Инвестмент» было подписано лицензионное соглашение о добыче полезных ископаемых в рамках проекта освоения платинового месторождения «Дарвендейл». В нем на паритетных началах сотрудничали дочерняя структура группы «Ви Холдинг» АО «Афромет» и Peneast Mining Company. В 2022 г. компания Vi Holding передала свою 50% долю в проекте зимбабвийской государственной компании Kuvimba Mining House¹⁴.

Интерес к развитию сотрудничества с Зимбабве проявляют и другие российские компании. В рамках реализации решений, принятых по итогам второго Саммита Россия — Африка в июле 2023 г. об оказании гуманитарной помощи ряду африканских государств, и в соответствии с поручением Президента Российской Федерации В.В. Путина в Республику Зимбабве осуществлена поставка на безвозмездной основе 25 тыс. тонн российской пшеницы. Одновременно группа компаний «Уралхим — Уралкалий» передала в дар зимбабвийцам 23 тыс. тонн минеральных удобрений [7].

В 2023 г. компания «Вертолеты России», входящая в Госкорпорацию «Ростех», поставила в Зимбабве по коммерческому контракту 18 вертолетов, оборудованных для полиции и использования в санитарной авиации [7].

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-ЗИМБАБВИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Развитие двустороннего сотрудничества России с Зимбабве, несмотря на благоприятные политические и экономические предпосылки и взаимную заинтересованность, сталкивается с рядом серьезных объективных проблем и вызовов.

Среди ключевых проблем выделяется продолжающееся негативное влияние западных санкций. США, Канада и Великобритания — бывшая метрополия на протяжении более двух десятилетий оказывают политическое и экономическое давление на Зимбабве через введенные еще в начале 2000-х гг. односто-

ронные санкции. Действуют целевые рестрикции в отношении политических лидеров и крупнейших компаний. Западные государства активно используют механизмы мягкой силы — финансирование оппозиционных НКО, критику Зимбабве в международных организациях, информационное давление через подконтрольные медиа, что существенно затрудняет экономическое развитие страны, ограничивает доступ к международным финансовым рынкам и серьезно осложняет привлечение иностранных инвестиций, включая российские¹⁵.

Препятствиями притоку российских инвестиций остаются внутренние проблемы Зимбабве. Среди них недостаточно благоприятный инвестиционный климат, обусловленный непрозрачностью правового регулирования и слабостью судебной системы, периодически возникающей макроэкономической нестабильностью с высокой инфляцией и проблемами с местной валютой, а также укоренившаяся системная коррупция на различных уровнях государственного аппарата¹⁶.

Современной России сложно составлять конкуренцию таким соперникам, как США, Китай или ЕС. Довольно значимым препятствием для развития отношений России с африканскими странами остается сложная геополитическая повестка. Банковские ограничения, запреты на операции с определенными товарами и услугами, а также блокирование доступа к финансовым инструментам со стороны западных стран затрудняют доступ к рынку Зимбабве [18].

Товарооборот России с Зимбабве в 2023 г. вырос почти в семь раз по сравнению с 2022 г. и достиг 167,8 млн долл. США¹⁷. Тем не менее в 2024 г. он составил всего 36,1 млн долл. США¹⁸ (рис. 1). Остается нереализованный потенциал качественного развития и существенного расширения торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Зимбабве в самых различных секторах экономики. Для сравнения, товарооборот России с рядом дру-

¹⁵ Two-decade-old U.S. sanctions leave Zimbabweans suffering, triggering protests (11.07.2022) URL: <https://english.news.cn/20220711/5ed659ab8a7e40c5a2baa116589bcede/c.html>.

¹⁶ New ZACC Commissioners pledge ethical leadership and action (20.10.2025). URL: <https://zbcnews.co.zw/new-zacc-commissioners-pledge-ethical-leadership-and-action/>.

¹⁷ Гончарук Д. Матвиенко: Товарооборот между Россией и Зимбабве за год вырос почти в семь раз. Российская газета. URL: https://rg.ru/2024/09/19/matvienko-tovarooborot-mezhdu-rossiej-i-zimbabve-za-god-vyros-pochti-v-sem-raz.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F

¹⁸ Официальный сайт Посольства России в Зимбабве. URL: https://zimbabwe.mid.ru/about_zimbabwe/

¹⁴ Ibid.; Волкова Ю. Компания Машицкого вышла из платинового проекта в Зимбабве. РБК. (07.06.2022) URL: <https://rbc.ru/business/07/06/2022/629efb0f9a7947f639795c57>.

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика внешней торговли Зимбабве за 2023–2024 гг., в млрд долл. США / Zimbabwe's foreign trade dynamic in 2023–2024, USD bn.

Источник / Source: Zimbabwe National Statistics Agency.

гих африканских государств исчисляется сотнями миллионов, а в отдельных случаях — миллиардами долларов (Египет — 4,2 млрд долл. США, Алжир — 3 млрд долл. США, Марокко 1,2 млрд долл. США)¹⁹. Структура двусторонней торговли с Зимбабве при этом остается весьма ограниченной и не диверсифицированной. Основу российского экспорта составляет пшеница — важнейший, но не единственный товар, который Россия могла бы поставлять на зимбабвийский рынок [7].

Зимбабвийцы экспортируют в разные страны преимущественно минеральное сырье и сельхозпродукцию. Импортируют промышленное, транспортное и высокотехнологичное оборудование, удобрения, продовольствие и медикаменты. Ведущие торговые партнеры — ЮАР, Китай, ОАЭ, Индия, Великобритания, США, ЕС²⁰.

Экспортные доходы Зимбабве в 2025 г. в большей степени сосредоточены на дорогостоящих товарах. На золото в виде полуфабрикатов приходится 42,4% от общего объема экспорта. Далее следуют табак 23,7% и никелевые изделия 17%. В региональной торговле в рамках Сообщества развития Юга

Африки (САДК) преобладали никелевые изделия, на долю которых приходилось 74,6% экспорта в сообщество. Лидирующую позицию в зимбабвийском экспорте в ЕС занимал табак с долей 68,3% поставок в страны блока²¹.

Ведущим поставщиком товаров в Зимбабве в 2025 г. продолжает оставаться ЮАР, обеспечивая 39,2% от общего объема импорта. Другими крупными торговыми партнерами являются ОАЭ, Китай, Багамские острова и Бахрейн²² (рис. 2).

Зимбабве экспортирует в Россию преимущественно табачное сырье и некоторые виды тропических фруктов. Номенклатура взаимной торговли могла бы быть значительно шире, например промышленное оборудование, технологии, полезные ископаемые, драгоценные металлы, сельскохозяйственная продукция. Остаются серьезные логистические сложности и инфраструктурные ограничения. Географическая удаленность России и Зимбабве остается объективным фактором, существенно осложняющим логистику [6].

Республика Зимбабве, не имея выхода к морю, вынуждена полагаться на транзитные коридоры через соседние страны — Мозамбик, ЮАР, Намибию, — что усложняет бюрократические процедуры и повышает расходы. Состояние транспортной инфраструктуры в Зимбабве и в транзитных государствах зачастую оставляет желать лучшего.

Из-за этого повышается стоимость и снижается конкурентоспособность российских товаров на зимбабвийском рынке по сравнению с продукцией из географически более близких стран, таких как ЮАР или ОАЭ. Аналогично, зимбабвийская продукция может оказаться непривлекательной для российского рынка из-за высокой стоимости доставки [18].

Особенно замедляет расширение экономического присутствия России в Зимбабве и в Африке в целом отсутствие капитализированных финансовых институтов, способных оказывать системную, долгосрочную государственную поддержку российскому бизнесу на этом континенте.

Китайские банки развития и западные экспортно-кредитные агентства предоставляют компаниям из своих стран льготное финансирование, страхование рисков, гарантии по кредитам. Но российские финансовые механизмы поддержки экспорта и зарубежных инвестиций пока развиты недостаточно.

¹⁹ Россия и Африка установили рекорд по товарообороту. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/11/11/1074078-rossiya-i-afrika-ustanovili-rekord-po-tovarooborotu>.

²⁰ OEC. URL: <https://oec.world/en/profile/country/zwe>

²¹ Zim breaks export record as earnings top USD bn again (13.01.2026). URL: <https://www.heraldonline.co.zw/zim-breaks-export-record-as-earnings-top-us1bn-again/>

²² Там же.

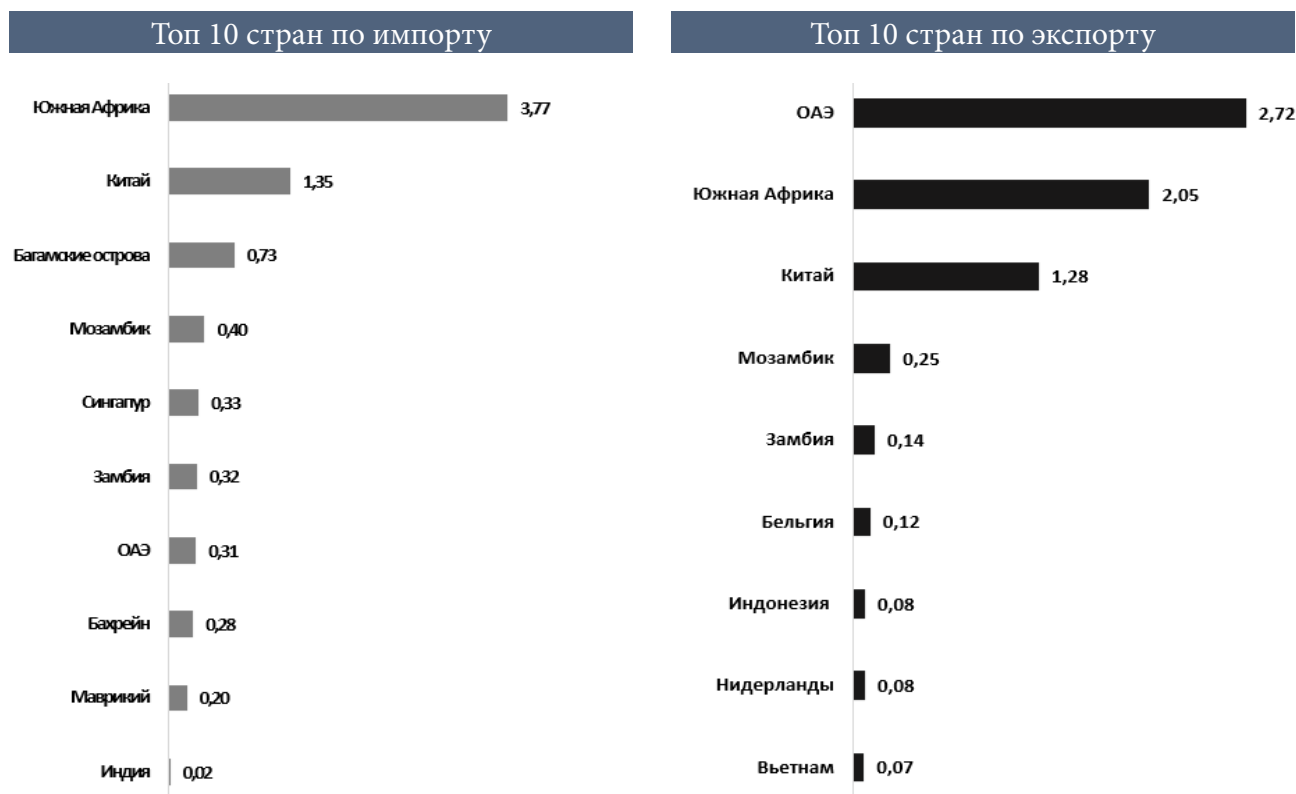

Рис. 2 / Fig. 2. Объемы импорта и экспорта Зимбабве в 2025 г., в млрд долл. США/
Zimbabwe's import and export volume in 2025, USD bn

Источник / Source: составлено автором по / compiled by the author on Zimbabwe National Statistics Agency, Trademap.org

Институциональная слабость зимбабвийской экономики отпугивает российский бизнес. Отсутствие налаженных механизмов страхования грузов и торговых операций также сдерживает развитие коммерческих связей.

Россия и Зимбабве сталкиваются с интенсивным информационным давлением, направленным на подрыв их суверенитета, дискредитацию руководства, делегитимацию политического курса и изоляцию на международной арене [19, 20]. Эффективное противодействие попыткам дискредитации и изоляции требует не только активной, профессиональной информационной работы, но и формирования независимой базы знаний об Африке, ее истории, культуре, политических процессах, экономических реалиях и актуальных проблемах. Многие африканские исследователи, общественные деятели нового поколения говорят, что выход из неокOLONиального подчинения, обретение суверенитета начинается с «деколониации мышления» — глубокого, фундаментального пересмотра интеллектуальных парадигм, освобождения сознания от концептуальных рамок, критического переосмысления того, что считается «нормой», «прогрессом», «развитием», «демократией». Для России расширение и углубление собственной экспертно-аналитической базы

по Африке, включая Зимбабве, становится стратегической задачей [7].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате проведенного исследования текущего состояния и проблем развития российско-зимбабвийских отношений автором проанализированы исторические факторы советской внешней политики на Юге Африки, которые находят отражение в современных российско-зимбабвийских отношениях; выявлены ключевые барьеры, препятствующие полноценной реализации двусторонних взаимоотношений, выражающиеся в первую очередь в санкционном давлении со стороны коллективного Запада; проведена оценка актуального состояния двусторонних связей России и Зимбабве, которая позволяет свидетельствовать об имеющемся потенциале в укреплении взаимовыгодного сотрудничества.

ВЫВОДЫ

Динамично развивающееся сотрудничество России с Зимбабве переживает период выхода на качественно новый уровень зрелого стратегического партнерства, обусловленного схожестью фундаментальных национальных интересов обеих стран

в том, что касается формирования справедливого многополярного миропорядка.

Россия и Зимбабве под давлением коллективного Запада подвергаются незаконным экономическим санкциям и информационной войне, что создает основу для совместного противостояния внешнему давлению.

Основные препятствия связаны с географической удаленностью, отсутствием прямого транспортного сообщения и высокими логистическими издержками. Серьезными проблемами также являются ограниченная платежеспособность зимбабвийских импортеров, дефицит иностранной валюты, инфляция и нестабильность национальной валюты. Остается информационное и дипломатическое давление со стороны США, Великобритании и ЕС, направленное на дискредитацию России.

Однако возможности для расширения экономического партнерства остаются во многом нереализованными. Реалистичной задачей представляется увеличение товарооборота посредством перехода к торговле высокотехнологичными товарами, машинами и оборудованием, созданию совместных производств.

Укрепление сотрудничества в сфере безопасности, гуманитарные, образовательные и научно-технические обмены, а также активное использование многосторонней платформы, такой как Форум партнерства Россия — Африка, открывает новые горизонты для двустороннего взаимодействия.

Создание независимой финансовой инфраструктуры взаиморасчетов становится приоритетом. Переход на расчеты в национальных валютах позволил бы снизить зависимость от доллара и преодолеть санкционные ограничения. Развитие прямых корреспондентских связей между банками двух стран выглядит логичным шагом.

Политическая стабильность в Зимбабве остается фактором неопределенности для долгосрочного планирования. Смена политического руководства может привести к пересмотру внешнеполитических приоритетов. Устойчивость российско-зимбабвийского партнерства зависит от способности зимбабвийского правительства сохранить курс на диверсификацию внешних связей, несмотря на давление извне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сосновская О.И., ред. Проблемы развития ЮАР и Зимбабве: Сб. Москва: Memories; 2007:174. URL: <https://elibrary.ru/qoharf>
2. Шубин В.Г. Судьбы Зимбабве. Москва: Институт Африки РАН; 2015. 158 с. URL: <https://search.rsl.ru/record/01008064375?ysclid=molhsib04d571698966>
3. Шубин В.Г. Горячая «холодная война». Юг Африки (1960–1990 гг.). Москва: ЯСК; 2013. 368 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/record/01006616564>
4. Харитоновна Е.В., Тищенко С.М. Зимбабве на перепутье. *Азия и Африка сегодня*. 2011;3:34-38. URL: <https://elibrary.ru/onsoov>
5. Шубин В.Г. Зимбабве, кризис преодолен? *Азия и Африка сегодня*. 2012;5,6:23-25. URL: <https://elibrary.ru/ozdjzx>
6. Ровчак П.Ю. Перспективы развития отношений России со странами Африки: дис. ... канд. полит. наук. Москва; 2022. URL: <https://elibrary.ru/xdzfty>
7. Шаламов Г.Г. Национально-государственные интересы Российской Федерации в регионе Африки к Югу от Сахары в условиях глобализации: дис. ... канд. полит. наук. Москва; 2019. URL: <https://elibrary.ru/ncnhqj>
8. Токарев А.А., Горелик Б.М., ред. Зимбабве: на пути устойчивого развития. Сб. статей. Москва: Институт Африки РАН; 2025. URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/zimbabwe_cover_2025.pdf
9. Виджаядаса С. Россия Африка: история и перспективы взаимоотношений. *Этнодиалог*. 2024;1(72):91-104. URL: <https://doi.org/10.37492/ETNO.2024.72.1.004>
10. Гонта С.Н. Война в Родезии (1965–1979): борьба с террористами или гражданский конфликт? *Genesis: исторические исследования*. 2023;7:45-57. URL: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2023.7.43415>
11. Краснопецева Т.И. Зимбабве. Прошлое и настоящее. Москва: Наука; 1988:236. URL: <https://search.rsl.ru/record/01001407339?ysclid=molhqmf9w635248004>
12. Кузнецов А. Торговля России с Африкой: новые явления в условиях «войны санкций». *Международные процессы*. 2025;16(4):6-19. URL: <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.4.55.1>
13. Дейч Т.Л. Китай «завоевывает» Африку. Москва: Институт Африки РАН; 2014:382. URL: <https://elibrary.ru/thtryd>

14. Munene M. Freedom of the mind: The sine qua non of sovereignty in Africa. *Journal of the Institute for African Studies*. 2024;3:7-18. URL: <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-68-3-7-18>
15. Абрамова И. О. Африканское турне С. В. Лаврова: новые вызовы и перспективы российско-африканского сотрудничества. *Азия и Африка сегодня*. 2018;5(730):2-10. URL: <https://doi.org/10.31857/S086958732011002X>
16. Абрамова И. О., Амухава С. А., Борзова А. Ю. и др. Поворот Африки на «Восток» и интересы России. Москва: Институт Африки РАН; 2018. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009881006?ysclid=moli2ctltf90501279>
17. Владимиров Е. С. Анализ современного состояния взаимоотношений между Россией и странами Африки к югу от Сахары. *Инновации. Наука. Образование*. 2021;33:626-635. URL: <https://elibrary.ru/nrrgls>
18. Чакран А. А. Саммиты «Россия — Африка» в контексте меняющегося мира: взгляд с Африканского континента. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024;4:106-120. URL: <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-69-4-106-120>
19. Баринов А. К. Развитие транспортной инфраструктуры в Африке и возможности российско-африканского сотрудничества: дис. ... канд. эконом. наук. Москва: Институт Африки РАН; 2022. URL: <https://elibrary.ru/uztotn>
20. Кузьмина В. М. Стратегическое экономическое и внешнеполитическое партнерство Российской Федерации и Республики Зимбабве. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2025;15(5):10-27. URL: <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-5-10-27>

REFERENCES

1. Sosnovskaya O. I., ed. Problems of development of South Africa and Zimbabwe: Collection. Moscow: Memories; 2007:174. URL: <https://elibrary.ru/qoharf> (In Russ.).
2. Shubin V. G. The fate of Zimbabwe. Moscow: Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences; 2015. 158 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008064375?ysclid=molhsib04d571698966> (In Russ.).
3. Shubin V. G. The hot “cold war”. South Africa (1960–1990). Moscow: YASK; 2013. 368 p. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01006616564> (In Russ.).
4. Kharitonova E. V., Tishchenko S. M. Zimbabwe at the crossroads. *Asia and Africa Today*. 2011;3:34-38. URL: <https://elibrary.ru/onsoov> (In Russ.).
5. Shubin V. G. Zimbabwe, has the crisis been overcome? *Asia and Africa today*. 2012;5,6:23-25. URL: <https://elibrary.ru/ozdjzx> (In Russ.).
6. Rovchak P. Y. Prospects for the development of relations between Russia and African countries: dis. Cand. Sci. of Pol. Moscow; 2022. URL: <https://elibrary.ru/xdzfty> (In Russ.).
7. Shalamov G. G. National and state interests of the Russian Federation in the region of Sub-Saharan Africa in the context of globalization: dis. Cand. Sci. of Pol. Moscow; 2019. URL: <https://elibrary.ru/ncnhqj> (In Russ.).
8. Tokarev A. A., Gorelik. B. M., eds. Zimbabwe: Towards sustainable development. Moscow: Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences; 2025. URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/zimbabwe_cover_2025.pdf (In Russ.).
9. Vijayadasa S. Russia Africa: History and prospects of mutual relations. *Ethnodialogues*. 2024;1(72):91-104. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.37492/ETNO.2024.72.1.004>
10. Gonta S. N. The war in Rhodesia (1965–1979): The fight against terrorists or a civil conflict? *Genesis: Historical Research*. 2023;7:45-57. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2023.7.43415>
11. Krasnopevtseva T. I. Zimbabwe. Past and present. Moscow: Nauka Publ., 1988:236. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001407339?ysclid=molhqmf9w635248004> (In Russ.).
12. Kuznetsov A. Russia's trade with Africa: new phenomena in the context of the “war of sanctions”. *International processes*. 2025;16(4):6-19. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.4.55.1>
13. Deutsch T. L. China is “conquering” Africa. Moscow: Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 2014:382. URL: <https://elibrary.ru/thtryd> (In Russ.).
14. Munene M. Freedom of the mind: The sine qua non of sovereignty in Africa. *Journal of the Institute for African Studies*. 2024;3:7-18. URL: <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-68-3-7-18>
15. Abramova I. O. Sergey Lavrov's African tour: New challenges and prospects for Russian-African cooperation. *Asia and Africa Today*. 2018;5(730):2-10. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.31857/S086958732011002X>

16. Abramova I. O., Amuhaya C. A., Borzova A. Yu. and others. Africa's turn to the "East" and Russia's interests. Moscow: Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences; 2018. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009881006?ysclid=moli2ctltf90501279> (In Russ.).
17. Vladimirov E. S. Analysis of the current state of relations between Russia and sub-Saharan Africa. *Innovation. Science. Education*. 2021;33:626-635. URL: <https://elibrary.ru/nrrrgls> (In Russ.).
18. Chacran A. A. Russia-Africa Summits in the context of a changing world: A View from the African Continent. *Journal of the Institute for African Studies*. 2024;4:106-120. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-69-4-106-120>
19. Barinov A. K. The development of transport infrastructure in Africa and the possibilities of Russian-African cooperation: dis. Cand. Sci. Econ. M.: Institute of Africa, Russian Academy of Sciences; 2022. URL: <https://elibrary.ru/uztotn> (In Russ.).
20. Kuzmina V. M. Strategic economic and foreign policy partnership of the Russian Federation and the Republic of Zimbabwe. *Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management*. 2025;15(5):10-27. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-5-10-27>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Егор Владимирович Куропятник — аспирант, Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация
Egor V. Kuropatnik — PhD, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0005-4947-6936>

gosha051198@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 06.03.2026; после рецензирования 27.03.2026; принята к публикации 22.04.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 06.03.2026; revised on 27.03.2026 and accepted for publication on 22.04.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Хокку. Сравнительный анализ перевода человеком и искусственным интеллектом

Л.О. Микаллеф, М.А. Силантьева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Стремительное развитие систем нейронного машинного перевода актуализирует вопрос их применимости к художественным текстам, особенно к поэзии, которая характеризуется высокой степенью семантической компрессии и культурной обусловленности. Одним из наиболее сложных для перевода поэтических жанров является хокку, в котором смысл формируется за счет лаконичности, образности, культурных маркеров и принципов недосказанности. Число исследований в области автоматизированного перевода растет, однако сравнительный анализ переводов хокку, выполненных человеком и системами искусственного интеллекта, остается недостаточно разработанным. Цель статьи – выявить особенности и ограничения переводов японского жанра хокку, которые выполнены системами искусственного интеллекта, в сопоставлении с переводами, выполненными людьми. **Методы.** Исследование выполнено в формате качественного сравнительного анализа. Материалом послужили семь хокку Мацуо Басё, для которых были рассмотрены пять вариантов перевода: два, выполненных людьми, и три – с использованием современных систем нейронного машинного перевода. Анализ проводился по ряду критериев: сохранение образной структуры, передача культурных реалий, степень экспликации исходного смысла, воспроизведение поэтической лаконичности и наличие интерпретационных добавлений. **Результаты.** Установлено, что переводы, выполненные искусственным интеллектом, характеризуются тенденцией к семантической экспликации и снижению уровня образной неопределенности. В ряде случаев наблюдается утрата культурно-специфических элементов и смещение акцентов, что приводит к изменению эстетического эффекта текста. Переводы, выполненные людьми, демонстрируют большую вариативность интерпретации при сохранении жанровых и культурных особенностей хокку. **Выводы.** Полученные результаты подтверждают, что современные системы искусственного интеллекта эффективны при передаче общего содержания, однако испытывают затруднения при воспроизведении поэтической многозначности и культурных имплицитов. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением корпуса текстов и разработкой гибридных моделей перевода, сочетающих автоматизированные и экспертные подходы. **Ключевые слова:** поэтический перевод хокку; лингвокультурная эквивалентность; японская поэзия; искусственный интеллект; нейронный машинный перевод

Для цитирования: Микаллеф Л.О., Силантьева М.А. Хокку. Сравнительный анализ перевода человеком и искусственным интеллектом. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(3):98-113. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-98-113

Haiku. A Comparative Analysis of Human and AI Translation

L.O. Micallef, M.A. Silantyeva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The rapid development of neural machine translation systems raises the question of their applicability to literary texts, especially poetry, which is characterised by a high degree of semantic compression and cultural conditioning. One of the most difficult poetic genres to translate is haiku, in which meaning is formed through conciseness, imagery, cultural markers, and the principles of understatement. The number of studies in the field of automated translation is growing, but comparative analysis of haiku translations performed by humans and artificial intelligence systems remains underdeveloped. **Objectives.** The aim of the research is to identify the characteristics and limitations of translations of Japanese haiku by artificial intelligence systems in comparison with translations by humans. **Methods.** The study was conducted in the form of a qualitative comparative analysis. The material consisted of seven haiku by Matsuo Basho, for which five translation options were considered: two performed by humans and three using modern neural machine translation systems. The analysis was conducted according to a number of criteria: preservation of the figurative structure, transmission of cultural realities, degree

of explication of the original meaning, reproduction of poetic conciseness, and the presence of interpretative additions. **Results.** It was found that translations performed by artificial intelligence tend to emphasize semantic explanation and reduce the level of figurative ambiguity. In a number of cases, there is a loss of culturally specific elements and a shift in emphasis, which leads to a change in the aesthetic effect of the text. Translations performed by humans demonstrate greater variability in interpretation while preserving the genre and cultural characteristics of haiku. **Conclusions.** The results confirm that modern artificial intelligence systems are effective in conveying general content but have difficulty reproducing poetic ambiguity and cultural implicatures. Prospects for further research are linked to the expansion of the text corpus and the development of hybrid translation models that combine automated and expert approaches.

Keywords: poetic translation of haiku; linguistic and cultural equivalence; Japanese poetry; artificial intelligence; neural machine translation

For citation: Micallef L.O., Silantyeva M.A. Haiku. A comparative analysis of human and AI translation. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(3):98-113. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-98-113

ВВЕДЕНИЕ

Развитие нейронных языковых моделей и их активное внедрение в практику машинного перевода ставят перед современным языкознанием задачу переосмысления границ автоматизированного понимания и интерпретации художественного текста. В условиях цифровизации гуманитарных наук особую актуальность приобретает исследование поэтического перевода, требующего сохранения культурных и эстетических констант оригинала.

Хокку — жанр японской поэзии — концентрирует в себе философию недосказанности, идею слияния человека с природой и минималистичную образность, что делает его уникальным объектом для исследования возможностей искусственного интеллекта в сфере художественного перевода. Несмотря на то, что технологии машинного перевода достигли высокого уровня развития, передача культурно-философского содержания поэтических текстов остается одной из наименее изученных проблем современного переводоведения.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью выявления пределов и потенциала нейросетевых моделей при работе с текстами, насыщенными культурными смыслами, а также потребностью в уточнении критериев лингвокультурной эквивалентности в условиях взаимодействия человека и искусственного интеллекта. В научном сообществе усиливается интерес к проблеме когнитивных различий между человеческим и машинным переводом, однако специфика интерпретации поэтических жанров, в частности хокку, остается недостаточно исследованной.

Объектом исследования выступает процесс поэтического перевода хокку.

Предметом исследования являются лингвокультурные особенности передачи поэтических и философских смыслов в переводах, выполненных человеком и нейросетевыми системами.

Цель исследования — определить закономерно-сти передачи культурно-философских кодов япон-

ского хокку в переводах, выполненных человеком и искусственным интеллектом.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- охарактеризовать эстетические и философские особенности жанра хокку как объекта поэтического перевода;
- определить теоретические основы и критерии лингвокультурной эквивалентности художественного текста;
- провести сравнительный анализ переводов хокку, выполненных человеком и нейросетевыми моделями, выявив их общие и различительные стратегии;
- сформулировать выводы о специфике репрезентации культурных кодов и эстетических элементов оригинала в переводах различной природы.

Материалом для исследования послужили семь хокку Мацуо Басё: «На обочине», «Хокку о вороне», «Старый пруд», «Бедный горный храм», «Хокку о светлячке», «Колос ячменя», «И для глаз бедняка». Для анализа также были использованы переводы данных хокку, выполненные поэтом-переводчиком и исследователем японской классической литературы Верой Марковой либо поэтом-переводчиком Дмитрием Смирновым-Садовским с примечаниями Исао Ясуды; человеком, владеющим знанием японского языка на уровне N3¹; нейросетевыми системами ChatGPT, DeepSeek и Deep L.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области исторических корней и жанровой специфики хокку, философии недосказанности и роли культурных кодов японской традиции (Е.М. Дьяконова, Т. Pignocchi), особенностей поэтики и эстетики *хайку* (А. Долин, В.Ю. Злыгостев), поэтического перевода с участием искусственного интеллекта (М.В. Норец, А.В. Рейнова), а также работы, посвященные проблемам искусственного

¹ Средний уровень владения языком по системе JLPT (Japanese Language Proficiency Test).

интеллекта и технологиям машинного перевода (К. К. Колин, А. А. Хорошилов, Ю. В. Никитин, С. И. Пшеничный; М. Б. Раренко).

Методологической основой исследования являются лингвокультурные подходы. Основной метод — качественный сравнительный анализ текстов. Исходные хокку сопоставляются с переводами человека и искусственного интеллекта по критериям семантической эквивалентности, сохранения образности, ритма и эстетического эффекта. Применены методы описательного лингвистического анализа и поэтической критики, что обеспечило комплексное рассмотрение лингвистических и культурно-философских факторов перевода.

Практическая значимость состоит в выработке рекомендаций для перевода художественных текстов. Результаты демонстрируют стратегии, позволяющие сохранить поэтический замысел при переводе хокку, что может быть полезно переводчикам и педагогам. Кроме того, выявленные ограничения искусственного интеллекта, а конкретно механический характер DeepL и концептуальность DeepSeek, полезны для совершенствования алгоритмов. Предложенная гибридная модель перевода, объединяющая точность нейросети и профессионализм человека, имеет прикладное значение.

ОБСУЖДЕНИЕ

Хокку представляет собой краткое японское стихотворение, которое стало квинтэссенцией восточной поэтической философии [1]. Оно состоит из 17 слогов, организованных в три строки по схеме 5–7–5, однако за этой лаконичностью и краткостью скрывается глубинная эстетика японской культуры [2]. Она ориентирована на переживание мгновения, интуитивное слияние с природой и выражение внутреннего состояния через минимальные вербальные средства. Мацуо Басё, основатель жанра хокку, ввел в японское стихотворение элементы дзэн-буддийского мировоззрения, то есть сочетание эфемерности, пустоты (идея му ‘ничто’) и скрытой, глубинной красоты, не поддающейся прямому выражению (*югэн* ‘скрытый’, ‘уединенный’) [3].

Хокку является культурным кодом, глубоко укорененным в японской картине мира. Оно выражает особое отношение к бытию, времени и природе, характерное для традиционной японской культуры. Хокку можно рассматривать как способ медитативного постижения реальности: поэт становится свидетелем мгновенного переживания, а хокку является фиксацией неуловимого момента [4]. В хокку нет повествования, развития сюжета или логического

вывода, есть только мгновенное озарение (*сатори* ‘внезапное прозрение истины без опоры на рациональные конструкции, которое фиксирует уникальный момент бытия’).

Важнейшей чертой философии хокку является недосказанность. Поэт намеренно передает часть творческого акта читателю, позволяя ему додумывать, чувствовать, догадываться. Данный прием развивает читательскую пронизательность, побуждая не просто читать, но переживать само произведение изнутри. Хокку представляет собой намек, поэтический жест в сторону истины, скрытой за пределами слов, где чем меньше слов, тем больше смысла [5].

Хокку не может существовать без *киго* ‘сезонное слово’. Киго — это лексема или образ, которые обозначают определенное время года, и обязательно присутствуют в хокку. Киго формирует у читателя культурно и эмоционально насыщенное поле ассоциаций, связанное с природными циклами. [3].

В хокку можно говорить о существовании двух планов: всеобщего, космического и конкретного, предметного. Мацуо Басё называл их *фуэки-рюко* ‘вечное-текущее’. Первый план соотносит хокку с миром природы, а второй план — это мир четко обрисованных вещей. Два данных плана необходимы для побуждения читателя к осмыслению и воссозданию скрытого смысла методом сопоставления [6].

«Художественный перевод сочетает в себе сложный психосемиотический процесс восприятия смысла исходного текста и семиозиса — обозначения художественной информации средствами переводящего языка и культуры» [7]. В переводе хокку важно выразить идею в минималистичной форме, отразить сезонность, оставить пространство для размышлений и передать мгновенное ощущение [8]. Одним из наиболее востребованных инструментов в переводе и межъязыковой коммуникации стал нейронный машинный перевод (Далее — НМТ) [9]. Данный вид перевода обладает такими преимуществами, как быстрая скорость и высокий уровень эффективности, доступность и понятность использования, доступ к получению информации в разнообразных сферах, однако принцип работы НМТ ставит вопрос о его возможностях и ограничениях при работе с поэтическими произведениями [10].

НМТ основывается на идее, что языковая обработка может быть реализована с помощью глубоко обученных искусственных нейронных сетей, которые проходят через большие массивы параллельных текстов (корпусов) и усваивают вероятностные закономерности между языками [11]. Стоит отметить, что результат нейронного перевода может быть

Переводы хокку «На обочине» / Translations haiku “By the roadside”

Стих на японском языке / The original text	Перевод / Translation				
	Д. Смирнова-Садовского с прим. Исао Ясуды	Человека, изучающего японский язык 5 лет	ChatGPT	DeepSeek	DeepL
道の辺の木槿は 馬に喰はれけり	На обочине щиплет моя лошадка цветы мукугэ [13]	У края дороги гипбискус съеден лошадью	У дороги конь объел куст алтея. Прощай, цветок	У края пути / Гипбискус.../ Конь объел	Дорожные кусты были съедены лошадьми

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

грамматически правильным, но он лишен прагматического смысла, поскольку модель не обладает механизмами полноценного смыслообразования [10]. Она не может опираться на фоновые знания или культурную компетенцию, не видит подтекста и не распознает пресуппозиции, которые связывают текст и делают его более глубоким [12]. Для исследования сравнения переводов, выполненных человеком и искусственным интеллектом, были выбраны следующие системы:

ChatGPT и DeepSeek — это большие языковые модели, основанные на архитектуре трансформеров. Трансформеры обрабатывают текст целиком и имеют механизм внимания, что позволяет им учитывать контекст и различать, какие части текста важнее².

DeepL является комплексной платформой языкового искусственного интеллекта, который был основан на собственных данных компании с привлечением профессиональных лингвистов и переводчиков. Как указано на официальном сайте, DeepL содержит лишь некоторые элементы архитектуры трансформера, например, механизм внимания, однако точная архитектура остается неизвестной³.

Далее проведен лингвокультурный сравнительный анализ переводов хокку. Этот метод позволяет сопоставлять оригинальные тексты и их переводы по критериям семантической эквивалентности, сохранения образности, ритмической организации и эстетического воздействия. Исследование построено на анализе переводов семи хокку Мацуо Басё, выполненных разными участниками: поэтом-переводчиком и исследователем японской классической литературы Веры Марковой,

поэтом-переводчиком и композитором Дмитрием Смирновым-Садовским с комментариями Исао Ясуды, человеком, владеющим японским языком на уровне N3, а также системами искусственного интеллекта ChatGPT, DeepSeek и Deep L. Для проведения лингвокультурного сравнительного анализа был сформирован корпус из семи хокку Мацуо Басё. В корпус вошли тексты, которые различаются по типу доминирующих образов: визуальные («На обочине», «Хокку о вороне»), аудиальные («Старый пруд», «Бедный горный храм»), тактильные («Хокку о светлячке») и комплексные («Колос ячменя», «И для глаз бедняка»). Данный подбор материала позволяет выявить, как типы образов и культурных маркеров отражаются в переводах, выполненных людьми и нейросетевыми системами, а также проследить повторяющиеся стратегии и типовые трансформации НМТ.

Хокку «На обочине» представляет собой трехстишие с паузой, задающей характерную для жанра ритмико-интонационную структуру и созерцательную перспективу. В оригинале композиция основана на противопоставлении статичной пространственной локализации и динамического действия, в котором проявляется философия мгновенного озарения (табл. 1).

Профессиональный перевод Дмитрия Смирнова-Садовского демонстрирует точную передачу композиции хокку, так как трехстрочная организация сохранена, синтаксические разрывы воспроизводят паузы исходного текста, а внутренняя структура обеспечивает эффект остановленного взгляда. Переводчик сохраняет сезонное слово «мукугэ», не заменяя его нейтральным названием растения. Такая стратегия форенизации, то есть сохранение черт оригинала с акцентом на иностранные языковые и культурные ценности, позволяет удержать культурную

² Микаллеф Л.О., Когнитивистика. Современные теории: учебник. Москва: КноРус; 2026.

³ DeepL Team. How does DeepL work? DeepL Blog, 2021. URL: <https://www.deepl.com/en/blog/how-does-deepl-work>

специфику оригинала и сохраняет ассоциативную связь с японской поэтической традицией, в которой гибискус маркирует определенное время года [14].

В переводе человека с уровнем владения японским языком N3 структурная форма утрачена. Текст оформлен как одно синтаксически завершённое предложение, в результате чего исчезает интонационная пауза. Термин «мукугэ» заменен нейтральным переводом «гибискус». Перевод, выполненный нейросетью ChatGPT, формально воспроизводит трехстрочную структуру, однако добавляет строку «Прощай, цветок», отсутствующую в оригинале, что является примером экспликации имплицитного содержания: явление, при котором переводчик добавляет семантические компоненты, невыраженные в оригинале, с целью правильного восприятия читателем [15]. Система явно выражает эмоционально-прагматический компонент, который в исходном тексте лишь подразумевается. Выбор лексемы «куст алтея» свидетельствует о правильном распознавании реалии.

Перевод нейросети DeepSeek сохраняет трехстрочность, но за счет чрезмерного сокращения лексических связей между элементами теряет когезию, то есть связность и цельность текста. В переводе сохраняется упоминание гибискуса, и, в целом, лексическая часть передана корректно.

Однако происходит подмена реалии, так как алтей и гибискус относятся к разным культурным ассоциативным полям, и киго исчезает. Данная стратегия адаптации снижает лингвокультурную насыщенность текста.

Нейросетевая модель DeepL передает содержание как нейтральное повествование, превращая наблюдение в обобщенный факт и устраняя ви-

зуальный кадр и киго. Данный вариант перевода иллюстрирует тенденцию нейросетевых переводчиков к выравниванию синтаксических структур и к редукции поэтической формы.

Таким образом, по всем параметрам эквивалентности профессиональный перевод оказывается наиболее адекватным, в то время как машинные версии демонстрируют частичную утрату культурных и философских импликаций оригинала.

«Хокку о вороне» (табл. 2) представляет собой пример статичной визуальной композиции, в которой смысл формируется за счет минимального набора образов и их соотношения с сезонным маркером. Центральным элементом текста является фигура ворона на голой ветке, которая ассоциируется с одиночеством и остановкой времени, тогда как киго «осенний вечер» задает тон завершения.

Перевод Веры Марковой демонстрирует профессиональную и точную передачу композиционной и семантической структуры оригинала. Трехстрочная форма сохранена, образ ворона передан без интерпретационных добавлений, а прилагательное «одинокое» выполняет функцию экспликации, не нарушающей принципа недосказанности. Киго «осенний вечер» воспроизведено напрямую, что обеспечивает сохранение сезонного кода текста.

Перевод человека с пятилетним опытом изучения японского языка сохраняет все ключевые образы и близок к буквальному прочтению оригинала. Формулировка «одинокий ворон» точно передает образ. Однако текст оформлен как два предложения вместо трехстрочной структуры, что нарушает ритмическую организацию хокку. Отсутствие графического разделения между образом ворона и указанием на осенний вечер снижает визуальный эффект.

Таблица 2 / Table 2

Переводы хокку «Хокку о вороне» / Translations haiku “On a withered branch”

Стих на японском языке / The original text	Перевод / Translation				
	В. Марковой	Человека, изучающего японский язык 5 лет	ChatGPT	DeepSeek	DeepL
かれ朶に烏のとまりけり秋の暮	На голой ветке ворон сидит одиноко. Осенний вечер [13]	На сухом суку сидит одинокий ворон. Осенний вечер	На сухой ветке ворон сел. Закат осени – все замирает	На сухой сук / Ворон присел одиноко. / Осенний вечер	На ветке сидит ворона, наступает осень

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Нейросетевая модель ChatGPT воспроизводит трехстрочную структуру, но добавляет четвертую строку «все замирает», отсутствующую в оригинале. Добавление строки усиливает эмоциональный компонент, но при этом смещает акцент с визуальной статики на субъективную оценку происходящего. Принцип недосказанности меняется на авторский комментарий, что противоречит принципу лаконизма хокку.

В варианте искусственного интеллекта DeepSeek формально сохранена трехстрочная композиция и ключевые элементы образа, однако лексическая избыточность («присел одиноко») приводит к экспликации того, что в оригинале выражено имплицитно. Перевод сохраняет общий тон текста, но утрачивает его лаконичность.

Перевод нейросетевой системы DeepL отличается максимальной нейтрализацией оригинального хокку. Использование слова «ворона» вместо «ворон» и обобщенная формулировка «наступает осень» трансформируют конкретный визуальный образ в абстрактное сообщение о времени года. Киго теряет эстетическую функцию, что существенно снижает художественную ценность перевода.

Таким образом, анализ показывает, что передача визуального образа представляет меньшую трудность для машинных систем по сравнению со звуковыми, однако сохранение эмоциональных коннотаций и композиционной структуры остается проблематичным.

Хокку «Старый пруд» (табл. 3) является одним из наиболее известных произведений Мацуо Басё и представляет собой пример звукового образа в японской поэзии. Композиция строится на контрасте между статичным образом старого пруда и динамичным действием — прыжком лягушки, заверша-

ющимся звуком всплеска. Киго здесь представлено лягушкой, традиционно ассоциирующейся с весной в японской поэтической традиции. Философский смысл хокку заключается в фиксации мгновенного нарушения тишины, что в контексте дзэн-буддизма может интерпретироваться как момент просветления.

Перевод В. Марковой демонстрирует высокую степень лингвокультурной эквивалентности. Трехчастная структура сохранена, синтаксические паузы строго воспроизводят ритм оригинала, а добавление словосочетания «в тишине» компенсирует отсутствие в русском языке формального маркера паузы, присутствующего в японском тексте. Данная компенсация усиливает созерцательный эффект.

Перевод человека с пятилетним опытом изучения японского языка утрачивает поэтическую структуру хокку. Слияние трех строк в одно повествовательное предложение устраняет паузу как смыслообразующий элемент. В результате текст превращается в нейтральную фиксацию события, лишенную эстетического напряжения и философской глубины.

Перевод, выполненный нейросетью ChatGPT, корректно воспроизводит трехстрочную форму и ключевые образы, однако замена «всплеска в тишине» на нейтральное «всплеск воды» снижает значимость акустического контраста и ослабляет эффект внезапного нарушения покоя, который является центральным для данного хокку.

В варианте перевода искусственного интеллекта DeepSeek формально сохранена трехчастная композиция, при этом использование конструкции «всплеск тишины» представляет собой смещение смысла. С одной стороны, перевод демонстрирует попытку передать метафоричность оригинала, с другой стороны, результат выглядит переосмысленным и отдаленным от минималистичной образности исходного текста.

Таблица 3 / Table 3

Анализ переводов хокку «Старый пруд» / Translations haiku “An ancient pond”

Стих на японском языке / The original text	Перевод / Translation				
	В. Марковой	Человека, изучающего японский язык 5 лет	ChatGPT	DeepSeek	DeepL
古池や 蛙飛 びこむ 水の音	Старый пруд. Прыгнула в воду лягушка. Всплеск в тишине [13]	Старый пруд, прыгнула лягушка, звук воды	Старый пруд. Лягушка прыгнула — всплеск воды	Старый пруд. / Лягушка прыгнула. / Всплеск тишины	Старый пруд, лягушка прыгает, звук воды

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Перевод нейросетевой системы DeepL отличается грамматической корректностью и точной передачей фактического содержания, однако демонстрирует нейтрализацию поэтической функции. Лексема «звук воды» не воспринимается как кульминационный момент переживания, что приводит к редукации эстетического эффекта хокку.

Таким образом, нейросетевые системы демонстрируют трудности в передаче функциональной роли паузы и акустического контраста. Профессиональный перевод остается наиболее адекватным с точки зрения передачи созерцательности текста.

Хокку «Бедный горный храм» (табл. 4) относится к числу текстов, в которых социальная и экзистенциальная образность выражена через акустические детали. Холод в данном хокку выступает как культурно-маркированный знак аскезы и лишения. Центральным образом становится звук — жалобный крик, усиливающий ощущение бедности и оторванности от мирской суеты.

Перевод Д. Смирнова-Садовского отличается высокой степенью эквивалентности. Сохранена структура, передана предметная конкретика («чугунный чан»). Эпитет «жалобный» не разрушает поэтической недосказанности. Перевод воспроизводит телесное ощущение холода как семантический компонент текста.

В варианте перевода человека с уровнем владения японским языком около N3 наблюдается пояснительный характер изложения. Добавление многоточия и конструкции «раздался холодный плач» усиливает эксплицитность и смещает текст в сторону повествовательного описания. При этом образ «бедного горного храма» подменяется более абстрактным «у горы бедняков», что ослабляет культурную привязку оригинала.

Перевод, выполненный искусственным интеллектом ChatGPT, демонстрирует типичную для генеративных моделей тенденцию к добавлению новых образов. Введение фигуры ворона, отсутствующей в оригинале, является интерпретационной вставкой, которая нарушает целостность образной системы хокку. Кроме того, финальная строка «Как же холодно» представляет собой прямую экспликацию телесного переживания, что устраняет созерцательный характер текста.

В переводе нейросети DeepSeek сохранена трехстрочная композиция и ключевые элементы, однако конструкция «в бедной гор котле» нарушает грамматическую связность, а образы воспринимаются как фрагменты, не объединенные в одну сцену.

Перевод нейросетевой системы DeepL снова демонстрирует тенденцию к нейтрализации поэтической сцены. Социальная и предметная конкретика редуцируется, и холод представлен как абстрактная характеристика («звучат холодно»). В результате утрачивается телесный и экзистенциальный аспект хокку, который является ключевым для его передачи при переводе произведения.

Таким образом, анализ данного хокку подтверждает, что при передаче социально и телесно маркированных образов нейросетевые системы склонны либо к интерпретационным добавлениям, либо к формальной фрагментации, либо к семантической нейтрализации. Профессиональный перевод сохраняет баланс между предметной конкретностью и философской сдержанностью, обеспечивая наибольшую степень лингвокультурной эквивалентности.

«Хокку о светлячке» (табл. 5) построено на сопоставлении стремления к свету и столкновения с болью. «Светлячок» функционирует в тексте как метафора. Попытка ухватить источник света во

Таблица 4 / Table 4

Анализ переводов хокку «Бедный горный храм» / Translations “A kettle at the Poor Temple”

Стих на японском языке / The original text	Перевод / Translation				
	Д. Смирнова-Садовского с прим. Исао Ясуды	Человека, изучающего японский язык 5 лет	ChatGPT	DeepSeek	DeepL
貧山の釜霜に 啼聲寒し	Бедный горный храм, ледяной чугунный чан — жалобный голос [13]	У горы бедняков котел покрыт инеем... Раздался холодный плач	В горной глуши в котле лед — и ворон кричит. Как же холодно	В бедной гор котле / Крики птиц на инее. / Холод пронзает	На бедных горах крики птиц звучат холодно

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Анализ переводов хокку «Хокку о светлячке» / Translations haiku "A fool in the dark"

Стих на японском языке / The original text	Перевод / Translation				
	В. Марковой	Человека, изучающего японский язык 5 лет	ChatGPT	DeepSeek	DeepL
愚に暗く茨を 掴む螢かな	«Что глупей темноты! Хотел светлячка поймать я – напоролся на шип» [13]	Хватаюсь за колючки в тьме невежественного мира. О, светлячок!	Глупо и слеповьется светлячок, хватая колючий куст	Во тьме глухой / Схватил колючку... / Светляк	Глупо и мрачно хвататься за тернии, как светлячки

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

тьме приводит к физическому контакту с колючками. Эстетический эффект хокку формируется через ироническое осмысление человеческого стремления к истине.

Перевод Веры Марковой оформлен как прямая речь от первого лица, что является интерпретационным решением, отсутствующим в оригинале. Переводчик сохраняет парадоксальную структуру оригинала, передает причинно-следственную связь между действием и результатом и использует экспрессивную интонацию, не разрушая лаконичность формы. Добавление восклицательной конструкции компенсирует культурно обусловленную иронию, не подменяя ее прямой моралью.

В переводе человека с пятилетним опытом изучения японского языка происходит существенное смещение смысла. Хокку интерпретируется как философское высказывание о «тьме невежественного мира», что отсутствует в оригинале. Конкретный образ заменяется абстрактным рассуждением, а поэтический парадокс утрачивает предметную основу.

Перевод, выполненный нейросетью ChatGPT, демонстрирует характерную для генеративных моделей тенденцию к переосмыслению метафоры. Светлячок превращается в активного субъекта («вьется светлячок»), тогда как в оригинале он является объектом стремления человека. В результате нарушается направленность метафоры и исчезает иронический эффект столкновения ожидания и результата.

В варианте искусственного интеллекта DeepSeek отсутствуют четкие логико-семантические связи между элементами произведения. Перевод производит впечатление фрагментарной реконструкции образов без восстановления целостного метафорического смысла.

Перевод нейросетевой системы DeepL демонстрирует максимальную степень абстрагирования.

Конкретная ситуация подменяется обобщенным нравоучительным высказыванием, а образ светлячка как метафоры исчезает. Подобная стратегия нейтрализует метафору и превращает хокку в суждение, что принципиально противоречит жанровой природе оригинала.

Таким образом, анализ данного хокку показывает, что при работе с метафорически насыщенными и парадоксальными текстами нейросетевые системы особенно часто демонстрируют либо смещение субъектно-объектных ролей, либо фрагментацию образов, либо абстрактную нейтрализацию смысла. Профессиональный человеческий перевод, напротив, сохраняет и предметность образа, и ироническую глубину текста.

В хокку «Колос ячменя» (табл. 6) важен контраст между мискантом, традиционно ассоциирующимся с манящим растением, и ячменем, который в тексте становится реальным источником притяжения кукушки. Смысловая напряженность создается за счет противопоставления традиционной символики и повседневной реальности, что отражает сочетание вечного и текущего.

Профессиональный перевод точно воспроизводит двойную структуру оригинала, так как оба растения упомянуты. Сохранение риторического обращения «о, кукушечка» придает тексту характерное для Мацуо Басё сочетание дистанции и эмоциональной вовлеченности. В результате достигается высокая степень эквивалентности, а также сохранение культурного кода, обеспечивающего контекстуальную интерпретацию.

В переводе человека с уровнем N3 реализуется генерализация: преобразование понятия с узким значением в понятие с широким значением. Перевод сводит всю сцену к расплывчатому «то ли в поле, то ли в травы», полностью устраняя мискант

Анализ переводов хокку «Колос ячменя» / Translations haiku “Barley field”

Стих на японском языке / The original text	Перевод / Translation				
	Д. Смирнова-Садовского с прим. Исао Ясуды	Человека, изучающего японский язык 5 лет	ChatGPT	DeepSeek	DeepL
郭公招くか麦のむら尾花	Колос ячменя – не мискант тебя зовет о, кукушечка! [13]	Кукушка манит – то ли в поле, то ли в травы	Кукушка зовет над полем ячменя, где качаются травы	Кукушка зовет? / Поля пшеницы... / Ключья мисканта	Кукушка зовет, а в поле овес цветет

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

и заменяя ячмень травами, что приводит к потере лингвокультурной насыщенности текста. Структура стиха выравнивается, и текст превращается в описательный фрагмент без философской глубины.

Перевод искусственного интеллекта ChatGPT сохраняет визуальный образ поля ячменя, но исключает мискант и устраняет отрицательную конструкцию. Тем самым сохраняется внешняя реалистичность, но исчезает оппозиция, формирующая смысловую динамику. Система передает конкретную сцену, но не воспроизводит ее культурную многослойность.

Нейросеть DeepSeek воспроизводит трехстрочную форму, но нарушает внутренние связи между элементами. Восприятие кукушки и полей пшеницы остается неясным, что создает эффект смысловой разорванности. В данном случае происходит формальное подражание структуре хокку без восстановления принципа взаимодействия контрастных образов.

В переводе нейросетевой модели DeepL замена ячменя овсом и опущение мисканта искажают культурный слой текста. Прагматический эффект оригинала, основанный на неожиданном смещении внимания с возвышенного на обыденное, исчезает. Перевод нейтрализует поэтическую неожиданность, заменяя ее нейтральным повествовательным сообщением.

Таким образом, данные наблюдения показывают, что машинные модели демонстрируют склонность к семантическому сглаживанию и к утрате символических элементов, тогда как профессиональный перевод сохраняет структурную и культурную двуплановость, являющуюся ядром оригинала.

Хокку «И для глаз бедняка» (табл. 7) строится на противопоставлении бедняка и колючего цветка

они-адзами, что буквально переводится как демон-чертополох. Эстетическое переживание красоты доступно даже социально незащищенному слою населения, но реализуется через грубый, колючий образ. Поэтический эффект достигается лаконизмом и двуплановостью.

В профессиональном переводе данная структура передана точно: трехчастная композиция сохранена. Перевод «они-адзами» методом калькирования, то есть переводом слов в словосочетаниях их лексическими соответствиями, как «демон-репейник» сохраняет коннотативное значение исходного слова. Наличие пауз между строками и отсутствие прямой авторской оценки позволяют сохранить принцип поэтической недосказанности и дают читателю пространство для интерпретации.

В переводе человека с уровнем N3 наблюдается потеря ключевой оппозиции. Повтор лексики «цветок» при отсутствии упоминания чертополоха нивелирует философский смысл высказывания, превращая его в констатацию факта. Эффект контраста между социальным и эстетическим планом исчезает, а прагматическая цель текста — подчеркнуть универсальность эстетического опыта — не реализуется.

Перевод нейросети ChatGPT сохраняет реализацию образа чертополоха, но добавляет эмоционально окрашенную конструкцию «по сердцу бедняку». Это усиливает эксплицитность эмоциональной реакции и нарушает принцип открытой интерпретации. Имплицитный смысл, который в оригинале восстанавливается читателем, становится явно выраженным. Нейросетевая система при переводе теряет философскую недосказанность и эстетическую сдержанность.

Вариант перевода искусственного интеллекта DeepSeek воспроизводит основные образы, но за-

Таблица 7 / Table 7

**Анализ переводов хокку Мацуо Басё «И для глаз бедняка» /
Translations of Matsuo Basho's haiku "Common eyes"**

Стих на японском языке / The original text	Перевод / Translation				
	Д. Смирнова-Садовского с прим. Исао Ясуды	Человека, изучающего японский язык 5 лет	ChatGPT	DeepSeek	DeepL
花は賤の目にも見えけり 鬼薊	И для бедняка в поле найдется цветок – демон-репейник [13]	И для глаз бедняка виден цветок – дьявольский цветок	Этот цветок и бедняку по сердцу – колючий чертополох	Цветы и для глаз / Простого люда видны – / Чертополох	Цветы видны даже невооруженным глазом

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

меняет индивидуального бедняка коллективным обозначением «простого люда», что смещает акцент с конкретного персонажа на обобщенную социальную группу. Это изменение приводит к трансформации коммуникативной структуры и к снижению прагматической точности, поскольку исходный текст апеллирует к универсальному, но индивидуально прочувствованному опыту.

Переводчик DeepL создает высказывание «Цветы видны даже невооруженным глазом», в котором отсутствуют и социальная оппозиция, и образ чертополоха. Происходит полная семантическая редукция, сокращение смысла и устранение культурно значимых элементов. Текст сохраняет только внешний признак доступности зрительного восприятия, что делает его функционально неэквивалентным оригиналу. С точки зрения перевода поэтического текста подобное выравнивание демонстрирует тенденцию нейросетевых систем к нейтрализации эстетической сложности и устранению многоплановости.

Таким образом, профессиональный перевод на более точно передает социально-эстетический контраст оригинала. Перевод человека с уровнем N3 утрачивает ключевую оппозицию, сводя хокку к нейтральной констатации. Нейросетевые системы демонстрируют различные типы искажения: ChatGPT усиливает эксплицитность эмоциональной оценки, DeepSeek смещает акцент с индивидуального опыта на обобщенный социальный план, а DeepL полностью нейтрализует образность и культурный смысл текста.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На основе семи хокку Мацуо Басё были проанализированы переводы, выполненные тремя нейросетевыми системами (ChatGPT, DeepSeek, DeepL), и зафиксированы наиболее частотные типы трансформаций, которые приводят к утрате лингвокультурной эквивалентности (табл. 8). В качестве единиц анализа рассматривались следующие типы трансформаций:

Таблица 8 / Table 8

**Частотность типовых трансформаций в переводах искусственного интеллекта /
Frequency of typical transformations in the translations of artificial intelligence**

Тип трансформации	ChatGPT	DeepSeek	DeepL
Утрата или нейтрализация киго	2	3	6
Экспликация	6	2	1
Добавление образов / строк	4	1	0
Фрагментация	1	5	2
Абстрагирование / обобщение	2	1	5

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

- 1) утрата или нейтрализация киго;
- 2) экспликация (добавление оценочных или пояснительных элементов);
- 3) добавление образов или строк, отсутствующих в оригинале;
- 4) фрагментация образной структуры;
- 5) абстрагирование и обобщение конкретного образа.

Полученные данные подтверждают качественные наблюдения и позволяют выявить системные различия между анализируемыми нейросетевыми моделями.

На *рис. 1* представлена частотность типовых трансформаций в переводах, выполненных нейросетевой системой ChatGP T.

ChatGPT демонстрирует наибольшую склонность к интерпретационной экспликации и добавлению новых образов, что связано с генеративной природой модели и ее ориентацией на прагматически завершенное высказывание.

На *рис. 2* отражены количественные показатели трансформаций, характерных для переводов, выполненных нейросетевой системой DeepSeek.

DeepSeek чаще всего характеризуется фрагментацией образной структуры, что отражает аналитический характер модели и ее ориентацию на формальное воспроизведение структуры без восстановления целостной поэтической сцены. Модели, специализирующиеся на азиатских языках, могут использовать

обучающие данные с меньшим объемом профессионально отредактированных русскоязычных текстов, что приводит к недостаточному усвоению правил падежного управления и синтаксического согласования.

На *рис. 3* представлены результаты анализа переводов нейросетевой системы Deep L.

DeepL демонстрирует наивысшую частотность нейтрализации киго и абстрагирования образов. Это указывает на приоритет лексико-грамматической корректности над сохранением культурных и эстетических маркеров, что делает систему менее пригодной для перевода поэтических текстов, основанных на минимализме и двуплановости.

Общим ограничением всех трех систем является отсутствие понимания культурного контекста. Нейросетевые модели работают с эмбедингами — векторными представлениями слов, основанными на их встречаемости в схожих контекстах обучающего корпуса [13]. Например, слово «мукугэ» или «микант» может иметь правильное векторное представление в пространстве японской лексики, но система не обладает знанием о его функции как сезонного маркера и о сети культурных ассоциаций, связанных с ним в традиции хокку.

Еще одним существенным ограничением является неспособность нейросетей «заниматься творчеством» при переводе. Человек-переводчик может осознанно выбирать между стратегиями форенизации (сохранение культурной специфики оригинала)

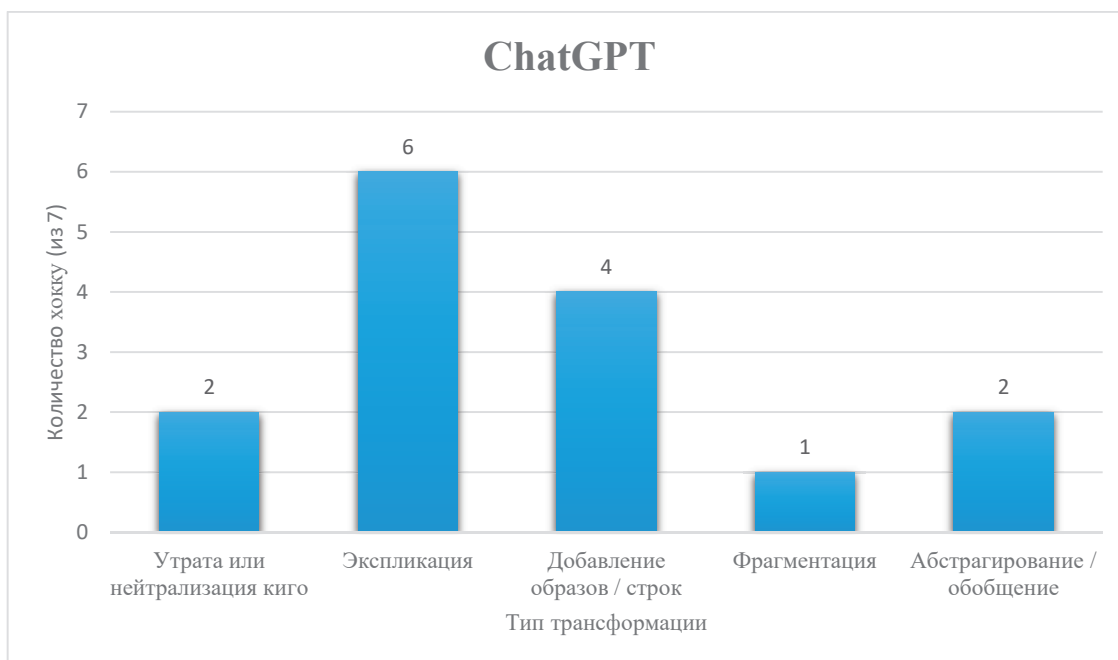

Рис. 1 / Fig. 1. Частотность типовых трансформаций в переводах нейросетевой системы ChatGPT (из 7 хокку) / Frequency of typical transformations in ChatGPT translations (of 7 haiku)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

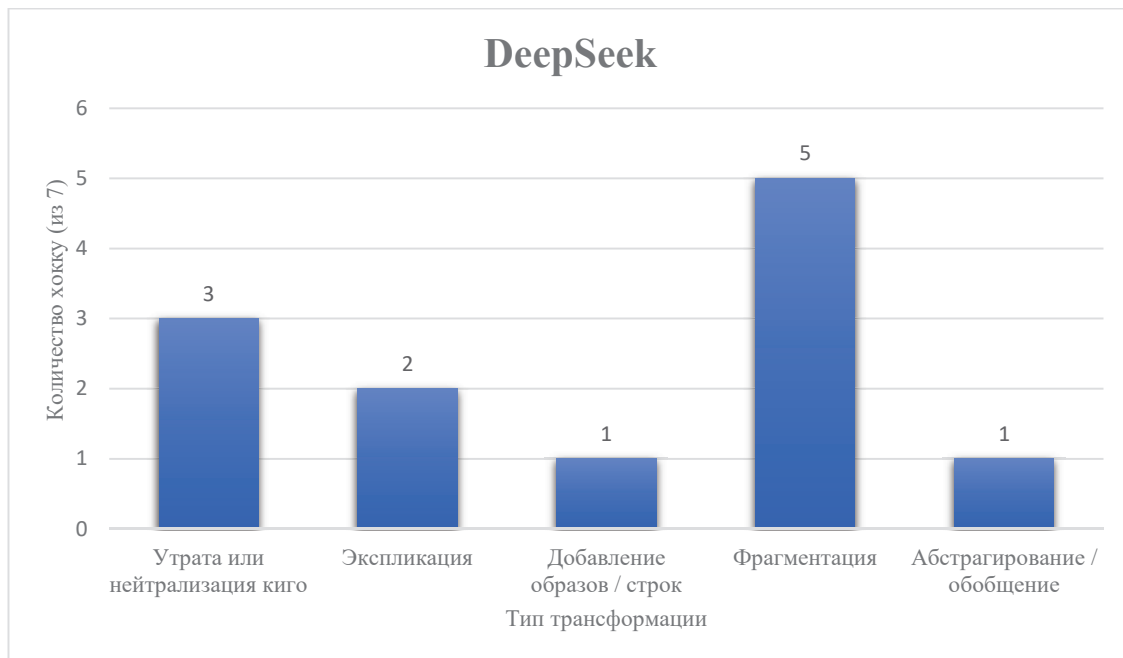

Рис. 2 / Fig. 2. Частотность типовых трансформаций в переводах нейросетевой системы DeepSeek (из 7 хокку) / Frequency of typical transformations in DeepSeek translations (of 7 haiku)

Источник / Source: составлено авторами / complied by the authors.

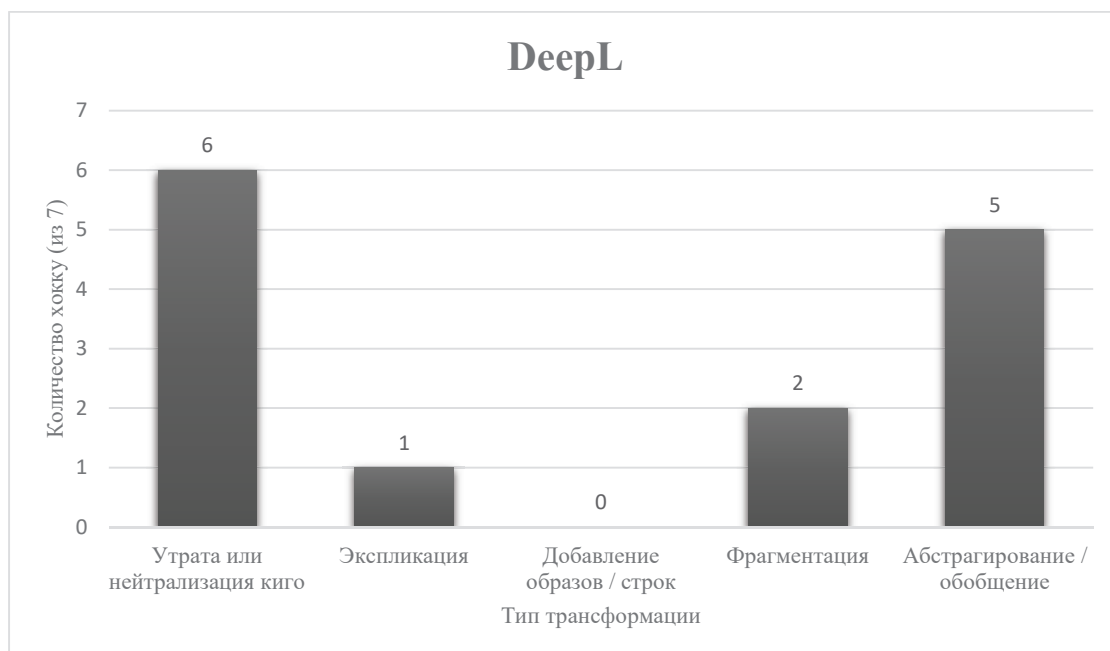

Рис. 3 / Fig. 3. Частотность типовых трансформаций в переводах нейросетевой системы DeepL (из 7 хокку) / Frequency of typical transformations in DeepL translations (of 7 haiku)

Источник / Source: составлено авторами / complied by the authors.

и доместикации (адаптация к культуре целевого языка) в зависимости от коммуникативной цели перевода. Нейросетевые модели не обладают возможностью анализировать, позволяющей оценить, какая стратегия уместна в конкретном случае, и действуют исключительно на основе вероятностных

закономерностей, выявленных в обучающих данных [7]. Это приводит к непоследовательности в выборе переводческих решений: система может сохранить киго в одном хокку и исключить его в другом без видимых причин, что свидетельствует об отсутствии целенаправленной переводческой стратегии.

Таким образом, количественный анализ подтверждает, что различия между переводами нейросетевых систем носят не случайный, а системный характер и обусловлены архитектурой моделей и принципами их обучения.

Настоящее исследование имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации полученных результатов. Прежде всего, корпус анализа ограничен семью хокку Мацуо Басё, что не позволяет в полной мере охватить жанровое и стилистическое разнообразие японской поэзии. Несмотря на репрезентативность выбранных текстов, расширение корпуса за счет произведений других авторов и тематических типов хокку могло бы повысить обобщаемость выводов.

Вторым ограничением является характер используемых нейросетевых систем. Рассмотренные модели (ChatGPT, DeepSeek, DeepL) не были специально обучены на поэтических корпусах японского языка и функционируют в рамках универсальных архитектур, ориентированных преимущественно на информационные и прагматически завершённые тексты. Данное обстоятельство существенно влияет на характер типовых трансформаций и не позволяет рассматривать полученные результаты как исчерпывающую оценку потенциала искусственного интеллекта в сфере художественного перевода.

Кроме того, исследование фокусируется на паре языков «японский — русский», что накладывает дополнительные ограничения, связанные с типологическими различиями языков, асимметрией культурных кодов и спецификой русскоязычной поэтической традиции. Анализ переводов на другие языки мог бы выявить как универсальные, так и языково-специфические закономерности работы нейросетевых моделей.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением текстового корпуса, привлечением количественно более масштабных данных, а также с анализом специализированных или дообученных моделей нейронного машинного перевода, ориентированных на художественные тексты.

Важным аспектом для упоминания является этика использования искусственного интеллекта в переводах. Внедрение искусственного интеллекта в сферу искусства порождает серьёзные этические дилеммы. В первую очередь, это вопрос авторской автономии и идентичности. Бесконтрольное использование нейротехнологий и искусственного интеллекта может угрожать «когнитивной свободе» и приводить к манипуляции смыслами [16]. В пере-

воде хокку это проявляется в подмене авторского голоса усреднённым алгоритмическим стилем.

Искусственный интеллект, обучающийся на массивах данных WEIRD (Western, Educated, Industrialized, Rich, Democratic), может навязывать западные культурные паттерны японскому тексту, стирая его уникальность [16]. Кроме того, возникает проблема ответственности: когда искусственный интеллект добавляет строки от себя, он искажает интенцию автора. Как справедливо замечают Норец и Рейнова, перевод — это «автопортрет переводчика», но у искусственного интеллекта нет личности, поэтому его «творчество» является лишь имитацией, лишённой этической ответственности перед оригиналом [7]. Необходимо следовать принципу *in dubio pro homo* (в сомнении — в пользу человека), сохраняя за человеком-переводчиком роль финального верификатора смыслов и хранителя культурного кода [16].

ВЫВОДЫ

Сопоставление всех вариантов показывает, что профессиональный перевод достигает оптимального баланса между точностью и эстетической адекватностью. Переводчик сохраняет культурные и философские импликации оригинала, минимизируя потери формы и смысла, тогда как машинные системы и непрофессиональные переводы воспроизводят лишь поверхностный уровень содержания.

Сопоставительный анализ пяти вариантов перевода трёх хокку Мацуо Басё позволяет уточнить критерии оценки лингвокультурной эквивалентности при переводе жанра хокку и выявить системные различия между человеческими и нейросетевыми стратегиями перевода. На основании проведённого исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Для перевода хокку оказывается принципиально важным сохранение трехстишной структуры и пауз в составе стихотворения, сезонного слова и других культурных маркеров, образных оппозиций и философской недосказанности. Данные параметры позволяют оценивать переводы по степени воссоздания художественного и культурного опыта, что согласуется с современными моделями анализа поэтического перевода.

2. Переводы, выполненные людьми, демонстрируют большую вариативность интерпретации и лучше сохраняют имплицитивную структуру и культурный код оригинала. Профессиональный переводчик в анализируемом корпусе систематически достигает более высокого уровня как семантической, так и прагматической эквивалентности по сравнению с машинными системами. Нейросетевые модели, напротив,

проявляют устойчивую тенденцию к экспликации имплицитных смыслов, нейтрализации культурных реалий и упрощению образной структуры, что приводит к снижению поэтической лаконичности и философской глубины.

3. Человек стремится к интерпретации текста и сохранению его эстетических и философских па-

раметров, включая право читателя на собственное заполнение смысловых лагун. Нейросетевые модели реализуют вероятностное моделирование, которое опирается на корпусную статистику, что ведет к выбору наиболее типичных, эксплицитных и стилистически сглаженных решений, особенно в условиях культурно маркированного и поэтически сжатого текста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Pignocchi T. Ordinary aesthetics and ethics in the Haiku poetry of Matsuo Bashō: A Wittgensteinian perspective. *Open Philosophy*. 2023;6(1). URL: <https://doi.org/10.1515/opphil-2022-0255>
2. Meilantari N., Suarka I., Sudewa I., Triadnyani I. The evolution of Japanese Haiku: From paper to digital. *International Journal of Education and Literature*. 2024;3:128-135. URL: <https://doi.org/10.55606/ijel.v3i2.118>
3. Дьяконова Е. М. Поэзия японского жанра трехстиший (хайку): происхождение и главные черты. В сб.: *Лирика: генезис и эволюция*. Москва: Изд-во РГГУ; 2007:337-352.
4. Герасимова И. А., Иванов А. В., Фотиева И. В. Трансцендентный опыт: возможность пересечения теологического, философского и научного подходов. *Культура и искусство*. 2023;3:9-24 URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2023.3.38068>
5. Злыгостев В. Ю. Мир хокку. «Жизнь между строк»: философия недосказанности в японской поэзии хокку. *Символ науки*. 2022;8-1:55-61. URL: <https://os-russia.com/SBORNIKI/SN-2022-08-1.pdf?ysclid=moрxcmsqef240436089>
6. Долин А. Поэзия и поэтика хайку. *Вестник культурологии*. 2011;3(58):111-121. URL: <https://www.elibrary.ru/obgclp>
7. Норец М. В., Рейнова А. В. Художественный перевод и искусственный интеллект: традиция и новаторство. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2024;12(150):155. URL: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.150.111>
8. Drobot I.-A. What could we understand by translation? Haiku poems' translations in the Romanian language. In: *Studies in Translation and Language*. IntechOpen. 2024:25-26. URL: <https://doi.org/10.5772/intechopen.1002949>
9. Hirata K., Yokoyama S., Yamashita T., Kawamura H. Implementation of autoregressive language models for generation of seasonal fixed-form Haiku in Japanese. *Knowledge, Information and Creativity Support Systems*. 2023;2(1):19-25. URL: <https://doi.org/10.52731/liir.v003.075>
10. Озюменко В. И., Ларина Т. В. Искусственный интеллект в переводе: сильные и слабые стороны. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2025;24(1):117-130. URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.10>
11. Колин К. К., Хорошилов А. А., Никитин Ю. В., Пшеничный С. И., Хорошилов А. А. Искусственный интеллект в технологиях машинного перевода. *Социальные новации и социальные науки*. 2021;2(4):64-80. URL: <https://doi.org/10.31249/snsn/2021.02.05>
12. Раренко М. Б. Современные вызовы машинного перевода. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание: Реферативный журнал*. 2022;1:46-53. URL: <https://doi.org/10.31249/ling/2022.01.04>
13. Мацуо Басё. «Хайку 1-100». Пер. с яп. Д. Н. Смирнов-Садовский, комм. И. Ясуда. Санкт-Петербург: Красный Матрос; 2011. 128 с.
14. Шелестюк Е. В., Гриценко Э. Д. О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2016;4(386):202-207. URL: <https://www.elibrary.ru/wbkisp>
15. Алексейцева Т. А. Экспликация или бесконечное порождение смысла. *Вестник Московского университета. Серия 22: теория перевода*. 2009;(4):5-15. URL: <https://www.elibrary.ru/kyuyox>
16. Шендерюк-Жидков А. В., Максименко В. А., Храмов А. Е. Коэволюция нейротехнологий и ИИ: этические вызовы и подходы к регуляции. *Известия высших учебных заведений. Прикладная нелинейная динамика*. 2026;34(1):116-160. URL: <https://doi.org/10.18500/0869-6632-003196>

REFERENCES

1. Pignocchi T. Ordinary aesthetics and ethics in the Haiku poetry of Matsuo Bashō: A Wittgensteinian perspective. *Open Philosophy*. 2023;6(1). URL: <https://doi.org/10.1515/opphil-2022-0255>
2. Meilantari N., Suarka I., Sudewa I., Triadnyani I. The evolution of Japanese Haiku: From paper to digital. *International Journal of Education and Literature*. 2024;3:128-135. URL: <https://doi.org/10.55606/ijel.v3i2.118>
3. Dyakonova E.M. Poetry of the Japanese three-verse genre (haiku): Origin and main features. In collection: *Lyrics: Genesis and evolution*. Moscow: Publishing House of RGGU; 2007:337-352. (In Russ.).
4. Gerasimova I.A., Ivanov A.V., Fotieva I.V. Transcendental experience: The possibility of intersection of theological, philosophical and scientific approaches. *Culture and Art*. 2023;3:9-24. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2023.3.38068>
5. Zlygostev V.Y. The world of hokku. “Life between the Lines”: The philosophy of Understatement in Japanese Haiku poetry. A symbol of science. 2022;8-1:55-61. URL: <https://os-russia.com/SBORNIKI/SN-2022-08-1.pdf?ysclid=mopxcmseqf240436089> (In Russ.).
6. Dolin A. Poetry and poetics of Haiku. *Bulletin of Cultural Studies*. 2011;3(58):111-121. URL: <https://www.elibrary.ru/obgclp> (In Russ.).
7. Norets M.V., Reinova A.V. Artistic translation and artificial intelligence: Tradition and innovation. *International Scientific Research Journal*. 2024;12(150):155. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.150.111>
8. Drobot I.-A. What could we understand by translation? Haiku poems’ translations in the Romanian language. In: *Studies in Translation and Language*. 2024:25-26. URL: <https://doi.org/10.5772/intechopen.1002949>
9. Hirata K., Yokoyama S., Yamashita T., Kawamura H. Implementation of autoregressive language models for generation of seasonal fixed-form Haiku in Japanese. *Knowledge, Information and Creativity Support Systems*. 2023;2(1):19-25. URL: <https://doi.org/10.52731/liir.v003.075>
10. Ozyumenko V.I., Larina T.V. Artificial intelligence in translation: Strengths and weaknesses. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*. 2025;24(1):117-130. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.10>
11. Kolin K.K., Khoroshilov A.A., Nikitin Yu.V., Pshenichny S.I., Khoroshilov A.A. Artificial intelligence in machine translation technologies. *Social innovations and social sciences*. 2021;2(4):64-80. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.31249/snsn/2021.02.05>
12. Rarenko M.B. Modern challenges of machine translation. Social sciences and humanities. *Russian and foreign literature. Series 6. Linguistics: Abstract Journal*. 2022;1:46-53. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.31249/ling/2022.01.04>
13. Matsuo Basho. “Haiku 1-100”. Transl. from Japanese by D.N. Smirnov-Sadovsky, comm. by I. Yasuda. St. Petreburg: Krasny Matros; 2011. 128 p. (In Russ.).
14. Shelestyuk E.V., Gritsenko E.D. On forenization and domestication in translation and the possibilities of their linguistic assessment. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2016;4(386):202-207. URL: <https://www.elibrary.ru/wbkisp> (In Russ.).
15. Alekseitseva T.A. Explication or the infinite generation of meaning. *Bulletin of the Moscow University. Episode 22: Theory of Translation*. 2009;(4):5-15. URL: <https://www.elibrary.ru/kyyyox> (In Russ.).
16. Shenderyuk-Zhidkov A.V., Maksimenko V.A., Khramov A.E. Coevolution of neurotechnologies and AI: Ethical challenges and approaches to regulation. News of higher educational institutions. *Applied nonlinear dynamics*. 2026;34(1):116-160. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.18500/0869-6632-003196>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Лариса Олеговна Микалlef — канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Larisa O. Micallef — Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof. of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<http://orcid.org/0000-0001-9651-4353X>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

lomikallef@fa.ru

Мария Андреевна Силантьева — студент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Marya A. Silantyeva — Student of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<http://orcid.org/0009-0003-1675-910X>

silantyevamariaa@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 21.12.2025; после рецензирования 05.02.2026; принята к публикации 16.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 21.12.2025; revised on 05.02.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Идеологические контуры современной политики памяти в Бразилии в условиях поляризации политического процесса

А. А. Шелякин, Д. Ю. Знаменский

Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – выявить ключевые модели политики памяти в современной Бразилии и проанализировать механизмы их противостояния в условиях поляризации политического процесса и продолжающейся борьбы за интерпретацию наследия военной диктатуры 1964–1985 гг. Память о диктатуре стала центральным элементом политического дискурса, отражающим противостояние между левыми силами и гражданскими инициативами, стремящимися к осмыслению и проработке травматического прошлого через инструменты transitional justice («правосудия переходного периода»), и правыми мнемоническими акторами, включая представителей военной среды, апеллирующими к временам порядка хунты и трактующими судебные процессы против бывших военных как проявление политического реваншизма. В центре внимания автора – трансформация бразильской политики памяти: от попыток институционализации правды и справедливости при президентстве Д. Русеф, для которой создание Национальной комиссии по установлению истины (CNV) стало актом личного и политического примирения с прошлым, до демонтажа мемориальных инициатив при Ж. Болсонару и двойственной позиции Лулы да Силвы на его третьем сроке, сопровождающейся игнорированием 60-летия военного переворота в 2024 г. Особое внимание уделено требованиям коренных народов о создании Национальной комиссии по установлению истины в отношении коренных народов (CNIV), отражающим стремление включить коллективный и территориальный опыт в рамки национальной памяти. Методология исследования опирается на междисциплинарный подход и включает анализ культурной травмы в русле концепции Дж. Александера, изучение мнемонических конфликтов и коммеморативных практик. Эти подходы применяются для анализа государственных и общественных интерпретаций наследия военной диктатуры, а также для выявления конкурирующих моделей памяти в современном бразильском политическом дискурсе. В статье подчеркивается, что универсальные модели переходного правосудия не всегда учитывают локальные контексты и этнокультурные особенности, например память коренных сообществ, сталкиваясь с трудностями национального примирения. Анализируя идеологический ландшафт памяти, автор приходит к выводу, что современная Бразилия существует в рамках столкновения двух моделей памяти – «вертикальной элитарно-военной», направленной на защиту институционального авторитета армии и сохранение символического образа защитника суверенитета в Холодной войне от коммунистов, и «горизонтально-низовой гражданской», ориентированной на общественное осмысление трудного прошлого, восстановление исторической справедливости по отношению к жертвам репрессий и утверждение принципа «никогда больше» как основы современной бразильской идентичности.

Ключевые слова: политика памяти; историческая травма; трудное прошлое; Бразилия; правосудие переходного периода; военная диктатура; поляризация; национальное примирение

Для цитирования: Шелякин А.А., Знаменский Д.Ю. Идеологические контуры современной политики памяти в Бразилии в условиях поляризации политического процесса. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(3):114-125. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-114-125

Ideological Contours of Modern Memory Politics in Brazil in the Context of the Polarization of the Political Process

A.A. Shelyakin, D. Yu. Znamensky

State University of Management, Moscow, Russian Federation

ANNOTATION

The purpose of the article is to identify the key models of memory politics in modern Brazil and analyze the mechanisms of their confrontation in the context of the polarization of the political process and the ongoing struggle for interpretation of the legacy of the military dictatorship of 1964–1985. The memory of the dictatorship has become a central element

of political discourse, reflecting the confrontation between leftist forces and civil initiatives seeking to comprehend and work out the traumatic past through the tools of transitional justice (“transitional justice”), and right-wing mnemonic actors, including representatives of the military environment, appealing to the times of the junta order and interpreting trials against former military as a manifestation of political revanchism. The author focuses on the transformation of Brazilian memory policy: from attempts to institutionalize truth and justice under the presidency of D. Rouseff, for whom the creation of the National Truth Commission was an act of personal and political reconciliation with the past, to the dismantling of memorial initiatives under J. Bolsonaro and the ambivalent position of Lula da Silva in his third term, accompanied by ignoring the 60th anniversary of the military coup in 2024. Particular attention is paid to the demands of indigenous peoples for the establishment of a National Commission for the Establishment of Truth about Indigenous Peoples, reflecting the desire to include collective and territorial experiences in the framework of national memory. The research methodology is based on an interdisciplinary approach and includes an analysis of cultural trauma in line with the concept of J. Alexander, the study of mnemonic conflicts and commemorative practices. These approaches are used to analyze government and public interpretations of the legacy of the military dictatorship, as well as to identify competing memory models in modern Brazilian political discourse. The article emphasizes that universal models of transitional justice do not always take into account local contexts and ethnocultural features, such as the memory of indigenous communities, when faced with difficulties of national reconciliation. Analyzing the ideological landscape of memory, the author comes to the conclusion that modern Brazil exists within the framework of a clash of two models of memory. – “vertical elite-military”, aimed at protecting the institutional authority of the army and preserving the symbolic image of the defender of sovereignty in the Cold War from the Communists, and “horizontal-grassroots civil”, focused on public understanding of the difficult past, restoring historical justice to the victims of the repressed and affirming the principle of “never again” as the basis of modern Brazilian identity.

Keywords: politics of memory; historical trauma; difficult past; Brazil; transitional justice; military dictatorship; polarization; national reconciliation

For citation: Shelyakin A.A., Znamensky D.Yu. Ideological contours of modern memory politics in Brazil in the context of the polarization of the political process. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(3):114-125. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-114-125

ВВЕДЕНИЕ

В условиях трансформации современного мирового порядка усиливается внимание к вопросам исторической справедливости, политической субъектности и перераспределения роли «незападных» государств в международных институтах. В этом контексте обсуждаются расширение состава постоянных членов Совета Безопасности ООН, вовлечение государств Глобального Юга в работу ключевых международных площадок и расширение объединения БРИКС [1, с. 125]. На этом фоне политика памяти в современной Бразилии представляет исследовательский интерес как пространство идеологического противостояния, связанного с интерпретацией наследия военной диктатуры 1964–1985 гг. Актуальность темы определяется тем, что споры о насилии, безнаказанности, праве на истину и механизмах переходного правосудия сохраняют значимость не только для внутривнутриполитического дискурса Бразилии, но и для ее позиционирования в более широком региональном и международном контексте.

Основной водораздел проходит между левыми, гражданскими активистами, ориентированными на проработку травм авторитарного прошлого через механизмы правосудия и исторической памяти, и правыми, сторонниками бывшего президента Ж. Болсонару, включая часть военных, апеллирующих к временам хунты и интерпретирующих данный период как этап обеспечения по-

литического порядка и стабильности. Указанное противостояние получило дополнительную актуализацию в связи с судебным процессом в отношении Ж. Болсонару, осужденным Верховным судом Бразилии на 27 лет лишения свободы за попытку государственного переворота после поражения на выборах 2022 г.¹ Сторонники правоконсервативной интерпретации рассматривают данный процесс как политически мотивированный, тогда как их оппоненты интерпретируют его как правовую реакцию на попытку подрыва демократического порядка. Левые же подчеркивают ответственность Ж. Болсонару за попытку узурпации власти и рассматривают приговор как шаг к укреплению демократии и предотвращению повторения переворота 1964 г.

Проработка прошлого остается чрезвычайно актуальной для бразильского общества еще и потому, что в марте 2024 г. исполнилось 60 лет со дня военного переворота и начала диктатуры, однако этот юбилей был во многом проигнорирован — ни государственные структуры, ни большинство СМИ не придали ему значения, что свидетельствует о сохраняющейся непоследовательности государственной политики в сфере публичного осмысления авторитарного прошлого. На этом

¹ The Trial of Jair Bolsonaro: The Future of Brazilian Democracy. Fair Observer. URL: <https://www.fairobserver.com/politics/the-trial-of-jair-bolsonaro-the-future-of-brazilian-democracy>

фоне к теме диктатуры вновь вернулись благодаря фильму «Я всё ещё здесь», который получил широкий общественный резонанс и актуализировал дискуссии о насилии, безнаказанности и меморизации периода диктатуры и стал одним из самых кассовых в истории Бразилии². Через историю семьи Р. Пайвы, убитого военными в 1971 г., фильм напомнил обществу о пытках, исчезновениях и безнаказанности времен режима 1964–1985 гг., а также о том, что Закон об амнистии 1979 г. до сих пор препятствует привлечению виновных к ответственности. Кинолента стала значимым фактором актуализации общественной дискуссии о механизмах публичного забвения диктатуры в Бразилии. Ее премьера совпала с новым витком политической поляризации и попытками осмыслить практики коммеморации при Ж. Болсонару. В то время как нынешний президент Л.И. Лула да Силва проигнорировал официальные памятные мероприятия к 60-летию переворота, фильм стал катализатором общественной дискуссии о правде и справедливости: началась выдача исправленных свидетельств о смерти жертв, а Верховный суд поставил под сомнение действие амнистии в отношении длящихся преступлений³, что позволяет говорить о повторной актуализации темы политики памяти в общественно-политическом дискурсе Бразилии.

Цель исследования состоит в выявлении ключевых идеологических моделей политики памяти в современной Бразилии и анализе механизмов их противостояния в условиях политической поляризации. В работе рассматриваются теоретические подходы к изучению политики памяти, культурной травмы и мнемонических конфликтов, характеризуются исторические предпосылки формирования бразильской мемориальной повестки, анализируются трансформация государственной и общественной политики памяти после демократического транзита, основные линии борьбы за интерпретацию наследия военной диктатуры, а также особенности включения в этот процесс требований коренных народов.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении современной политики памяти в Бразилии как пространства конкуренции двух

моделей. Показано, что включение в мемориальную повестку требований коренных народов расширяет традиционное понимание переходного правосудия и выявляет ограничения универсалистских подходов применительно к бразильскому кейсу.

Методологическую основу исследования составили дискурс-анализ, кейс-стади и сравнительный анализ; эмпирическую базу — материалы Национальной комиссии по установлению истины, документы государственных органов Бразилии, публичные выступления политических акторов и материалы гражданских инициатив. Теоретическая значимость работы связана с возможностью уточнения пределов применения универсальных моделей осмысления трудного прошлого в условиях высокой политической поляризации.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его выводов при разработке мемориальной политики, в деятельности комиссий по установлению истины, в образовательных курсах и в работе правозащитных организаций.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Классическое определение политики памяти гласит, что она представляет собой политическое использование прошлого для формирования коллективных представлений об истории, направленное на конструирование образа минувшего и общественного мнения по связанным с ним вопросам, что во многом пересекается с понятием коммеморации [2, с. 16]. Эта деятельность преимущественно ориентирована на нерелексивное воздействие на массовую аудиторию, тесно связана с формированием идентичности и определяется скорее эмоциональными настроениями, нежели рациональными знаниями.

Критически важным для анализа нарративов является понимание коммеморативных практик и их роли в политике памяти. В работах Д. М. Ковбы и Е. Г. Грибовод подчеркивается, что память не является спонтанным социальным процессом, а институционально организуется через государственные и общественные инициативы [3]. Коммеморации, как ритуализированные формы репрезентации прошлого, обладают интеграционной функцией, но могут быть также источником конфликта инициативы [там же, с. 64]. Исследователи вводят понятие «*исторической травмы*» как ключевого элемента в формировании национальной идентичности, указывая, что память о трагических событи-

² 'A politics of forgetfulness' How the film I'm Still Here forces Brazil to face a dictatorship's legacy. Al Jazeera. URL: <https://www.aljazeera.com/news/longform/2025/2/28/how-the-film-im-still-here-forces-brazil-to-face-a-dictatorships-legacy>

³ La amnistía más obscena se llama 'hito temporal'. SUMAÚMA. URL: <https://sumauma.com/es/a-anistia-mais-obscena-se-chama-marco-temporal/>

ях, будь то войны или репрессии, может выступать не только в консенсусном, но и в дискуссионном режиме [там же, с. 64–65]. Тем самым это открывает пространство для мнемонических конфликтов или «войн памяти» (англ. *mnemonic wars*), в которых различные мнемонические акторы или мнемонические воины (англ. *mnemonic warriors*) занимают различную степень вовлеченности.

Понятие травмы занимает центральное место в исследованиях коллективной памяти, поскольку через него осмысливаются механизмы переживания и репрезентации разрушительных событий. В политологическом контексте особое значение имеет концепция «культурной травмы», разработанная Дж. Александером и Р. Айерманом, согласно которой травма не сводится к самому событию, а формируется в результате социального конструирования смысла — процесса, в котором общество интерпретирует произошедшее как подрыв своих фундаментальных ценностей и идентичности [4]. К. Карут, представляя психоаналитический подход, подчеркивает, что травма разрушает способность субъекта к осмыслению и нарративному выражению опыта: травматическое событие невозможно полностью артикулировать, оно возвращается в виде немоты, фрагментарных воспоминаний и повторяющихся образов [5]. В то же время А. Нил рассматривает национальную травму как коллективную реакцию на исключительные события, вызывающие глубокие социальные потрясения и изменения в структуре общественных отношений [6]. Можно констатировать, что травма предстает как пограничное состояние между памятью и забвением, между индивидуальным переживанием и коллективным конструированием смысла, формируя основу для переосмысления идентичности и исторического опыта.

В рамках анализа динамики политики памяти в группах, переживающих идеологический конфликт в Бразилии, воспоминания о травме военной диктатуры могут проявляться в сравнительном или конкурентном подходах: сравнительный подразумевает перекрестные ссылки и заимствование опыта страданий разных сторон, в то время как конкурентный опирается на идеологические претензии к уникальности для достижения групповых целей, таких как легитимация власти или оппозиции. Эмпирические исследования показывают преобладание конкурентного подхода среди групп с высоким уровнем идеологической привязанности и чувства коллективной виктимизации, где непризнанная жертвенность усиливает

конкуренцию воспоминаний, особенно в условиях политической поляризации [7, р. 631–632]. Динамика памяти определяет связь между памятью и демократическим миром: сравнительная логика способствует универсализации страданий, солидарности и усвоению уроков прошлого для предотвращения авторитарных рецидивов, однако на практике она редка и в условиях асимметрии сил легко переходит в конкурентную, превращая воспоминания в трайбализм, где группы соревнуются за признание в национальной иерархии страданий, порождая разногласия и новые политические конфликты. Сравнительный подход доступен преимущественно доминирующим группам с низким уровнем идеологизации и виктимизации, в то время как для маргинализированных память служит инструментом национального признания и политических притязаний; переход к сравнительной логике требует преодоления идеологизма, чрезмерного патриотизма и представлений о бессилии [там же, р. 638–640]. В итоге, признание маргинализированных воспоминаний о диктатуре необходимо для снижения конкуренции нарративов, появления агонистической⁴, нацеленной на диалог, политики памяти, иначе память обрекает на повторение конфликтов [8, с. 47–48].

Латиноамериканские культурные практики используют репрезентацию травмы не только как акт памяти, но и как инструмент политического высказывания [9, р. 111]. Через обращение к боли, утрате и опыту насилия они вырабатывают формы сопротивления официальным нарративам и создают пространство для альтернативных агентов памяти. Репрезентация травмы может принимать две формы: критическую — дестабилизирующую героические и триумфальные версии прошлого, и конструктивную — направленную на переработку боли и переосмысление ее в контексте будущего. Таким образом, память становится не просто актом этического признания, а полем политического действия, способным выдвигать новые смыслы и пути социальной трансформации.

Военный переворот 1964 г. положил начало авторитарному режиму в Бразилии, который консолидировался в условиях холодной войны и опирался на институционализированные механизмы политического контроля и репрессий [10, с. 151–154].

⁴ Агонизм — подход к исторической памяти, рассматривающий ее как поле борьбы различных акторов за право интерпретировать прошлое, где сосуществуют и конкурируют множественные версии истории вместо одной «истинной».

Наиболее жесткие формы подавления оппозиции были закреплены после принятия Акта № 5 в 1968 г. [там же, с. 254]. Несмотря на постепенную либерализацию в конце 1970-х гг., переход к демократии не сопровождался полным преодолением механизмов безнаказанности, что впоследствии оказало существенное влияние на формирование современной политики памяти в Бразилии [там же, с. 257].

СОВРЕМЕННЫЙ ЛАНДШАФТ БРАЗИЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Политический транзит к демократии завершился только в 1985 г., когда военные уступили власть гражданскому правительству, однако процесс осмысления авторитарного прошлого носил противоречивый и институционально незавершенный характер. В отличие от Аргентины и Чили, где прошли суды над военными преступниками и действовали комиссии по установлению истины, Бразилия ограничилась мерами символического характера и частичными выплатами репараций жертвам репрессий. Даже при левых правительствах, которые декларировали приверженность «проработки трудного прошлого», государственные инициативы по увековечению репрессий диктатуры и привлечению к ответственности были недостаточными, а значительная часть общества сохраняла не критическое отношение к амнистии 1979 г. (исп. Lei da Anistia) [11]. «Закон об амнистии 1979 г.» сохранил безнаказанность для представителей военного режима, а реформы армии, полиции и судебной системы так и не были проведены.

Во второй половине 1980-х — середине 1990-х гг. в Бразилии политические трансформации выдвинули на передний план задачу осмысления «трудного прошлого», что спровоцировало значительный подъем общественного внимания к вопросам политики памяти. Под напором гражданских организаций власти вынуждены были принять меры по восстановлению справедливости, обязавшись выплачивать компенсации семьям жертв и организовывать поиск останков погибших; для реализации этого создали Специальную комиссию по политическим смертям и исчезновениям (исп. Comissão Especial sobre Mortos e Desaparecidos Políticos, CEMDP) и Комиссию по амнистии (исп. Comissão de Anistia), а президент Ф. Колор ди Мелу в 1990 г. ликвидировал Национальную разведывательную службу как ключевой символ репрессий. Тем не менее процесс тормозился из-за хрупкой институциональной базы, ограниченности пол-

номочий этих органов и отсутствия последовательной политической воли, но именно тогда были заложены фундаментальные принципы будущей политики памяти, которые задали вектор для государственной и общественной работы по проработке исторической травмы [12, с. 484].

Во время своих первых двух президентских сроков (2003–2010 гг.) Л. И. Лула да Силва объявил о планах открыть конфиденциальные архивы периода военной диктатуры, что было оформлено в виде декретов, облегчающих доступ к ранее засекреченным документам⁵. Однако правительство сохранило в тайне часть материалов, которые, по его оценке, могли угрожать национальному суверенитету, территориальной целостности или международным отношениям Бразилии⁶. Кроме того, в 2009 г. вокруг разработки Национальной программы по правам человека (PNDH-3) развернулись острые внутриправительственные дебаты, выявившие глубокие разногласия: одни выступали за полное расследование преступлений диктатуры и отказ от применения Закона об амнистии 1979 г., другие — за признание его законности и стремление к «закрытию» или урегулированию прошлых конфликтов. В этот период Лула расширил объем репараций жертвам репрессий и помиловал некоторых офицеров армии, которые перешли на сторону левых партизан во время диктатуры.

Несмотря на весьма запоздалое создание Национальной комиссии по установлению истины (исп. Comissão Nacional da Verdade, CNV), она всё-таки была создана в 2012–2014 гг. Инициатива учреждения комиссии исходила от президента Д. Русеф — бывшей участницы левого подполья, арестованной и подвергавшейся пыткам во время военной диктатуры, что усиливало символическое значение данного решения в контексте политики памяти. Для Д. Русеф создание CNV имело не только политическое, но и биографически значимое измерение, связанное с ее личным опытом репрессий периода диктатуры: она видела в этом, во-первых, шаг к национальному примирению и, во-вторых, восстановлению справедливости по отношению к жертвам режима. При этом сам процесс институционализации комиссии носил во многом по-

⁵ Brazilian people have the right to open archives of military dictatorship, says Minister. Agência Brasil. URL: <https://memoria.ebc.com.br/agenciabrasil/noticia/2004-12-10/brazilian-people-have-right-open-archives-military-dictatorship-says-minister>

⁶ Brazil apologizes to victims of military rule. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/instant-article/idUSN26400296/>

литический характер — он стал компромиссным ответом на внутренние запросы демократизации и внешнее давление со стороны международных организаций [13, с. 64–66]. CNV не стремилась к радикальной ревизии истории, а скорее к формированию нового мемориального компромисса, в котором «истина» и «память» рассматривались как инструменты консолидации общества, а не правового возмездия. В результате комиссия заложила основы символического примирения, но не разрушила систему безнаказанности, унаследованную от периода диктатуры. К тому же рекомендации комиссии, включая отмену амнистии и признание ответственности вооруженных сил за нарушения прав человека, не были реализованы в полной мере. Существенным ограничением работы комиссии стала недоступность части архивных материалов периода диктатуры. По распоряжению Д. Русеф был начат масштабный поиск, однако большинство документов, связанных с репрессиями, так и не было найдено⁷. Считается, что часть материалов могла быть тайно уничтожена, тогда как Министерство обороны заявляет, что все было ликвидировано законно. Отсутствие этих архивов серьезно осложнило деятельность CNV и подтвердило опасения относительно слабости и уязвимости механизмов поставлоритарного правосудия в Бразилии.

Представители военной среды воспринимали деятельность CNV как политически ангажированную инициативу, направленную на одностороннюю интерпретацию событий периода диктатуры. Они видели в работе комиссии попытку одностороннего пересмотра истории, где преступления режима обличаются, а насилие со стороны левых радикалов замалчивается [14, с. 64]. Такая избирательность, по их мнению, разрушала баланс исторической справедливости и превращала комиссию в механизм идеологической мести, а не национального примирения. По сути, военные отказались признавать выводы комиссии, полагая, что она не стремилась к объективному анализу прошлого.

Приход к власти Ж. Болсонару в 2018 г. следует рассматривать в контексте кризиса политического представительства, высокой поляризации и незавершенности процессов общественного осмысления авторитарного прошлого. Период его президентства в 2019–2022 гг. ознаменовался сво-

рачиванием институтов, связанных с политикой памяти, даже тех, которые были, и пересмотром поставлоритарного консенсуса. Так, например, мемориальные интернет-проекты оказались заблокированы, а президент заменил четырех из семи членов SEMDP, что вызвало заметный рост числа отказов в предоставлении компенсаций жертвам политических репрессий. Антикоммунистическая риторика Ж. Болсонару и апология военной диктатуры 1964–1985 гг. сопровождалась попытками дискредитировать комиссию по установлению истины и оправдать репрессивные практики прошлого. Министр образования Р. В. де Алмейда инициировал пересмотр школьных учебников, отрицая сам факт переворота 1964 г., а министр по делам семьи и прав человека Д. Алвес лишила поддержки комиссию, обеспечивавшую репарации жертвам режима [11]. Министр обороны Бразилии при Ж. Болсонару, генерал В. Брага Нетто, охарактеризовал военный переворот 31 марта 1964 г. как «веху в политической эволюции Бразилии», утверждая, что последующие годы принесли стране стабильность, экономический рост и укрепление демократии⁸.

Еще до своего избрания Ж. Болсонару неоднократно высказывался в защиту палачей режима, а во время голосования за импичмент Д. Русеф в 2016 г. отдал дань уважения полковнику К.А. Брильянте Устра⁹ — одному из самых известных военных в Бразилии, ответственных за пытки и убийства политзаключенных. Эти высказывания не повлекли для него политических последствий, что стало возможным в условиях отсутствия полноценного правосудия за преступления диктатуры и сохранения в общественном сознании представления о тех годах как о времени порядка и стабильности. Как отмечают исследователи, политический курс Ж. Болсонару во многом опирался на сохраняющиеся в обществе противоречия в интерпретации периода диктатуры и на незавершенность политики переходного правосудия: нереализованное правосудие и неосужденное насилие позволили формировать романтизированные образы «спасительной роли» вооруженных сил в истории страны в рамках Холодной войны [15, р. 13].

⁸ Brazil's military brass praise 1964 coup. MercoPress. URL: <https://en.mercopress.com/2022/03/31/brazil-s-military-brass-praise-1964-coup>

⁹ OAB afirma que 'repudia' apologia à tortura feita por Bolsonaro. Estado de Minas. URL: https://www.em.com.br/app/noticia/politica/2016/04/20/interna_politica,754964/oab-afirma-que-repudia-apologia-a-tortura-feita-por-bolsonaro.shtml

⁷ Архиву Бразилии не удалось найти документы спецслужб времен диктатуры. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2013/03/12/dokumenty-site.html>

Современная политика памяти в Бразилии в период третьего президентского срока Л.И. Лулы да Силвы (с 2023 г.) характеризуется внутренней противоречивостью и отсутствием устойчивой институциональной линии. Несмотря на ожидания от левого лидера более решительной позиции по осмыслению авторитарного прошлого, президент проявил сдержанность. Его решение не проводить официальные мероприятия в честь 60-летия военного переворота 1964 г. в марте–апреле 2024 г. вызвало значимую общественную дискуссию и критическую реакцию со стороны родственников жертв и правозащитных организаций. Например, организация «Дети и внуки за память, правду и справедливость» (исп. *Filhos e Netos por Memória Verdade e Justiça*) резко осудила это решение, охарактеризовав его как политически ошибочное и противоречащее задачам публичного осмысления прошлого¹⁰. В заявлении подчеркивается, что отказ от публичного осмысления переворота подрывает саму идею защиты демократии, которой Лула руководствовался после событий 8 января 2023 г. Активисты указывают, что, в то время как крайне правые используют апологетическую память о диктатуре для укрепления авторитарных идей, власть, напротив, обязана формировать критическое коллективное воспоминание о прошлом¹¹. Игнорирование этой даты, по их мнению, является уступкой военным и нарушает международные и национальные обязательства Бразилии в сфере права на истину и память. Игнорирование данной проблематики, по их мнению, может способствовать дальнейшей эрозии демократического консенсуса. Лула же мотивировал это желанием избежать политизации темы, но критики расценили такой подход как признак нежелания государства системно разбираться с преступлениями диктатуры. Вместо государственных инициативные акции организовали представители Партии трудящихся (PT) и гражданские организации, продолжая традиции низовых движений, которые формируют политику памяти в Бразилии с конца 1970-х гг.

Коренные народы Бразилии продолжают настаивать на создании специальной Комиссии по установлению истины для расследования преступлений против них во времена диктатуры, однако

объявленные в 2023 г. планы президента Лулы по учреждению в 2024 г. Национальной комиссии по установлению истины в отношении коренных народов (CNIV) при Министерстве по делам коренных так и не были воплощены в жизнь, несмотря на цели по укреплению переходного правосудия. Хотя Комиссия по амнистии впервые признала коллективные репрессии против племен Кренак и Гуарани-Кайова, утвердив право на коллективные компенсации и публично извинившись от имени государства, лидер движения коренных народов, писатель Э. Кренак, резко критикует отсутствие полноценной комиссии по расследованию этих преступлений, подчеркивая, что «когда мы смотрим на период диктатуры и насилия в отношении коренных народов, мы понимаем, что существует некий постоянный механизм таких нарушений»¹². В апреле 2024 г. Лагерь свободной земли (ATL), крупнейшее мероприятие по мобилизации коренных народов Бразилии, возобновил дебаты об ответственности военных за преследования и репрессии в отношении коренных народов во времена диктатуры, напрямую связывая это с текущей борьбой за демаркацию территорий, гарантированную Конституцией 1988 г.; в начале того же месяца на Эспланаде министерств коренные жители провели акции протеста, требуя уважения к своим правам и осуждая десятилетия преступлений против них.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИМОСТИ ПРАВОСУДИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Одним из центральных предметов политико-идеологического спора в современной Бразилии выступает концепция «*transitional justice*» или «*правосудия переходного периода*». Как подчеркивают А.С. Кушнарев и В.Э. Мецлер, это процесс восстановления справедливости при переходе от авторитаризма к демократии, включающий реабилитацию жертв, раскрытие преступлений, наказание виновных, компенсации и меры по предотвращению повторений, а также институциональные реформы для утверждения верховенства закона и доверия в обществе [16, с. 387–388]. Задачи варьируются от «исцеляющих» мер (комиссии по истине и примирению) до наказания виновных, реформы институтов для верховенства закона, взаимодействия с международными органами и решения смежных проблем вроде разоружения, безопасности,

¹⁰ NOTA PÚBLICA SOBRE DECISÃO DE LULA DE NÃO REALIZAR ATOS DE MEMÓRIA SOBRE O GOLPE MILITAR DE 1964. Filhos e Netos. URL: <https://filhosnetos.wordpress.com/2024/03/09/nota-publica-sobre-decisao-de-lula-de-nao-realizar-atos-de-memoria-sobre-o-golpe-militar-de-1964/>

¹¹ Там же.

¹² Indígenas cobram instalação da Comissão da Verdade. Correio Braziliense. URL: <https://www.correio braziliense.com.br/brasil/2025/04/7116487-indigenas-cobram-instalacao-da-comissao-da-verdade.html>

компенсаций и экономического восстановления; при адаптации эта многогранная идея способствует переходу от авторитаризма к демократии, обеспечивая права граждан [там же, с. 390–391].

Одни исследователи отмечают, что установление истины о прошлом является ключевым условием национального исцеления и важнейшим инструментом восстановления социальной справедливости [17, р. 20–24]. В странах Латинской Америки комиссии по установлению истины и примирению стали неотъемлемой частью процессов демократизации, где общество стремилось осмыслить последствия диктатур и массовых репрессий. Эти механизмы позволили признать страдания жертв, восстановить доверие к институтам власти и утвердить принцип «*никогда больше*», лежащий в основе национальной памяти страны. Иногда это сопровождалось не только внедрением соответствующих норм в судебную и законодательную практику, но и развитием внесудебных институтов и механизмов [18, с. 49].

В этом контексте особое значение приобретает концепция *Vergangenheitsbewältigung* — «*примирения с прошлым*», которая, будучи заимствованной из европейского опыта, в Латинской Америке наполнилась иным содержанием. Здесь она трансформировалась в практику не только юридического и институционального, но и символического осмысления насилия, включающую мемориализацию, восстановление имен жертв и артикуляцию «права на память» как элемента гражданской идентичности. Во многих странах Латинской Америки удалось добиться заметного прогресса в осмыслении прошлого и развитии механизмов переходного правосудия. Однако в Бразилии этот процесс, несмотря на создание Национальной комиссии по установлению истины и усилия по документированию преступлений диктатуры, сталкивается с проблемой глубоко укоренившейся безнаказанности и недостаточными шагами в проработке «трудного прошлого» [19, р. 10]. Сильная поляризация, влияние военных и высокая бедность — все это влияет на противоречивые оценки в отношении периода военной диктатуры.

Вместе с тем исследователи подчеркивают, что универсализация этой модели несет риски навязывания внешних нормативов памяти, не всегда учитывающих локальные политические и культурные контексты. Например, превращение германского опыта примирения с прошлым в абстрактный универсальный эталон, по наблюдению историка М. Габовича, ведет к его отрыву от конкретных исторических условий, в которых он сформиро-

вался, и потому снижает его продуктивность для других обществ [20, с. 117–119]. В российском контексте, идеализированное восприятие немецкого покаяния — подобно тому, как модернизационные теории конца XX в. идеализировали американскую модель развития — нередко приводило к тому, что германский пример воспринимался не как источник практических решений, а как морально недостижимый ориентир. В результате внешние призывы к «европейскому» способу осмысления прошлого вызывали не сочувствие, а раздражение и отторжение, поскольку игнорировали собственные формы обсуждения трудного прошлого.

Подобное противоречие между глобальными нормами и локальными реалиями можно наблюдать и в бразильском кейсе: там, где формальные институты памяти заимствуют универсальный язык прав человека, общественные дискуссии о насилии и вине продолжают определяться внутренними социальными и историческими противоречиями. Неспроста концепция правосудия переходного периода подвергается критике еще и за игнорирование опыта коренных народов, навязывание монокультурных взглядов и игнорирование коллективных, культурных и эпистемологических факторов; комиссии в странах Латинской Америки по установлению истины чаще всего подходили к этому вопросу через призму индивидуального гражданства и права на жизнь, без учета мультиэтнических особенностей, автономных сообществ, что привело к конфликтогенным явлениям и противоречит Конвенции МОТ 169¹³ [21, р. 74–76].

Другие же ученые отмечают, что концепция правосудия переходного периода сталкивается с проблемами, начиная от неготовности судей и правоохранителей к новым условиям, сложности адаптации законодательства, отсутствия преемственности норм (вызывающего неопределенность), низкой квалификации кадров и заканчивая рисками коррупции, слабой защиты прав, бюрократией и использованием системы для политической борьбы, то есть излишней политизацией процесса [16, с. 391–394]. Для успеха требуется комплексный подход с улучшением управления судами, делопроизводством, финансированием, сотрудничеством

¹³ Конвенция МОТ № 169 — международный договор 1989 г., разработанный Международной организацией труда (МОТ), — является юридически обязательной для ратифицировавших его государств (Бразилия входит в их число). Документ устанавливает нормы, касающиеся защиты прав коренных народов и народов, ведущих племенной образ жизни.

властей, органов и общества, ведением электронного документооборота [там же].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Память о диктатуре в бразильском обществе продолжает играть роль не только исторического наследия, но и инструмента политической мобилизации. Правые силы используют оправдательный дискурс в отношении военного режима как средство консолидации электората — прежде всего среди военных, ветеранов и близких к ним социальных групп. Для них этот нарратив служит не просто частью идеологии, а способом легитимации авторитарного прошлого, где символический образ армии выступает как гарант безопасности и национального единства, обвиняя левых, что те потворствуют коммунизму и творили больше зверств, чем военные. В то же время для левых и гражданских инициатив политика памяти в Бразилии остается преимущественно низовой инициативой, которую формируют активисты и правозащитники, добывающиеся раскрытия архивов, признания жертв и осмысления травматического опыта прошлого.

Что же касается применимости концепции «*transitional justice*», то, несмотря на формальное заимствование универсальных норм примирения и создание комиссий по установлению истины, попытки преодолеть наследие диктатуры наталкиваются на институциональную слабость, политическую поляризацию и укоренившуюся безнаказанность. Универсальные модели правосудия, перенесенные в иной культурно-исторический контекст, часто теряют эффективность, поскольку игнорируют специфику местных практик памяти и политических конфликтов. В результате бразильский опыт показывает, что успешное осмысление «трудного прошлого» требует не столько институциональных реформ, сколько подлинного общественного запроса на истину и справедливое отношение к жертвам репрессий, без которых механизмы переходного правосудия остаются формальными и не способны стать основой демократического консенсуса, а скорее будут выступать в рамках статус-кво. Однако,

как справедливо замечает специалист по Латинской Америке К. Йеоманс, на сегодняшний день для многих бразильцев память о диктатуре не источник травмы, а предмет ностальгии [22, р. 22–23].

Можно констатировать, что бразильская идентичность сталкивается с вызовом двух моделей памяти — «*вертикальной элитарно-военной*», направленной на защиту армии и оправдание ее роли во время правления хунты, и «*горизонтально-низовой гражданской*», ориентированной на проработку трудного прошлого. То, что действующий президент Лула прямо не говорит о трудном прошлом, его проработке или выражает двойственную позицию по этому поводу, может свидетельствовать о его нежелании потерять поддержку военных, которые остаются достаточно влиятельными в рамках нынешней политической системы, особенно учитывая их историческую роль и недавние симпатии к Ж. Болсонару, что вынуждает президента балансировать между критикой диктатуры и сохранением лояльности армии.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, современная политика памяти в Бразилии представляет собой пространство конкуренции как минимум двух моделей интерпретации авторитарного прошлого: «*вертикальной элитарно-военной*» и «*горизонтально-низовой гражданской*». Во-вторых, незавершенность механизмов переходного правосудия и сохранение институциональных практик безнаказанности военных существенно ограничивают возможности формирования устойчивого общественно-политического консенсуса относительно наследия военной диктатуры, в том числе в периоды нахождения у власти левых сил. В-третьих, общественные и низовые инициативы, включая движения родственников жертв и представителей коренных народов, играют все более заметную роль в расширении мемориальной повестки. В-четвертых, бразильский опыт показывает, что политика памяти в условиях глубокой поляризации становится не только инструментом символического осмысления прошлого, но и фактором текущей политической борьбы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Прохоренко И.Л. Идентичность в постколониальном дискурсе. В сб.: Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. Москва: Издательство «Весь мир»; 2023:119-128. URL: <https://www.elibrary.ru/agnizl>
2. Еремеева С.А. Память: поле битвы или поле жатвы? Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; 2021. 360 с.
3. Ковба Д.М., Грибовод Е.Г. Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве. *Дискурс-Пи*. 2020;17;2(39):59-77. URL: <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10204>

4. Alexander J., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. Cultural trauma and collective identity. Berkeley: University of California Press; 2004. 314 p. URL: https://www.academia.edu/1489445/Cultural_trauma_and_collective_identity_By_Jeffrey_C_Alexander_Ron_Eyerman_Bernhard_Giesen_Neil_J_Smelser_and_Piotr_Sztompka
5. Caruth C. Unclaimed experience: Trauma, narrative, and history. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press; 1996. 288 p. URL: <https://archive.org/details/unclaimedexperie0000caru>
6. Neal A.G. National trauma and collective memory: Major events in the American century. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe; 1998. URL: <https://archive.org/details/nationaltraumaco0000neal>
7. Bachleitner K. Trauma in world politics: Memory dynamics between different victim groups. *Journal of Peace Research*. 2024;62(3):629-642. URL: <https://doi.org/10.1177/00223433241231868>
8. Летняков Д.Э. Режимы исторической памяти: от гегемонизма к агонизму. *Политика и общество*. 2022;(1):45-53. URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2022.1.37499>
9. Vich V., Hibbett A. The political art of memory in Latin America. In: Pittaluga S., editor. The routledge companion to twentieth and twenty-first century Latin American Literary and Cultural Forms. New York: Taylor and Francis; 2022:105-113. URL: <https://doi.org/10.4324/9780429058912-13>
10. Бевинс В. Метод «Джакарта»: Антикоммунистический террор США, изменивший мир. М.: Альпина нон-фикшн; 2023. 440 с.
11. Schneider N. Bolsonaro in Power: Failed memory politics in post-authoritarian Brazil? *Modern Languages Open*. 2020;25;1(1):1-11. URL: <https://doi.org/10.3828/mlo.v0i0.324>
12. Кашапов Т.И. Опыт Бразилии и России в преодолении наследия организованного террора в контексте правосудия переходного периода. В сб.: Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности. Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт»; 2023:481-492. URL: <https://www.elibrary.ru/jjqxlt>
13. Кирчанов М.В. «Политика памяти» в современной Бразилии (2012-2022 гг.). *Латинская Америка*. 2022;(5):60-71. URL: <https://doi.org/10.31857/S0044748X0019915-5>
14. Кирчанов М.В., Гилов И. «Радикальные идеи о мире были заимствованы у американских правых»: Игорь Гилов и Максим Кирчанов размышляют о «правом повороте» в Бразилии, левой традиции, исторической памяти и месте Китая в современных российско-бразильских отношениях. *Политические изменения в Латинской Америке*. 2022;(26-27):49-69. URL: <https://www.elibrary.ru/odnhso>
15. Oswaldo E. do Amaral, Rocca-Rivarola D. Memory policies on the authoritarian past and outcomes for democracy in Argentina and Brazil. *Revista Brasileira de Ciências Sociais*. 2023;38(111):1-18. URL: <https://doi.org/10.1590/3811037/2023>
16. Кушнарев А.С., Мецлер В.Э. Концепция правосудия переходного периода: проблемы и перспективы. *Вопросы российской юстиции*. 2023;(25):385-399. URL: <https://www.elibrary.ru/bdpyma>
17. Schwartz M. Truth commissions and collective memory in Latin America. *University of Montana — Missoula*. 2015;56:1-34. URL: <https://network.bepress.com/social-and-behavioral-sciences/page12309>
18. Нелаева Г.А. Право на установление истины в контексте правосудия переходного периода: опыт стран Латинской Америки. *Латинская Америка*. 2020;(5):43-52. URL: <https://doi.org/10.31857/S0044748X0009122-3>
19. Sierp A. The Politics of memory: Between history, identity and conflict. *Government and Opposition*. 2025;1-20. URL: <https://doi.org/10.1017/GOV.2025.10011>
20. Габович М. Отражения на фоне: советская интеллигенция и германское покаяние. *Новое литературное обозрение*. 2022;1(173):102-121. URL: https://doi.org/10.53953/08696365_2022_173_i_102
21. Benitez Trinidad C., Mesquita Faria H. Toward self-determined reparative justice in Brazil: Indigenous leadership confronting human rights violations. *European Review of Latin American and Caribbean Studies*. 2025;(119):69-79. URL: <https://doi.org/10.32992/ERLACS.11315>
22. Yeomans C. The influence of the memory of the 1964-1985 dictatorship on Brazilian democratic politics. *Latin American Human Rights Studies*. 2023;(22):1-29. URL: <https://revistas.ufg.br/lahrs/article/view/77986>

REFERENCES

1. Prokhorenko I.L. Identity in postcolonial discourse. In the collection: Identity: Personality, society, politics. New contours of the research field. Moscow: The Whole World Publishing House; 2023:119-128. URL: <https://www.elibrary.ru/agnizl> (In Russ.).
2. Eremeeva S.A. Memory: Battlefield or harvest field? Moscow: RANHiGS Delo Publishing House; 2021. 360 p. (In Russ.).

3. Kovba D.M., Gribovod E.G. Features of the formation and implementation of the policy of remembrance of the Great Patriotic War in the post-Soviet space. *Discourse-Pi*. 2020;17;2(39):59-77. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10204>.
4. Alexander J., Eierman R., Giesen B., Smelzer N.J., Shtompka P. Cultural trauma and collective identity. Berkeley: University of California Press; 2004. 314 p. URL: https://www.academia.edu/1489445/Cultural_trauma_and_collective_identity_By_Jeffrey_C_Alexander_Ron_Eyerman_Bernhard_Giesen_Neil_J_Smelser_and_Piotr_Sztompka
5. Karut S. Unclaimed experience: Trauma, narrative and history. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press; 1996. 288 p. URL: <https://archive.org/details/unclaimedexperie0000caru>
6. Neal A.G. National trauma and collective memory: The main events of the American century. Armonk. NY: M.E. Sharp; 1998. URL: <https://archive.org/details/nationaltraumaco0000neal>
7. Bachleitner K. Trauma in world politics: The dynamics of memory between different groups of victims. *Journal of Peace Research*. 2024;62(3):629-642. URL: <https://doi.org/10.1177/00223433241231868>
8. Letnyakov D.E. Regimes of historical memory: From hegemonism to agonism. *Politics and Society*. 2022;(1):45-53. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2022.1.37499>
9. Vish V., Hibbett A. The political art of memory in Latin America. In the edition: Pittaluga S., editor. The Routledge Companion magazine is dedicated to the literary and cultural forms of Latin America of the twentieth and twenty-first centuries. NY: Taylor and Francis; 2022:105-113. URL: <https://doi.org/10.4324/9780429058912-13>
10. Bevins V. The Jakarta method: The anti-communist terror of the USA that changed the world. Moscow: Alpina non-fiction; 2023. 440 p. (In Russ.).
11. Schneider N. Bolsonaro in power: The failure of memory preservation policy in post-authoritarian Brazil? *Modern Languages are Open*. 2020;25;1(1):1-11. URL: <https://doi.org/10.3828/mlo.v0i0.324>
12. Kashapov T.I. The experience of Brazil and Russia in overcoming the legacy of organized terror in the context of transitional justice. In Russia: Russia in the big world: New ideas and opportunities. St. Petersburg: Scythia-print LLC; 2023:481-492. URL: <https://www.elibrary.ru/jjqxlt> (In Russ.).
13. Kirchanov M.V. "The politics of memory" in modern Brazil (2012-2022). *Latin America*. 2022;(5):60-71. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.31857/S0044748X0019915-5>
14. Kirchanov M.V., Gilov I. "Radical ideas about peace were borrowed from the American right": Igor Gilov and Maxim Kirchanov reflect on the "right turn" in Brazil, leftist tradition, historical memory and the place of China in modern Russian-Brazilian relations. *Political Changes in Latin America*. 2022;(26-27):49-69. URL: <https://www.elibrary.ru/odnhso> (In Russ.).
15. Osvaldo E. do Amaral, Rocca-Rivarola D. The policy of preserving the authoritarian past and its consequences for democracy in Argentina and Brazil. *An Overview of Brazilian Society*. 2023;38(111):1-18. URL: <https://doi.org/10.1590/3811037/2023>
16. Kushnarev A.S., Metsler V.E. The concept of transitional justice: problems and prospects. *Issues of Russian Justice*. 2023;(25):385-399. URL: <https://www.elibrary.ru/bdpyma> (In Russ.).
17. Schwartz M. Truth commissions and collective memory in Latin America. *University of Montana in Missoula*. 2015;56:1-34. URL: <https://network.bepress.com/social-and-behavioral-sciences/page12309>
18. Nelaeva G.A. The right to establish the truth in the context of transitional justice: The experience of Latin American countries. *Latin America*. 2020;(5):43-52. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.31857/S0044748X0009122-3>
19. Serp A. The politics of memory: Between history, identity and conflict. *The Government and the Opposition*. 2025;1-20. URL: <https://doi.org/10.1017/GOV.2025.10011>
20. Gabovich M. Reflections on the background: The Soviet intelligentsia and German repentance. *A New Literary Review*. 2022;1(173):102-121. (In Russ.). URL: https://doi.org/10.53953/08696365_2022_173_i_102
21. Benitez Trinidad K., Mesquita Faria H. Towards self-determined reparative justice in Brazil: Indigenous leadership confronts human rights violations. *The European Review of Latin American and Caribbean Studies*. 2025;(119):69-79. URL: <https://doi.org/10.32992/ERLACS.11315>
22. Yeomans S. The influence of the memory of the 1964-1985 dictatorship on Brazil's democratic politics. *Latin American Studies in the Field of Human Rights*. 2023;(22):1-29. URL: <https://revistas.ufg.br/lahrs/article/view/77986>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Алексей Азизович Шелякин — магистрант направления «Политология», кафедры государственного управления и политических технологий, Институт государственного управления и права, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

Alexey A. Shelyakin — Master's Student in Political Science, Department of Public Administration and Political Technologies, Institute of Public Administration and Law, State University of Management, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0000-1646-174X>

shelyakin_alexey@mail.ru

Дмитрий Юрьевич Знаменский — кандидат политических наук, доцент, заместитель заведующего по научной работе кафедры государственного управления и политических технологий, Институт государственного управления и права, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

Dmitry Yu. Znamensky — Cand. Sci. (Pol.), Assoc. Prof., Deputy Head of the Department of Public Administration and Political Technologies, Institute of Public Administration and Law, State University of Management, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-3492-1567>

Автор для корреспонденции / Corresponding autor:

belyferz@list.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.10.2025; после рецензирования 12.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 23.10.2025; revised on 12.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Экосистемная экспансия российских IT-компаний: механизмы роста, инструменты удержания аудитории и институциональные ограничения

М.Н. Лавниченко, М.В. Ведерников, С.В. Савельев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В условиях постсанкционной трансформации российского рынка цифровые экосистемы Яндекса и Сбера превратились в ключевые центры консолидации сервисов, пользовательских данных и внимания аудитории. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа механизмов экосистемной экспансии, выходящего за рамки традиционной оценки финансовых показателей и учитывающего маркетинговые, поведенческие и институциональные аспекты. Целью является выявление и систематизация экономических, коммуникационных, потребительских и институциональных механизмов, посредством которых российские IT-экосистемы наращивают рыночную власть и обеспечивают удержание аудитории в постсанкционный период. Методы работы опираются на многоуровневый эмпирический анализ: изучение корпоративной отчетности Яндекса и Сбера за 2022–2025 гг.; кейс-анализ рекламных кампаний крупнейших экосистемных сервисов за 2022–2024 гг.; интерпретацию данных авторского онлайн-опроса пользователей цифровых платформ ($n = 208$, февраль – март 2026 г.); сравнительный анализ российских и китайских моделей платформенного развития. Результаты показали, что Яндекс реализует трансформационную модель экспансии, в которой транзакционные O2O-сервисы, логистика и подписка становятся самостоятельным центром роста (выручка в 2025 г. достигла 1 441,1 млрд руб., доля непрофильных направлений превысила 47%). Сбер, напротив, выстраивает синергетическую модель, усиливая традиционное банковское ядро за счет платежной инфраструктуры, программ лояльности и ИИ-сервисов (эффект от внедрения искусственного интеллекта в 2024 г. превысил 400 млрд руб.). Потребительская лояльность в обеих экосистемах базируется преимущественно на удобстве единой учетной записи (71,2%), привычке (73,1%) и накопленной истории взаимодействия, а не на безусловной привязанности к бренду, что формирует феномен прагматичной мультиэкосистемности. Институциональные ресурсы, включая эффект «вращающихся дверей», выступают значимым фактором конкурентной устойчивости. Научная новизна работы заключается в объединении количественного, маркетингового, институционального и сравнительного ракурсов в рамках единой объяснительной модели экосистемной экспансии. Полученные результаты могут быть использованы для прогнозирования стратегий цифровых платформ в условиях ужесточения регуляторной среды.

Ключевые слова: цифровые экосистемы; российские IT-компании; Яндекс; Сбер; платформенная конкуренция; пользовательская лояльность; эффект «вращающихся дверей»

Для цитирования: Лавниченко М.Н., Ведерников М.В., Савельев С.В. Экосистемная экспансия российских IT-компаний: механизмы роста, инструменты удержания аудитории и институциональные ограничения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(3):126-137. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-126-137

ORIGINAL PAPER

Ecosystem Expansion of Russian IT Companies: Growth Mechanisms, Audience Retention Tools and Institutional Constraints

M.N. Lavnichenko, M.V. Vedernikov, S.V. Saveliev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

In the context of the post-sanctions transformation of the Russian market, the digital ecosystems of Yandex and Sberbank have become key centers for consolidating services, user data, and audience attention. The relevance of the study is due to the need for a comprehensive analysis of the mechanisms of ecosystem expansion, going beyond the traditional

assessment of financial indicators and taking into account marketing, behavioral and institutional aspects. The aim is to identify and systematize the economic, communication, consumer and institutional mechanisms through which Russian IT ecosystems increase market power and ensure audience retention in the post-sanctions period. Methods the work is based on a multi-level empirical analysis: the study of the corporate reporting of Yandex and Sberbank for 2022–2025; case analysis of advertising campaigns of the largest ecosystem services for 2022–2024; interpretation of data from the author's online survey of users of digital platforms (n=208, February-March 2026); comparative analysis of Russian and Chinese platform development models. The results show that Yandex is implementing a transformational expansion model in which transactional O2O services, logistics and subscription become an independent growth center (revenue in 2025 reached 1441.1 billion rubles, the share of non-core areas exceeded 47%). On the contrary, Sber is building a synergistic model, strengthening the traditional banking core through payment infrastructure, loyalty programs and AI services (the effect of the introduction of artificial intelligence in 2024 exceeded 400 billion rubles). Consumer loyalty in both ecosystems is based primarily on the convenience of a single account (71.2%), habit (73.1%) and an accumulated history of interaction, rather than on unconditional attachment to the brand, which forms the phenomenon of pragmatic multi-ecosystem. Institutional resources, including the revolving door effect, are a significant factor in competitive sustainability. The scientific novelty of the work consists in combining quantitative, marketing, institutional and comparative perspectives within the framework of a single explanatory model of ecosystem expansion. The results obtained can be used to predict the strategies of digital platforms in the context of a tightening regulatory environment.

Keywords: digital ecosystems; Russian IT companies; Yandex; Sberbank; platform competition; user loyalty; “revolving door effect”

For citation: Lavnichenko M.N., Vedernikov M.V., Saveliev S.V. Ecosystem expansion of Russian IT companies: Growth mechanisms, audience retention tools and institutional constraints. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(3):126-137. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-126-137

ВВЕДЕНИЕ

Формирование цифровых экосистем стало одним из ключевых направлений трансформации современной экономики. Конкуренция между крупными платформами все в меньшей степени сводится к соперничеству отдельных сервисов и все в большей — к борьбе за контроль над целостными пользовательскими сценариями: поиском информации, платежами, перемещением по городу, потреблением контента, покупками и повседневной логистикой. В этой логике экосистема становится не просто набором продуктов, а инфраструктурой, внутри которой удерживается внимание, формируются привычки и закрепляется повторное потребление.

Для российского рынка данная тенденция приобрела особую значимость после 2022 г., когда на фоне геополитической перестройки, ухода части иностранных игроков и ускорения импортозамещения возросла роль крупных национальных платформ. Именно в этот период Яндекс и Сбер окончательно закрепились в качестве двух наиболее мощных центров экосистемной экспансии, однако реализовали эту стратегию по разным траекториям: одна компания усиливала транзакционное и сервисное ядро, другая — встраивала нефинансовые и ИИ-контуры в уже существующую банковскую инфраструктуру [1].

Вместе с тем экосистемная экспансия не может быть объяснена только ростом выручки или числом сервисов. Она предполагает одновременно экономическое расширение, маркетинговое закрепление пользователя, институциональную адаптацию

к регуляторной среде и создание механизмов повседневной лояльности. Именно поэтому в статье объединены четыре аналитические оптики: количественная динамика роста, коммуникационные стратегии, потребительское поведение и политико-институциональные ограничения. Такой подход позволяет рассматривать экосистему как сложную форму власти на рынке, а не как сумму цифровых продуктов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирическую основу статьи составили три взаимодополняющих массива данных. Во-первых, использованы официальные корпоративные материалы Яндекса и Сбера за 2022–2025 гг., позволяющие проследить динамику выручки, подписочных метрик, ИИ-эффекта и организационной трансформации бизнес-сегментов. Во-вторых, в аналитическую рамку включены кейсы рекламных кампаний крупнейших экосистемных сервисов 2022–2024 гг., что дает возможность проследить, как маркетинг превращается в инструмент перевода пользователя между сервисами. В-третьих, привлечены результаты авторского онлайн-опроса пользователей цифровых экосистем, проведенного в феврале — марте 2026 г. (n = 208), который позволяет реконструировать логику пользовательской лояльности и повседневных практик.

Методологически работа сочетает контент-анализ с элементами семиотического и нарративного анализов, кейс-стади, анализа биографий, анкетирования, статистического анализа эконо-

мических показателей компаний. Это позволяет уйти от узкого понимания экосистемной экспансии как сугубо финансового роста и рассматривать ее как многомерный процесс, объединяющий инфраструктуру, данные, поведение потребителей и взаимодействие с государством [2].

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛОГИКА ЭКОСИСТЕМНОЙ ЭКСПАНСИИ

Анализ корпоративной отчетности за 2022–2024 гг. показывает, что Яндекс и Сбер развивали экосистемы по разным, но структурно сопоставимым сценариям. Для Яндекса ключевым процессом стало смещение центра внимания от традиционно поисково-рекламного ядра к транзакционным и O2O-направлениям. В 2022 г. выручка компании составляла 547,9 млрд руб., в 2023 г. — 800,1 млрд руб., а в 2024 г. — уже 1 095 млрд руб.¹ При этом доля транзакционных направлений в выручке достигла 47%, впервые превысив вклад поискового сегмента. Это означает, что экосистема Яндекса перестала быть надстройкой над поиском и превратилась в самостоятельную цифровую инфраструктуру, где логистика, доставка, e-commerce, развлечения и финтех образуют единый контур потребления.

Новые данные 2025 г. подтверждают устойчивость этой траектории (рис. 1). Согласно официальным финансовым результатам, выручка Яндекса по итогам 2025 г. выросла до 1 441,1 млрд руб. (+ 32% г/г.), а подписочная выручка достигла 89,8 млрд руб. (табл. 1). Наиболее быстрорастущими сегментами оказались City Services (804,5 млрд руб. за год), Personal Services (214,3 млрд руб.) и B2B Tech (48,2 млрд руб.), что свидетельствует о расширении экосистемы одновременно в сторону повседневных пользовательских сценариев и корпоративного технологического контура.

Логика Сбера иная. Здесь экосистема не выстраивается как отдельный набор автономных нефинансовых вертикалей, а усиливает традиционное банковское ядро. Поэтому формальная сегментация «чисто экосистемных» доходов в отчетности банка ограничена: платежные сервисы, эквайринг, программы лояльности, идентификация и часть цифровых решений распределены по бан-

ковским статьям. Однако косвенные показатели позволяют увидеть глубину экосистемной интеграции. В 2023 г. число подписчиков «СберПрайм» достигло 77,2 млн, совокупная цифровая аудитория — 108,5 млн человек, а эффект от внедрения ИИ вырос до 350 млрд руб. В 2024 г. этот эффект превысил 400 млрд руб., при этом банк сохранил рыночную устойчивость даже в условиях высокой ставки и снижения месячной активной аудитории². В 2025 г. экосистемная логика Сбера не ослабла, а стала еще более прибыльно ориентированной. По итогам года группа получила 1 705,9 млрд руб. чистой прибыли по МСФО, а прибыль IV кв. составила 398,6 млрд руб. Рост прибыли при сохранении высокой технологической интенсивности показывает, что для Сбера экосистема выступает не альтернативой банковской модели, а инструментом углубления встроенности клиента в единый платежно-сервисный контур.

Отдельным индикатором экосистемного роста остается рынок подписок. По данным J'son & Partners³, объем российского рынка экосистемных подписок вырос с 58,1 млрд руб. в 2022 г. до 111,7 млрд руб. в 2023 г. и 195 млрд руб. в 2024 г. Таким образом, именно подписка становится ключевым механизмом создания барьеров выхода: пользователь закрепляется не через единичный сервис, а через выгоду от множества взаимосвязанных сервисов и накопленную историю внутри экосистемы.

В совокупности количественные данные позволяют сделать важный вывод. Российские экосистемы уже нельзя описывать как набор дополняющих сервисов вокруг одного «якоря». И Яндекс, и Сбер прошли стадию, на которой экосистема становится самостоятельной моделью извлечения стоимости. Однако если Яндекс делает ставку на наращивание транзакционных сценариев, логистики и сервисной частоты, то Сбер достигает сходного эффекта через максимальное встраивание клиента в платежную и финансовую инфраструктуру. Именно различие этих двух траекторий во многом определяет различия их маркетинга, пользовательской лояльности и институциональной стратегии.

¹ Quarterly Supplementary Materials Yandex 2022–2024. URL: https://yastatic.net/s3/ir-docs/events/2022/Supplementary_slides_4Q22.pdf; https://yastatic.net/s3/ir-docs/docs/2023/Q4/71ae385276741355556163d5e0f47b4c021c7e93/Supplementary_slides_4Q23_ENG_v2_a944f.pdf; URL: https://yastatic.net/s3/ir-docs/docs/2024/q4/cbf2d1c3ff32ff65da61438h44902945/IR_4Q2024_RUS.pdf

² Итоги Сбера по МСФО 2022–2024 гг. URL: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/info/2022ifrs_presentation.pdf; https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/info/2023ifrs_presentation.pdf; https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/info/presentationq4mljq7xb3_2024.pdf

³ URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/513162-vzali-podpisku-kak-rastet-rynok-i-auditoria-ekosistemnyh-servisov-v-rossii?ysclid=movevrii1a792022041>

Таблица 1 / Table 1

Ключевые показатели экосистемной трансформации Яндекса / Key indicators of the ecosystem transformation of Yandex

Показатель / Indicator	2022	2023	2024	2025
Выручка, млрд руб.	547,9	800,1	1 095,0	1 441,1
Подписчики «Яндекс Плюс», млн	19,2	30,4	39,2	43,2*
Доля транзакционных/O2O направлений в выручке, %	46	45	47	–
Подписочная выручка, млрд руб.	–	–	–	89,8

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Примечание / Note.* Для 2025 г. указан последний публично доступный показатель за II кв. 2025 г. / For 2025, the latest publicly available indicator for the second quarter of 2025 is indicated.

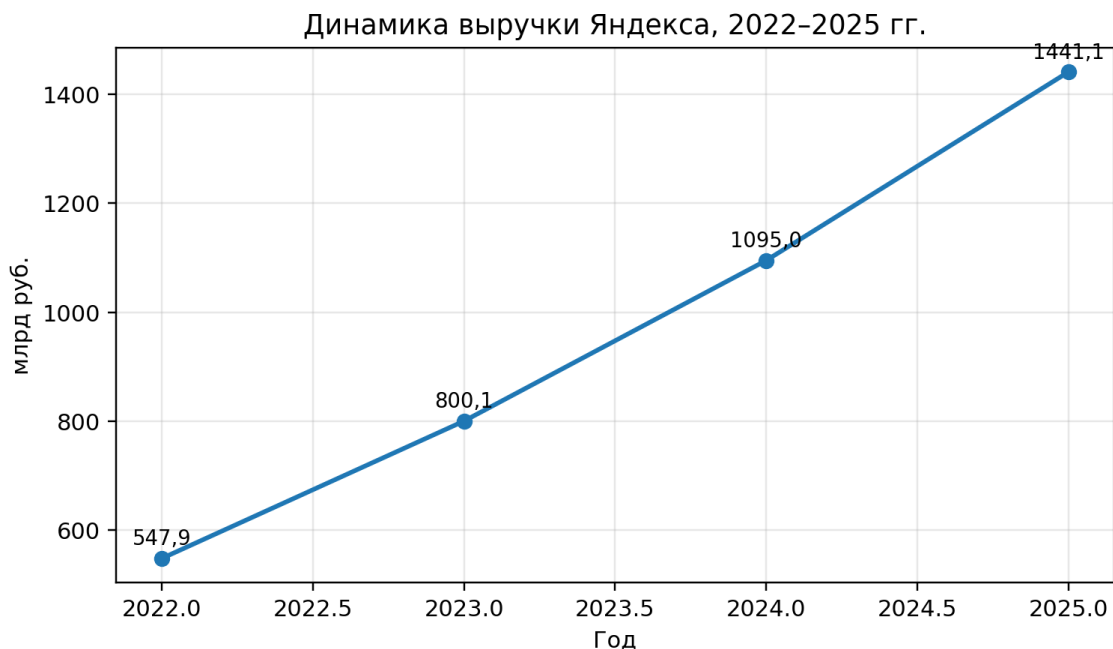

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика выручки Яндекса в 2022–2025 гг. / Yandex revenue dynamics in 2022–2025

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ КАК МЕХАНИЗМ УДЕРЖАНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

Финансовая экспансия экосистем неотделима от логики их коммуникации с аудиторией. Рекламные кампании крупнейших российских платформ в 2022–2024 гг. все чаще решали не задачу разовой продажи, а задачу удержания, перевода и доращивания пользователя внутри экосистемного контура. В этой перспективе маркетинг превращается в инфраструктуру повседневности: бренд стремится встроиться в городскую среду, культурные коды, развлекательные сценарии и цифровые привычки [3].

Анализ кейсов показывает, что российские компании последовательно используют три устойчивых механизма:

- нарративный и эмоциональный маркетинг, при котором бренд связывается с историей, городской идентичностью, заботой или самовыражением;
- кросс-маркетинговая связность, когда одна кампания обслуживает сразу несколько сервисов экосистемы;
- событийно-геймификационная механика, позволяющая перевести взаимодействие с платформой из утилитарного в привычный и аффективный режим [4].

Именно поэтому рекламные кампании Яндекса и экосистемы Сбера (табл. 2) целесообразно анализировать не как набор отдельных креативов, а как механизм экосистемной сборки внимания⁴.

Показательно, что кампании Яндекса часто соединяют цифровую и физическую среды. Баннеры, арт-объекты, автомобили, плейлисты и экраны становятся частями одного пользовательского маршрута. Такая логика усиливает ощущение непрерывного присутствия бренда и переводит экосистему из пространства экрана в пространство города. В свою очередь, связка сервисов внутри самой кампании формирует не разовый отклик, а привычку перемещения между сегментами одной платформы.

Для экосистемы Сбера и связанных с ней сервисов более характерно сочетание технологического и символического маркетинга. Здесь важны не только скидка или полезность, но и культурная легитимация бренда — через искусство, инклюзивность, образовательные и игровые форматы. Это особенно заметно в случаях, когда кампания одновременно решает задачу расширения клиентской базы и укрепляет общественно приемлемый образ экосистемы. Следовательно, маркетинг российских цифровых платформ выполняет двойную функцию: обеспечивает пользовательский рост и одновременно нормализует расширяющуюся роль платформы в повседневной жизни.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ЭКСПАНСИИ

Экосистемная конкуренция разворачивается не только в сфере технологий и маркетинга, но и в пространстве институтов. По мере того, как цифровые платформы начинают конкурировать за платежные потоки, данные, торговые правила и интерфейсы доступа к клиенту, институциональный ресурс становится сопоставимым по значимости с финансовым. В российском контексте это особенно заметно через эффект «вращающихся дверей», когда опыт, связи и нормативное знание бывших государст-

венных служащих конвертируются в конкурентное преимущество корпораций [5].

Речь идет не просто о кадровых переходах как таковых (табл. 3). Гораздо важнее то, что эти переходы происходят в ключевые моменты трансформации компаний. Приход Алексея Кудрина (в прошлом — председатель Счетной палаты РФ) в Яндекс совпал с корпоративной реструктуризацией и разделением российского и международного контуров бизнеса. Назначение Алексея Козырева (бывший заместитель Министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций) в Сбер усилило позиции банка в проектах государственной цифровизации. Тем самым институт «вращающихся дверей» работает не только как форма коммуникации с бюрократией, но и как механизм стратегической легитимации экосистем.

Татьяна Липская в течение семи лет занимала пост советника министра обороны. Ольга Минаева входила в Совет по развитию информационных технологий и цифровой экономики ТПП РФ, а также в рабочие группы по цифровым технологиям, нормативному регулированию цифровой экономики, по реализации федерального проекта «Искусственный интеллект» в рамках национальной программы «Цифровая экономика». Виталий Терентьев — член рабочей группы при Министерстве цифрового развития, связанной с экспериментами по идентификации и аутентификации с использованием федеральной государственной информационной системы. Он также входит в Комиссию Госсовета РФ по направлению «Эффективная и конкурентная экономика». Сергей Вотяков — спикер и член жюри на профильных государственных мероприятиях (ПМЭФ, Международный технологический конгресс и других)⁵.

В 2025–2026 гг. значимость регуляторного измерения стала еще заметнее на фоне конфликта вокруг дифференциации цен по способу оплаты на маркетплейсах. Крупные банки, включая Сбер, публично выступили против практики скидок при оплате картами аффилированных банков маркетплейсов, а Банк России поддержал тезис о необходимости недискриминационного доступа к платежной инфраструктуре. Сам по себе этот конфликт показателен не только как спор о ценах, но и как столкновение двух экосистемных моделей: банковской и маркетплейсной. Каждая из них претендует

⁴ Яндекс Маркет «ненавязчиво напомнил» о начале сезона распродаж. URL: <https://adindex.ru/news/creative/2023/11/9/317128.phtml>; ЯндексМаркет подвел итоги распродажи «11.11». URL: https://new-retail.ru/novosti/retail/yandeks_market_podvel_itogi_rasprodazhi_11_11/; Кейс «Мегамаркета»: как привлечь подростков к ценностям бренда, разрешив им быть собой. URL: <https://adindex.ru/case/2024/12/17/329103.phtml>; Мозаики Яндекс Пэй на улицах Москвы. URL: <https://tagline.ru/yellow-yeti/cases/mozaiki-yandeks-pey-na-ulicah-moskvy/>

⁵ «Казанские итэшники» покоряют Россию через союз с «Ростехом». C-News. URL: https://www.cnews.ru/news/top/kazanskie_iteshniki_pokoryayut_rossiyu

Таблица 2 / Table 2

**Маркетинговые механики и их экосистемный эффект /
Marketing mechanics and their ecosystem effect**

Кейс / Case	Компания / Company	Категория / Category	Ключевая механика / Key mechanics	Измеримый эффект / Measurable effect
«Распродажа 11.11»	Яндекс Маркет	E-commerce	Эмоциональный сторителлинг + кросс-маркетинг внутри сервисов	Аудитория ×2,5; оборот ×1,4; покупатели ×1,7
«Мозаики на улицах Москвы»	Яндекс Пэй	Платежный сервис	Брендинг городской среды + нативное распространение	Охват >2 млн; стоимость контакта 2,22 руб.
«Плюс Сити / Плюс Дейли»	Яндекс Пэй / Яндекс Плюс	Геймификация	Городская игра + сериализация персонажей	Охват >140 млн контактов; просмотры видео > 23 млн
«Не запрещено быть собой»	Мегамаркет	E-commerce / молодежный сегмент	Комьюнити-маркетинг + культурная интеграция	Охват 68 млн; 11 тыс. участников офлайн
Карты «Васнецовы»	Сбер	Финансовый продукт	Культурный маркетинг + AI/AR	Почти 100 тыс. заказов карт; >25 тыс. посетителей выставки
«СберМегаСетап» / «МегаИгра»	Мегамаркет	Геймификация	Чат-боты, веб-спецпроекты, инфлюенсеры	2,78 млн уникального охвата; 22,4 тыс. новых подписчиков

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

на право стать базовым интерфейсом повседневного потребления и, следовательно, на доступ к самым ценным точкам данных и транзакций.

Отсюда следует вывод: дальнейший рост цифровых экосистем будет зависеть не только от объема инвестиций или качества сервисов, но и от способности компаний влиять на правила конкуренции. В российском случае рынок цифровых платформ все сильнее становится пространством, где технологическая архитектура, нормативное регулирование и корпоративные интересы оказываются тесно переплетены [6].

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЛОГИКА ЭКОСИСТЕМ

Ключевым условием устойчивости экосистем является не просто охват аудитории, а способность

встроиться в повседневные практики. Данные авторского онлайн-опроса показывают, что рынок цифровых экосистем в России характеризуется очень высоким проникновением в молодом городском сегменте: 94,2% респондентов пользуются хотя бы одной экосистемой, причем Яндекс имеет наиболее сильные позиции как по проникновению, так и по статусу основной платформы (рис. 2).

Распределение ответов позволяет уточнить, что именно удерживает пользователя внутри экосистемы (табл. 4). Во-первых, это высокая частота взаимодействия: 67,3% опрошенных используют основную экосистему ежедневно или несколько раз в день, а 86,5% имеют стаж использования более трех лет. Во-вторых, критическое значение имеют удобство единой учетной записи (71,2%), интерфейсная целостность (51,9%) и накопленная исто-

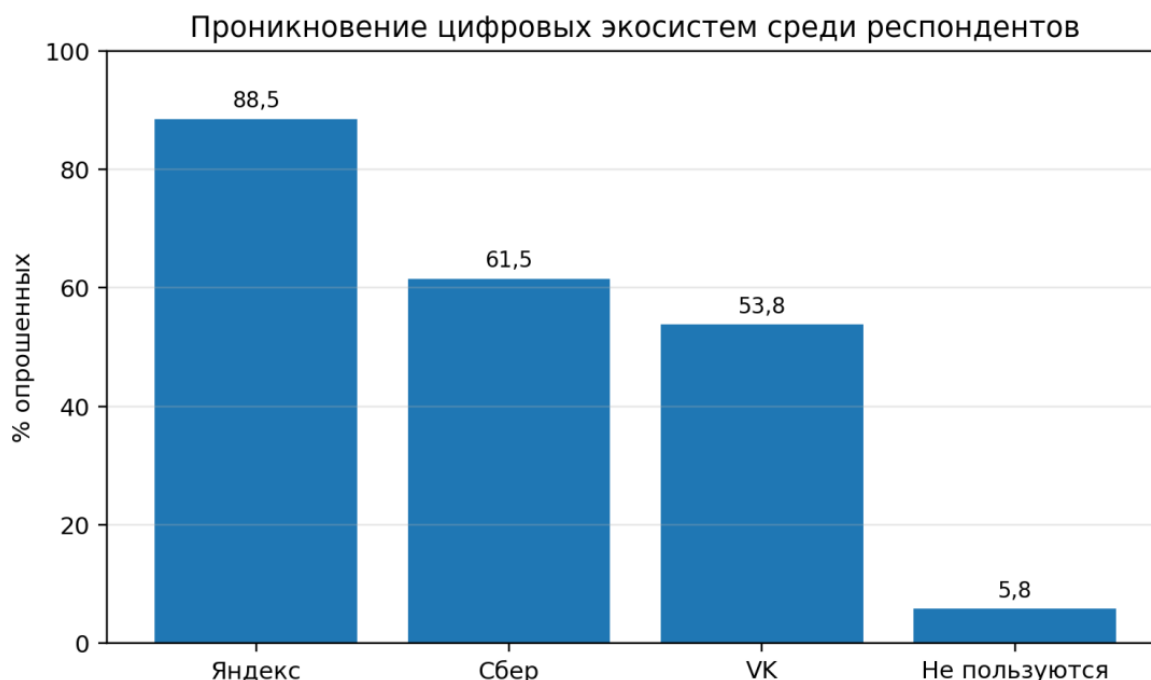

Рис. 2 / Fig. 2. Проникновение цифровых экосистем среди респондентов авторского опроса (n = 208) / Penetration of digital ecosystems among respondents to the author's survey (n = 208)

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Таблица 3 / Table 3

Типы лоббистских ресурсов, формируемых через эффект «вращающихся дверей» / Types of lobbying resources generated through the revolving door effect

Ресурс / Resource	Ключевые фигуры / Key figures	Корпоративная функция / Corporate function	Потенциальный эффект / Potential effect
Политико-стратегический	Алексей Кудрин	Легитимация сложных корпоративных решений и диалог с высшим уровнем власти	Устойчивость компании в условиях реструктуризации и санкционного давления
Технологически-нормативный	Алексей Козырев	Конвертация регуляторного знания в архитектурный контроль над госцифровизацией	Доступ к длинным контрактам и формирование рынка под собственные решения
Коммуникативный	Татьяна Липская, Ольга Минаева	Взаимодействие с чувствительными государственными и общественными контурами	Повышение легитимности ESG, культурных и социальных проектов
Институционально-экспертный	Виталий Терентьев, Сергей Вотяков	Работа через ассоциации, рабочие группы и экспертные площадки	Влияние на проекты регулирования еще до их окончательного утверждения

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

**Профиль лояльного пользователя российской цифровой экосистемы, % /
The profile of a loyal user of the Russian digital ecosystem, %**

Характеристика / Characteristic	Преобладающие параметры / Prevailing parameters
Социально-демографический профиль	31 год; небольшой перевес женщин (51,9); 61,5 – имеют высшее или неоконченное высшее образование; 75,0 живут в крупных городах
Трудовой и доходный статус	Преобладают работающие и работающие студенты (59,6); 44,2 имеют доход свыше 60 тыс. руб.
Экосистемное поведение	Основная экосистема – Яндекс (76,9); стаж более 3 лет – 86,5; частота использования – ежедневно или чаще (67,3)
Механизмы привлечения	Единая учетная запись, знакомый интерфейс, удобство перехода между сервисами
Механизмы удержания	Привычка (73,1), удобство интеграции (65,4), накопленная история и персональные настройки (48,1)
Уязвимые точки лояльности	Чувствительность к ценам и условиям конкурентов; умеренное доверие к обработке персональных данных; мультиэкосистемность

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

рия взаимодействий. В-третьих, опрос фиксирует прагматический характер лояльности: 75% пользователей одновременно пользуются сервисами конкурентов, а готовность переключиться на другую платформу при более выгодных условиях остается заметной.

Именно здесь сходятся результаты количественного анализа, коммуникационных кейсов и подписочной экономики. Подписка фиксирует пользователя не столько через прямую эмоциональную привязанность, сколько через накопление удобства. Чем больше сервисов подключено к одной учетной записи, тем выше эффект блокировки и тем менее рациональным становится полный выход из экосистемы [7]. Но одновременно опрос показывает пределы этой модели: пользователь не перестает быть сравнительно рациональным и готов переключаться между платформами. Следовательно, российская экосистема удерживает не абсолютной лояльностью, а постоянным воспроизводством повседневной полезности.

РОССИЙСКИЕ И КИТАЙСКИЕ МОДЕЛИ ЭКОСИСТЕМНОЙ ЭКСПАНИИ: ТОЧКИ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Сравнение российских экосистем с китайскими позволяет точнее определить специфику отече-

ственной модели. Общим для обеих стран остается то, что цифровые платформы развиваются не в институциональном вакууме, а в тесной связке с государством. И в России, и в Китае экосистемная экспансия опирается на O2O-интеграцию, подписочные и платежные контуры, а также на активное внедрение ИИ в ядро бизнес-процессов [8]. Однако различия не менее существенны и касаются масштаба, географии, регуляторного устройства и характера международной экспансии⁶.

Российские компании отличаются фокусом на антисанкционную трансформацию и региональную адаптацию⁷. Для Яндекса это выразилось в разделении корпоративной структуры и усилении сервисного ядра внутри российского контура. Для Сбера – в переориентации на внутренний рынок, платежную устойчивость и технологический суверенитет. Китайские платформы, напротив, исторически строили экспансию в условиях гораздо большего внутреннего масштаба и более

⁶ В 2024 г. иностранные компании наняли в два раза больше российских IT-специалистов по сравнению с прошлым годом. URL: <https://runet.news/news/62288>

⁷ Становление и развитие цифровых экосистем на базе технологических и телекоммуникационных компаний. 2024. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38053

Сравнение российских и китайских моделей экосистемной экспансии /
Comparison of Russian and Chinese models of ecosystem expansion

Критерий / Criteria	Модель / Model	
	Российская	Китайская
Базовая траектория роста	Адаптация к постсанкционной перестройке и внутреннему рынку	Масштабирование на крупном внутреннем рынке с опорой на глобальную экспансию
Роль государства	Высокая, но более гибкая и проектная; важны GR и регуляторные договоренности	Высокая и более централизованная; тесная связка с индустриальной и цифровой политикой
Ключевой механизм удержания	Подписка, логистика, платежные и сервисные сценарии повседневности	Супераппы, платежная инфраструктура, социальные платформы и алгоритмическая персонализация
География экспансии	СНГ, дружественные рынки, точечная региональная экспансия	Масштабная глобальная экспансия (Alibaba, Tencent, ByteDance)
Маркетинговая логика	Сильный эмоциональный и нарративный акцент; социальная легитимация бренда	Большой масштаб алгоритмического таргетинга и коммерческой персонализации
Работа с данными и ИИ	Быстрое внедрение ИИ в сервисную и финансовую инфраструктуру	Алгоритмическая доминанция и более крупные вложения в R&D
Главный риск	Санкционные ограничения, регуляторные конфликты, зависимость от внутреннего рынка	Жесткое государственное регулирование и геополитические ограничения экспорта платформ

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

широкой внешней экспансии. Это делает их полезным сравнительным ориентиром, но не прямой моделью копирования [9].

Сравнительный анализ (табл. 5) показывает, что российская экосистемная модель сильнее зависит от институциональных факторов и от способности компании занять место инфраструктурного посредника между государством, пользователем и бизнесом [10]. Китайская модель в большей степени базируется на масштабе рынка, алгоритмической доминанции и международной логистике [11]. Поэтому российские экосистемы конкурируют не столько глобальным размахом, сколько плотностью встраивания в повседневность и скоростью адаптации к регуляторной среде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показывает, что экосистемная экспансия крупнейших российских IT-компаний представляет собой не просто расширение продуктового портфеля, а форму глубокой перестройки конкурентной среды. Яндекс и Сбер развиваются по различным траекториям — трансформационной и синергетической, — но в обоих

случаях результатом становится смещение конкуренции с уровня отдельных сервисов на уровень целостной инфраструктуры повседневной жизни.

Для Яндекса определяющим стало превращение транзакционных, подписочных и сервисных сценариев в самостоятельный центр роста. Для Сбера — превращение финансового ядра в платформу, вокруг которой организуются лояльность, платежи, цифровая идентичность и ИИ-сервисы. В обоих случаях удержание пользователя строится прежде всего на удобстве, привычке и эффекте накопленной ценности. Тем самым статья показывает, что современная экосистема выигрывает не только масштабом, но и способностью встроиться в повторяющиеся практики пользователя.

Наконец, российский опыт подтверждает, что экосистемная экспансия неотделима от институциональных условий. Регуляторные конфликты, эффект «вращающихся дверей», борьба за платежную инфраструктуру и сопоставление с китайскими моделями показывают: речь идет не просто о цифровом рынке, а о формировании новых центров экономической и организационной власти — именно поэтому дальнейшее исследова-

ние экосистем должно учитывать одновременно данные корпоративной отчетности, маркетинговые механики, пользовательское поведение и политико-правовую среду.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований ВТСК № 439 по теме «Экосистемная экспансия российских IT-компаний: механизмы захвата рынка и влияние политических факторов на формирование конкурентной среды», выполненных в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации на 2025/2026 у.г., Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article is based on the results of research conducted by VTSK No. 439 on the topic “Ecosystem expansion of Russian IT companies: market capture mechanisms and the impact of political factors on the formation of a competitive environment”, carried out at the Financial University under the Government of the Russian Federation for 2025/2026, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жилин А.А. Стратегии построения деловой экосистемы компании Яндекс. *Экономика и бизнес*. 2025;2:45-62. URL: <https://www.elibrary.ru/dndaps>
2. Абдрахманова Г.И., Гохберг Л.М., Демьянова А.В. и др. Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад. Москва: ИСИЭЗ ВШЭ; 2023. URL: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-3001-6>
3. Зайцева Е.С. Эмоциональный маркетинг в развлекательной индустрии: как чувства влияют на восприятие рекламы. *Economy and Business: Theory and Practice*. 2025.6(124):48-55. URL: <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2025-6-48-55>
4. Васильченко Д.В. Исследование влияния психотипирования целевой аудитории и выбора инструментов эмоционального маркетинга на имидж бренда. В сб.: Технологии маркетинга, бренд-менеджмента и рекламы. Москва: Государственный университет управления; 2023. URL: <https://elibrary.ru/gzhsnj>
5. Авдокушин Е.Ф. О некоторых подходах к регулированию цифровых экосистем. *Международная торговля и торговая политика*. 2024;10(1):94-112. URL: <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2024-1-94-112>
6. Анохина М.Е., Колесников А.В., Максимов М.И., Сулимова Е.А. Инновационные механизмы развития бизнес-экосистем в цифровой экономике. *Инновации и инвестиции*. 2025;9:6-10. URL: <https://elibrary.ru/otjhix>
7. Азарян Е.М., Мелентьева О.В. Виртуальные рынки в маркетинговой системе координат. *Инновации и инвестиции*. 2025;9:187-189. URL: <https://elibrary.ru/eoae11>
8. Варца Р.А. Сравнительный анализ государственной политики в области развития цифровых платформ в Китайской Народной Республике и Российской Федерации. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2025;2:272-281. URL: <https://elibrary.ru/wzzdgs>
9. Лукьянчикова А.С. Рекламные возможности в метавселенных. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):128-133. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-4-128-133>
10. Крайнева Р.К., Подгорнова Д.С. Современные инструменты коммуникации для продвижения российских брендов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(2):66-74. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-2-66-74>
11. Дань Шэнь, Михайлова Н.В. Эволюция стратегий и новое лицо Китая в мировой торговле. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2025;15(6):46-54. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2025-15-6-46-54>

REFERENCES

1. Zhilin A.A. Strategies for building the Yandex business ecosystem. *Economics and Business*. 2025;2:45-62. URL: <https://www.elibrary.ru/dndaps> (In Russ.).
2. Abdrakhmanova G.I., Gokhberg L.M., Demyanova A.V. and others. The platform economy in Russia: Development potential: An analytical report. Moscow: ISSEK HSE; 2023. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-3001-6>

3. Zaitseva E. S. Emotional marketing in the entertainment industry: How feelings affect the perception of advertising. *Economy and Business: Theory and Practice*. 2025;6(124):48-55. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2025-6-48-55>
4. Vasilchenko D. V. Investigation of the influence of psychotyping of the target audience and the choice of emotional marketing tools on the brand image. In: Technologies of marketing, brand management and advertising. Moscow: State University of Management; 2023. URL: <https://elibrary.ru/gzhsnj> (In Russ.).
5. Avdokushin E. F. Some approaches to regulating digital ecosystems. *International Trade and Trade Policy*. 2024;10(1):94-112. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2024-1-94-112>
6. Anokhina M. E., Kolesnikov A. V., Maksimov M. I., Sulimova E. A. Innovative mechanisms for the development of business ecosystems in the digital economy. *Innovation and Investment*. 2025;9:6-10. URL: <https://elibrary.ru/otjhix> (In Russ.).
7. Azaryan E. M., Melentyeva O. V. Virtual markets in the marketing coordinate system. *Innovations and Investments*. 2025;9:187-189. URL: <https://elibrary.ru/eoaell> (In Russ.).
8. Varetza R. A. Comparative analysis of state policy in the field of digital platform development in the People's Republic of China and the Russian Federation. *State and Municipal Administration. Scientific Notes*. 2025;2:272-281. URL: <https://elibrary.ru/wzzdgs> (In Russ.).
9. Lukyanchikova A. S. Advertising opportunities in the metaverse. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):128-133. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-4-128-133>
10. Kraineva R. K., Podgornova D. S. Modern communication tools for promoting Russian brands. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(2):66-74. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-2-66-74>
11. Dan Shen, Mikhailova N. V. The evolution of strategies and the new face of China in world trade. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2025;15(6):46-54. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2025-15-6-46-54>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Максим Николаевич Лавниченко — доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Maxim N. Lavnichenko — Assoc. Prof. of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0007-7889-1754>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

MNlavnichenko@fa.ru

Максим Викторович Ведерников — студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Maksim V. Vedernikov — student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0005-4936-1151>

maksvalt1@yandex.ru

Сергей Владиславович Савельев — студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Sergey V. Savelyev — student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0007-4755-1159>

svsavelev@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

М.Н. Лавниченко — руководство исследованием.

М.В. Ведерников — разработка концепции, проведение сравнительного анализа, подготовка итоговой статьи.

С.В. Савельев — методология, результаты и их интерпретация.

Authors' contributions:

M. N. Lavnichenko — research management.

M. V. Vedernikov — concept development, conducting a comparative analysis, preparation of the final article.

S. V. Savelyev — methodology, results and their interpretation.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.10.2025; после рецензирования 12.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 23.10.2025; revised on 12.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

П.А. Столыпин: прерванные реформы

С.А. Степанов, М.Н. Мосейкина, Е.А. Иванова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Председатель Совета министров Российской империи Петр Аркадьевич Столыпин говорил: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Для одних он был «вешателем», для других – выдающимся реформатором. Столыпин хорошо понимал, что одними репрессиями невозможно остановить революционное движение. Его реформы были призваны уменьшить социальное напряжение внутри страны, направить энергию людей в созидательное русло. Именно это было главной задачей столыпинской аграрной реформы. Составной частью реформ была переселенческая политика, нацеленная на освоение огромных богатых ресурсами пространств Сибири и Дальнего Востока. К сожалению, реформы Столыпина были прерваны террористическим актом, унесшим жизнь выдающегося реформатора. Первая мировая война, две революции и Гражданская война не дали России столь необходимого для ее развития покоя. Однако реформы Столыпина до сих пор остаются примером для подражания.

Ключевые слова: политика; Россия; Столыпин; политический террор; аграрная реформа; переселенческая политика

Для цитирования: Степанов С.А., Мосейкина М.Н., Иванова Е.А. П.А. Столыпин: прерванные реформы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(3):138-145. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-138-145

P.A. Stolypin: Interrupted Reforms

S.A. Stepanov, M.N. Moseykina, E.A. Ivanova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Chairman of the Council of Ministers of the Russian Empire Pyotr Arkadyevich Stolypin said: "Give the state 20 years of peace, internal and external, and you will not recognize today's Russia." To some, he was a "hangman," to others, an outstanding reformer. Stolypin understood well that repression alone could not stop the revolutionary movement. His reforms were intended to reduce social tension within the country and channel people's energy into creative outlets. This was the main goal of Stolypin's agrarian reform. An integral part of the reforms was a resettlement policy aimed at developing the vast, resource-rich expanses of Siberia and the Far East. Unfortunately, Stolypin's reforms were interrupted by a terrorist attack that took the life of the outstanding reformer. World War I, two revolutions, and the Civil War did not give Russia the peace so necessary for its development. However, Stolypin's reforms remain a model to follow.

Keywords: politics; Russia; Stolypin; political terror; agrarian reform; resettlement policy

For citation: Stepanov S.A., Moseykina M.N., Ivanova E.A. P.A. Stolypin: Interrupted reforms. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(3):138-145. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-138-145

ВВЕДЕНИЕ

В 1909 г. в интервью саратовской газете «Волга» председатель Совета министров Российской империи Петр Аркадьевич Столыпин предрек: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Какие имелись основания дать столь смелый прогноз? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сказать несколько слов о самом П.А. Столыпине. Он принадлежал

к дворянскому роду, чьи корни уходили в XVI век. Длинный ряд его предков служил России на военном, административном и дипломатическом поприще. Его мать, урожденная княжна Горчакова, была дочерью наместника Польши и племянницей знаменитого дипломата, канцлера А.М. Горчакова. Петр Столыпин получил хорошее домашнее образование, свободно владел четырьмя языками, много читал, кстати, те же самые книги в библиотеке подмосковной усадьбы

Середниково, которые когда-то листал его троюродный брат — поэт Михаил Лермонтов. Именно брат, хотя они жили в разные эпохи, — таково удивительное переплетение генеалогических линий.

Закончив гимназию, Петр Столыпин выбрал необычный для аристократа естественный факультет Петербургского университета. Он рано женился на Ольге Нейдгардт, праправнучке генералиссимуса А.В. Суворова. Для того времени студенческий брак был явлением редчайшим, и на Петра Столыпина показывали товарищи: «Женатый, смотри, женатый». Тем не менее женитьба не помешала учебе. Дочь Столыпина приводила семейное предание о том, как Столыпин сдавал выпускной экзамен профессору Д.И. Менделееву: «великий ученый так увлекся, слушая блестящие ответы моего отца, что стал задавать ему вопросы все дальше и дальше; вопросы, о которых не читали в университете, а над решением которых работали ученые. Мой отец, учившийся и читавший по естественным предметам со страстью, отвечал на все так, что экзамен стал переходить в нечто похожее на ученый диспут, когда профессор вдруг остановился, схватился за голову и сказал: “Боже мой, что же это я? Ну, довольно, пять, пять, великолепно» [1].

После окончания университета Столыпин прослужил несколько лет в столице, а потом отправился в Ковенскую губернию, где был сначала уездным, а затем губернским предводителем дворянства. В 1902 г. он был назначен губернатором соседней Гродненской губернии. Не прошло и года, как он был вызван министром внутренних дел В.К. Плеве, предложившим ему пост саратовского губернатора. Столыпину не хотелось уезжать далеко от родственников, и он попросил министра оставить его на прежнем месте. Потом он сам с уважением вспоминал урок, преподанный ему Плеве: «Меня ваши личные и семейные обстоятельства не интересуют, и они не могут быть приняты во внимание, я считаю вас подходящим для такой трудной губернии и ожидаю от вас каких-либо деловых соображений, но не взвешивания семейных интересов».

ВОЙНА С ТЕРРОРОМ

Саратовская губерния не случайно считалась «трудной». Здесь малоземельное крестьянство с возмущением смотрело на богатейшие помещичьи латифундии, а в портовых волжских городах шло глухое брожение рабочих. Все это усугубилось неудачной Русско-японской войной 1904–1905 гг. Столыпин знакомился с губернией, много разъезжал по отдаленным уездам. По его письмам жене (он писал ей чуть ли не каждый день) можно получить представле-

ние о том, как быстро происходит переход от полной тишины к бунту. В июне 1904 г. через губернию проезжал царский поезд. Столыпин сообщал о горячих монархических чувствах: «Народ стоял на несколько верст по пути и кричал «ура», а Государь у окна кланялся» [2]. Губернатор велел одному из волостных старшин самому сочинить речь, и тот сказал по-крестьянски просто: «не тужи, Царь-батюшка, мы все за Тебя». Дама, которой Николай II пожал руку, надела перчатку, чтобы как можно дольше не мыть руку, ослепленную прикосновением государя.

Прошел год, «маленькая победоносная война» обернулась неудачей, и Саратовская губерния оказалась охваченной крестьянскими волнениями, которые заставляли вспомнить пушкинские строки о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном». Губернатор метался от одной бунтующей деревни к другой. Тон его писем резко меняется. «Дела идут плохо, — сообщал он супруге. — Сплошной мятеж в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими, почти раздетыми помещиками. На такое громадное пространство губернии войск мало, и они прибывают медленно. Пугачевщина!» [2].

Усилия саратовского губернатора по водворению спокойствия были оценены Николаем II. В апреле 1906 г. Столыпин был вызван в Петербург и назначен министром внутренних дел. «Оля, бесценное мое сокровище, — сообщал он жене. — Вчера судьба моя решилась! Я министр внутренних дел в стране *окровавленной, потрясенной*, представляющей из себя шестую часть шара, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет» [2]. Всего через два с половиной месяца П.А. Столыпин в возрасте 44 лет был назначен председателем Совета Министров, сохранив за собой пост министра внутренних дел. Подобной карьеры в России еще никто не делал: самый молодой губернатор, самый молодой министр, самый молодой глава правительства. Правда, следует заметить, что в то время желающих занять такие высокие должности было немного. Два предшественника Столыпина (министры внутренних дел В.К. Плеве и Д.С. Сипягин) стали жертвами террористических актов. На третьего — П.Н. Дурново покушались, но по ошибке убили постороннего человека, схожего с ним обличья, а князь П.Д. Святополк-Мирский, как говорили, получив отставку, пил шампанское на радостях, что живым уходит из министров.

П.А. Столыпин сразу же стал главным объектом охоты для террористов. Корреспондент газеты «Трибьюн», взявший интервью у премьер-министра, описывал его летнюю резиденцию: «Скромная дача, окруженная громадным садом, невинно ютится на

берегу прекрасной Невы, на Аптекарском острове, и за исключением нескольких рослых городских, стоявших по одному снаружи сада и против входной двери в дачу, ничто не напоминало о том, что в этом доме живет человек, жизнь которого ни одно страховое общество не согласилось бы застраховать»¹. Меньше чем через три недели эта скромная дача на Аптекарском острове стала арендой самого кровавого террористического акта в истории дореволюционной России. Трое боевиков из группы эсеров-максималистов, переодетые жандармами, вошли в приемную, а когда их остановили у дверей кабинета, крикнули «Да здравствует революция!» и бросили на пол портфели со взрывчаткой. Тройной взрыв унес жизни 29 человек, в основном просителей, среди которых были женщины с детьми. Террористов-смертников разорвало в клочья. Была масса раненых. Сам Столыпин остался невредим, отделавшись несколькими царапинами, а вот его дочь Наталья получила тяжелые раны.

После этого террористического акта Николай II распорядился временно предоставить премьер-министру Зимний дворец, где его семья могла жить в безопасности. Они жили там под усиленной охраной словно в тюрьме. Дети сразу же возненавидели два закрытых сада для прогулок и называли их «большая Сибирь» и «малая Сибирь». Семья терялась в бесконечных сумрачных анфиладах дворца. «Грустный и жуткий вид являли эти залы, освещенные каждый одной лишь дежурной лампочкой» [1], — вспоминала юная Мария Столыпина. Ее отец вынужден был дышать свежим воздухом на крыше дворца.

Все эти предосторожности были оправданы, так как после неудачного покушения максималистов за дело взялась Боевая организация партии эсеров, имевшая в своем активе убийство великого князя Сергея Александровича и ряд других дерзких терактов. Однако ни Боевой организации, ни Центральному летучему боевому отряду эсеров не удалось подбросить к первому министру. Революция постепенно шла на спад, в немалой степени благодаря энергичным мерам, предпринятым правительством.

Вскоре после взрыва на Аптекарском острове было утверждено «Положение о военно-полевых судах», согласно которому из ведения обычных судебных инстанций изымались дела гражданских лиц, совершивших преступные деяния, «настолько очевидные, что нет надобности в их расследовании». На рассмотрение таких дел отводилось не более 48 часов, приговор, как правило, оказывался смертным и при-

водился в исполнение в течение 24 часов. «Столыпинские качели» и «столыпинские галстуки» — так прозвали виселицы и петли. П.А. Столыпин считал репрессии вынужденной мерой. Он подчеркивал: «Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада» [3]. По официальным данным, с августа 1906 г. по апрель 1907 г. военно-полевые суды приговорили к смерти 683 человека. По подсчетам историков репрессии имели гораздо больший размах. Наивысшая цифра, приводимая в исторической литературе, — 5086 казненных и погибших в уличных боях. За это же время, по правительственным данным, 5946 должностных лиц пали от рук революционеров. Таков был кровавый баланс тех революционных лет.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА

Петр Столыпин никогда не вошел бы в историю, будь он только душителем революции. Возглавляя министерство внутренних дел, он лучше других понимал, что репрессии дадут лишь кратковременный эффект. «Реформы во время революции необходимы, — писал он, — так как революцию породили в большей мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствия, а не причину; залечим язву, но пораженная кровь породит новые изъязвления» [4]. Прежде всего было необходимо лишить врагов самодержавия поддержки со стороны крестьянства, страдавшего от малоземелья. После отмены крепостного права в 1861 г. примерно половина земель осталась за помещиками, другая половина отошла крестьянам. Однако крестьянское население быстро росло. Если в конце XIX в. размер среднего душевого надела составлял 3,5 десятины на душу, то к 1905 г. эта цифра составляла всего 2,6 десятины, что едва обеспечивало пропитание. Неудивительно, что лозунги революционных партий, предлагавших конфискацию помещичьих владений, вызывали живейший отклик в крестьянской среде.

Столыпинскую аграрную реформу нередко называли «вторым освобождением крестьян». Дело в том, что после освобождения от крепостной зависимости русские крестьяне не получили землю в частную собственность. Земля принадлежала сельской общине, или «миру». В общине существовала круговая порука и взаимовыручка, и выработанный веками уклад жизни являлся своего рода социальной защитой. Если глава семьи умирал, община поддерживала его семью. Когда общинник строил дом, ему всем

¹ Товарищ. 1906, 8 августа.

«миром» оказывали «помочь». За недоимку бедняка отвечала вся деревня.

Оборотной стороной общинных порядков было принижение индивидуальной личности перед сельским «миром». Община поддерживала искусственное равенство. Внутри нее нельзя было полностью разориться, но столь же нелегко было разбогатеть. Наделы распределялись по числу мужских душ в семье, причем таким образом, чтобы каждому общиннику доставалось поровну хорошей и плохой земли. В некоторых местах погоня за равенством приводила к абсурду. Крестьянский надел оказывался раздробленным на множество полосок, разбросанных на большом расстоянии. В Ярославской губернии встречались наделы, разделенные на 120 полосок. Более того, в общине сохранялось периодическое перераспределение земель. Через несколько лет наделы возвращались в общий котел и делились заново. При этом тщательно смотрели, чтобы новый надел оказался в другом поле.

В начале XX в. сельская община являлась анахронизмом, сковывавшим личную инициативу. Систематические переделы напрочь подрывали стимулы для улучшения плодородия почвы и использования агротехники. Типичной была жалоба одного крестьянина, высказанная во время обследования хозяйств Смоленской губернии: «Я или другой старательный хозяин на свои паи положил, как следует, навоза, и хлеб стал родиться. Смотришь, передел земель, досталась опять неудобренная полоса. В покосах то же самое. Пovyрезал кочки, порасчистил, вывел кое-как щетину, а как передел — опять вперли куда-нибудь в болота...» [5].

Об этом же писали специалисты по аграрному вопросу, например, Дмитрий Аркадьевич Столыпин, который доказывал, что община является главным препятствием для увеличения продуктивности сельского хозяйства. Наверняка П.А. Столыпин был знаком с трудами своего двоюродного дяди. Собственные наблюдения приводили его к такому же выводу, особенно когда он сравнивал хозяйства русских общинников и немецких грессбауэров. Колноберже, любимое имение Столыпиных, находилось в Литве, куда удобнее было добираться через территорию Германии. Дочь Столыпина вспоминала, что «он всегда много рассказывал о своих впечатлениях, возвращаясь из такой поездки «за границу», восхищаясь устройством немецких хуторян, и с интересом изучал все то, что считал полезным привить у нас» [1].

Будучи саратовским губернатором, П.А. Столыпин подчеркивал во всеподданнейших докладах политическую целесообразность предоставления общинни-

кам права частной собственности на землю: «мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве» [6]. П.А. Столыпин не был единственным государственным деятелем, осознававшим пагубность уравнивательных общинных порядков. До него об этом же толковал министр финансов С.Ю. Витте. Но даже он отступился от этой мысли и говорил: «Сомневаюсь в том, чтобы нашелся человек, который решился бы произвести необходимый для экономического подъема переход от общинного владения к подворному» [7].

Однако такой человек нашелся. Преодолев сопротивление высших сановников, видевших в общине залог порядка в деревне, П.А. Столыпин настоял на аграрной реформе. Указ 9 ноября 1906 г. предоставил крестьянам право выхода из общины и укрепления земельного надела в частную собственность. Надел выделялся одним массивом — отрубом. При желании отрубник мог полностью разорвать с общиной и перенести свое хозяйство на хутор.

Выступая в стенах III Государственной думы, П.А. Столыпин в сжатой форме изложил главную задачу аграрной реформы, впоследствии названной его именем: «Пока крестьянин беден, пока он не обладает личною земельною собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы». Многочисленные критики реформы утверждали, что правительство отдало общину на поток и разграбление кулакам. П.А. Столыпин всегда отвергал подобные обвинения. В этом смысле показательна его переписка с писателем Львом Толстым, давним другом его отца, с которым они вместе воевали в Севастополе и сохранили дружбу на всю жизнь. Столыпина-старшего уже не было в живых, когда Лев Толстой обратился с письмом к сыну старого друга по поводу начатой им реформы. Писатель считал грехом частную собственность на землю: «Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею». Он заклинал первого министра не вступать на путь злых дел. П.А. Столыпин нашел время ответить не сухим и официальным письмом, а искренним и проникновенным посланием: «Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий — вероятно на один миг! Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину...» [8].

П.А. Столыпин был твердо уверен, что частная собственность и отказ от уравнивательных порядков принесут процветание. Говоря о реформе, он про-

изнес ставшие крылатыми слова, что, проводя закон 9 ноября 1906 г., правительство «делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных». Таких крепких и сильных на первых порах оказалось около полумиллиона, а за весь период реформы правом выхода из общины воспользовалось немногим более двух миллионов крестьянских хозяйств. Большинство сельского населения, сохранившее верность общине, проявляли откровенную враждебность к отрубникам и хуторянам. Сказывалась та самая страсть русского человека «всех уравнивать, всех привести к одному уровню», на которую сетовал Столыпин еще в Саратовской губернии. Община неохотно отпускала своих членов. Один хуторянин в сердцах подсчитывал, сколько водки ему пришлось поставить упрямым односельчанам: «Когда просил о выходе — 1/4 ведра, при составлении приговора — 1/2 ведра, домой пришли — 1/4 ведра, пошли землю обмерять — 1/2 ведра, к земскому начальнику пришли — 1/2 ведра» [9]. Но, отпустив крестьянина, община не спускала с него завистливых глаз. Хутора «новых помещиков» жгли, посева травили, скот калечили.

Несмотря на препятствия, хуторская реформа набирала силу. Хуторяне по-новому смотрели на свое хозяйство. Как образно пояснил один из них, «мы как новожены, с земелькой-то законным браком повенчались. В деревне-то она была гулящая девка, а теперь она твоя законная жена на веки вечные. Худа ли она, хороша, а никто уж, кроме тебя, к ней не полезет» [10].

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Составной частью столыпинской аграрной реформы была переселенческая политика. Парадокс заключался в том, что русские крестьяне страдали от малоземелья в огромной малонаселенной империи, а власти всячески сдерживали их переселение. Самые смелые уходили за Каменный пояс на свой страх и риск. «Многие даже не знали, куда направлялись: шли на «Мамур-реку», на «Китайский клин», в «беловодье» [11]. Таких самовольных переселенцев нередко отлавливали где-нибудь на Алтае или на Амуре и по этапу водворяли на прежнее место жительства. Долгое время правительство противилось заселению Сибири. Может показаться невероятным, что в 1896 г. Министерство земледелия и государственных имуществ подсчитало, что во всей Сибири пригодных для заселения земель имеется всего-навсего для 1200 крестьянских семей. Петербургские чиновники понятия не имели о сибирской жизни. На картах Сибири многие места выглядели безлюдной пустыней, но впоследствии там, к всеобщему изумлению, обнаруживались вполне обустроенные деревни [12].

П.А. Столыпин коренным образом изменил прежнюю политику. Критики премьера утверждали, что единственной целью переселения являлось удаление в Сибирь неблагонадежных элементов, согласно поговорке «дальше едешь — тише будешь!» Нельзя не согласиться с тем, что правительство старалось смягчить социальное напряжение в Европейской части России. Но не менее важным было освоение Сибири и Дальнего Востока, который граничил с густонаселенным Китаем. «Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками и, когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию» [3], — подчеркивал П.А. Столыпин.

Задумавшим переселиться в новые края прощали недоимки, нарезали бесплатные земельные наделы из казенных или кабинетских земель, давали денежные пособия на первоначальное обустройство, перевозили по железной дороге по льготному тарифу. С тех пор вошло в обиход словечко «столыпин» — так называли товарные вагоны, переделанные для перевозки людей. В 30-х гг. «столыпины» прочно ассоциировались с арестантскими вагонами. Но при П.А. Столыпине в этих теплушках ехали люди, мечтавшие о вольной жизни на сибирских просторах. Переселенческое управление едва справлялось с наплывом переселенцев. Один из чиновников управления впоследствии писал: «В то время не говорили «догнать и перегнать Америку», но масштабы и темпы колонизационной работы пришлось взять рекордно-американские... Переселенческое управление занималось всем: проводило дороги, торговало молотилками, строило больницы, копало колодцы, корчевало и осушало, сооружало церкви, посылало в глушь — крестить и хоронить — разъездные причты...» [13].

В советскую эпоху эту огромную работу передали забвению. В этом смысле показательны воспоминания историка В.Г. Тюкавкина, занимавшегося столыпинской аграрной реформой. Молодым исследователем, проштудировав ленинские работы о «грабительской» столыпинской реформе, он приступил к изучению архивных фондов, и внезапно перед ним открылась совсем иная картина. «Но настоящим открытием оказались поездки в те села, которые были созданы в начале XX в. Их жители, старики, запомнили хорошего гораздо больше, чем недостатков» [14]. Историка рассказывали, что местные жители и сейчас пользуются теми дорогами, которые были построены при Столыпине, а если бы их не было, то им нельзя было бы никуда проехать.

Конечно, жизнь переселенцев была нелегкой. Газета «Сибирь» откровенно писала об этом: «Каж-

дый клочок пахотной земли полит потом и кровью переселенцев, каждое обнаженное и осушенное болотце отмечено новыми крестами на поселковых кладбищах. Смертность и заболеваемость среди переселенцев очень высоки. Тайга за каждую пядь земли требует жертв»². Не все выдерживали тяготы сурового климата. За десять лет в Сибирь переселились 1,3 млн человек, из них полмиллиона не сумели приспособиться и были вынуждены вернуться в Европейскую Россию. Но те, кто остался, не пожалели. Современники отмечали: «Сибирь перерождает человека. Исторически забитый и пугливый русский крестьянин высоко поднимает голову, едва лишь выйдя на простор степей или леса, и, не стесненный в возможности, строит он свою жизнь на новых местах, забывая рутину России» [15].

В 1910 г. Столыпин и министр земледелия А.В. Кривошеин посетили четыре губернии Западной Сибири. Премьер-министра принимали с царскими почестями. Всем запомнилась его высокая, величественная фигура, а один из сопровождавших вспоминал, как во время поездки на пароходе по Иртышу первый министр читал наизусть стихи Лермонтова и рассказывал, как он безмерно гордится родством с поэтом. П.А. Столыпин докладывал царю: «Сибирь растет сказочно: в безводных степях (Кулундинская), которые два года назад признавались негодными для заселения, в несколько последних месяцев выросли не только поселки, но почти города. И прорывающийся из России в Сибирь смешанный поток богатых и бедных, сильных и слабых, зарегистрированных и самовольных переселенцев — в общем, чудный и сильный колонизационный элемент» [16].

Премьер-министр вернулся из поездки окрыленным. Он полагал, что после успешного ввода в сельскохозяйственный оборот сибирских земель у России не окажется достойных соперников на мировом рынке: «Вне Европы главнейшими поставщиками хлеба, кроме России, являются Соединенные Штаты. Но они сильно сокращают свой вывоз — так быстро растет там внутреннее потребление... Лет через 5–10, по подсчетам самих американцев, они и вовсе, пожалуй, перестанут вывозить хлеб. Другой крупный наш конкурент — Аргентина также начинает испытывать затруднения в дальнейшем развитии земледелия и хлебного вывоза. Там нет такого запаса нетронутых плугом земель, как в Сибири» [17].

В 1906–1914 гг. в Сибирь переехали 3 млн 772 тыс. крестьян, из которых вернулись около 529,9 тыс. Нетрудно подсчитать, что в Сибири

осталось 82,6% переселенцев. Сравнивая со знаменитой эпопеей освоения целины при советской власти, нельзя не отметить, что в 50-х гг. XX в. в Казахстане закрепилось только 5% добровольцев. Как писал один автор, «Трудно спорить с фактами: 90 процентов закрепляемых при Столыпине и 5 процентов при недавнем освоении целины — цифры совершенно несопоставимые...» [18]. За счет переселенцев население Сибири выросло вдвое, а площадь возделываемых земель увеличилась в несколько раз.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

П.А. Столыпин имел далекоидущие планы, но для их реализации нужно было время. Совсем немного по историческим меркам, но его уже не было. Вечером 1 сентября 1911 г., когда премьер-министр и другие сановники присутствовали на парадном спектакле в Киевском городском театре, к П.А. Столыпину быстрым шагом подошел молодой человек в черном фраке. Никем не задержанный, он выхватил из кармана браунинг. Раздались два выстрела. По словам киевского губернатора Гирса, «Петр Аркадьевич как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны под грудной клеткой уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: «Все кончено». Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес: «Счастлив умереть за царя» [19].

Смертельно раненый П.А. Столыпин прожил еще четыре дня. Его сердце перестало биться в 10 часов 12 минут вечера 5 сентября 1911 г. Схваченный на месте преступления террорист оказался Дмитрием Богровым, евреем по национальности, сыном преуспевающего дельца, коммунистом-анархистом и, как вскоре выяснилось, платным агентом охранного отделения. Последнее обстоятельство породило массу вопросов. Долгие годы за первым министром безуспешно охотились террористы, но недаром он говорил: «Вот увидите, меня убьют чины охраны». Сразу появилась версия, что главу правительства убрали противники реформ, опасавшиеся серьезных перемен. Официальное следствие пришло к выводу, что Богров был убийцей-одиночкой, действовавшим на свой страх и риск. Надо ли говорить, что официальная версия была подвергнута сомнению. Убийство П.А. Сто-

² Сибирь. 1912, 3 августа.

лыпина до сих пор остается загадкой. Никто не может сказать наверняка, было ли это покушение террориста-одиночки или тщательно подготовленный заговор против главы правительства.

Так или иначе Россия не получила мирной передышки, на которую надеялся выдающийся реформатор. Спустя двадцать лет, если вести отчет от интервью П.А. Столыпина, когда он уверенно обещал: «Вы не узнаете нынешней России», как раз началась сплошная коллективизация, частные собственники были раскулачены, а община возродилась в форме

колхозов. А ведь после отмены крепостного права российское правительство имело даже не двадцать, а вдвое больше времени на коренные экономические реформы, которые так торопился провести П.А. Столыпин. Аграрная реформа и поощрение переселения на новые земли могли разрядить социальное напряжение внутри страны и предотвратить революционные потрясения. Увы, это время было растрчено еще до П.А. Столыпина. Главный вывод, который следует усвоить, — реформы нельзя откладывать, иначе может быть поздно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Нью-Йорк; 1953.
2. Столыпин П.А. Переписка. Москва; 2007.
3. Столыпин П.А. «Нам нужна великая Россия». Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911. Москва; 1991.
4. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Ленинград; 1984.
5. Чернышев И. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г. Санкт-Петербург; 1911.
6. Всеподданнейший отчет саратовского губернатора П.А. Столыпина за 1904 г. В кн.: П.А. Столыпин. Грани таланта политика. Москва; 2006.
7. Из дневника А.А. Половцева (1895–1900). Красный архив. 1931. Т. 3(46).
8. Толстой Л.Н. Юбилейный сборник. Москва; Ленинград; 1928.
9. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. Москва; 1963.
10. Семенов С.Т. Крестьянское переустройство. Три статьи. Москва; 1915.
11. Крестьянское переселение и русская колонизация за Уралом. Петроград: Издание Переселенческого Управления Главного Управления Землеустройства и Земледелия; 1914.
12. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. Санкт-Петербург; 1892.
13. Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. Санкт-Петербург; 1999.
14. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. Москва; 2001.
15. Вошинин В.П. На сибирском просторе. Картины переселения. Санкт-Петербург; 1912.
16. Письмо П.А. Столыпина Николаю II от 26 сентября 1910 г. Красный архив. 1928. Т. 5(30).
17. Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. Санкт-Петербург; 1911.
18. Казарезов В.В. О Петре Аркадьевиче Столыпине. Москва; 1991.
19. Гирс А.Ф. Смерть Столыпина. Из воспоминаний бывшего киевского губернатора. 1862-1911. Париж; 1927.

REFERENCES

1. Bok M.P. Memoirs of my father P.A. Stolypin. N.Y.; 1953. (In Russ.).
2. Stolypin P.A. Correspondence. Moscow; 2007. (In Russ.).
3. Stolypin P.A. «We need a great Russia.» The complete collection of speeches in the State Duma and the State Council. 1906-1911. Moscow; 1991. (In Russ.).
4. The crisis of autocracy in Russia. 1895–1917. Leningrad; 1984. (In Russ.).
5. Chernyshev I. Peasants about the community on the eve of November 9, 1906, St. Petersburg; 1911. (In Russ.).
6. The most comprehensive report of Saratov Governor P.A. Stolypin for 1904. (In Russ.). In: P.A. Stolypin. The facets of a politician's talent. Moscow; 2006. (In Russ.).
7. From the diary of A.A. Polovtsev (1895–1900). The Red Archive. 1931. Vol.3(46). (In Russ.).
8. Tolstoy L.N. Jubilee collection. Moscow; Leningrad; 1928. (In Russ.).
9. Dubrovsky S.M. Stolypin land reform. Moscow; 1963. (In Russ.).
10. Semenov S.T. Peasant reconstruction. Three articles. Moscow; 1915. (In Russ.).
11. Peasant resettlement and Russian colonization beyond the Urals. Petrograd; 1914. (In Russ.).
12. Yadrintsev N.M. Siberia as a colony. St. Petersburg; 1892. (In Russ.).
13. Tkhorzhevsky I.I. The Last Petersburg. The Chamberlain's memoirs. St. Petersburg; 1999. (In Russ.).

14. Tyukavkin V.G. The Great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reform. Moscow; 2001. (In Russ.).
15. Voshchinin V.P. In the Siberian expanse. Pictures of resettlement. St. Petersburg; 1912. (In Russ.).
16. Letter from P.A. Stolypin to Nicholas II dated September 26, 1910. The Red Archive. 1928. Vol.5(30). (In Russ.).
17. A trip to Siberia and the Volga region. Note by P.A. Stolypin and A.V. Krivoshein. St. Petersburg; 1911. (In Russ.).
18. Kazarezov V.V. About Pyotr Arkadyevich Stolypin. Moscow; 1991. (In Russ.).
19. Girs A.F. Stolypin's Death. From the memoirs of the former Kiev governor. 1862-1911. Paris; 1927. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Сергей Александрович Степанов — доктор исторических наук, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Sergey A. Stepanov — Dr. Sci. (Hist.), Prof. of the Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-4682-0445>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

Stepanov-sa@rudn.ru

Марина Николаевна Мосейкина — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Marina N. Moseykina — Dr. Sci. (Hist.), Prof. of the Department of History of Russia, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-9279-4079>

moseykina-mrnk@rudn.ru

Екатерина Александровна Иванова — кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Ekaterina A. Ivanova — Cand. Sci. (Pol.), Assoc. Prof.; Assoc. Prof. of the Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-7350-6123>

ivanova_eka@rudn.ru

Заявленный вклад авторов:

С.А. Степанов — руководство исследованием, методология, редакция итоговой статьи.

М.Н. Мосейкина — разработка концепции, интерпретация данных, подготовка итоговой статьи.

Е.А. Иванова — методика сбора данных, сбор и интерпретация данных, подготовка текста.

Authors' contributions:

S.A. Stepanov — research management, methodology, redaction of the final article.

M.N. Moseykina — concept development, interpretation of data, preparation of the final article.

E.A. Ivanova — data mining and its interpretation, text preparation.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.11.2025; после рецензирования 12.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 10.11.2025; revised on 12.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Кинематографические модели апокалипсиса эпохи холодной войны: СССР и США

Л.А. Грицай

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена комплексному анализу культурных моделей апокалипсиса, сформировавшихся в советском и американском кинематографе периода холодной войны и раскрывающих механизмы репрезентации ядерного противостояния как одной из ключевых мифологем позднего модерна. Результаты исследования позволяют уточнить закономерности функционирования визуально-нарративных конструкций, через которые культуры СССР и США артикулировали различные стратегии осмысления глобальной угрозы, опираясь на отличающиеся политические, ценностные и антропологические основания. В работе выявлено, что советская модель апокалипсиса характеризуется акцентом на морально-этической ответственности, коллективной субъектности и гуманистическом потенциале культуры. Это проявляется в доминировании мотивов духовного испытания, сохранения культурной памяти и критической рефлексии научно-технического прогресса. Тогда как американская модель опирается на индивидуалистические и технофутуристические паттерны, репрезентируя ядерную угрозу как следствие технологического риска, политической нестабильности и экзистенциальной уязвимости субъекта, помещенного в пространство тотальной катастрофы. На основе концепции культурной памяти и реконструкции утопического воображаемого в работе делается вывод о том, что различия между двумя моделями ядерного апокалипсиса обусловлены не только идеологическими факторами, но и специфическими особенностями культурных кодов, формировавших представления о человеческом достоинстве, политической ответственности и границах возможного. Материалы исследования показывают, что кинематограф выступал не только средством визуализации определенных сценариев будущего, но и механизмом формирования коллективных представлений о таком будущем, в котором возможность тотального разрушения требовала непрерывной культурной интерпретации, поскольку на уровне массового сознания ядерная война осмыслялась как метафора цивилизационной хрупкости и одновременно как инструмент самоидентификации обществ, находившихся по разные стороны глобального идеологического конфликта.

Ключевые слова: ядерная война; апокалипсис; культурные модели; холодная война; кинематограф; мифология; культурная память

Для цитирования: Грицай Л.А. Кинематографические модели апокалипсиса эпохи холодной войны: СССР и США. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(3):146-158. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-146-158

Cinematic Models of the Cold War Apocalypse: The USSR and the USA

L.A. Gritsai

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to a comprehensive analysis of cultural models of the apocalypse, which were formed in Soviet and American cinema during the Cold War and reveal the mechanisms of representation of nuclear confrontation as one of the key mythologies of late modernity, and the results of the study make it possible to clarify the patterns of functioning of visual narrative structures through which the cultures of the USSR and the USA articulated different strategies for understanding the global threat, based on different political, value and anthropological foundations. The paper reveals that the Soviet model of the apocalypse is characterized by an emphasis on moral and ethical responsibility, collective subjectivity, and the humanistic potential of culture, which is manifested in the dominance of motives for spiritual ordeal, cultural memory preservation, and critical reflection on scientific and technological progress, while the American model relies on individualistic and techno-futuristic patterns, representing the nuclear threat as a consequence. technological risk, political instability and existential vulnerability of the subject, placed in a space of total catastrophe. Based on the concept of cultural memory and reconstruction of the utopian imaginary, the paper concludes that the differences

between the two models of the nuclear apocalypse are due not only to ideological factors, but also to the specific features of cultural codes that shaped ideas about human dignity, political responsibility and the limits of what is possible. The research materials show that cinema acted not only as a means of visualizing certain scenarios of the future, but also as a mechanism for forming collective ideas about a future in which the possibility of total destruction required continuous cultural interpretation, since at the level of mass consciousness nuclear war was interpreted as a metaphor for civilizational fragility and at the same time as a tool for self-identification of societies located on different sides of the global ideological conflict.

Keywords: nuclear war; apocalypse; cultural models; Cold War; cinema; mythology; cultural memory

For citation: Griksai L.A. Cinematic models of the Cold War Apocalypse: The USSR and the USA. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(3):146-158. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-146-158

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о культурных репрезентациях ядерного противостояния в период холодной войны представляет собой важную исследовательскую задачу, поскольку именно в этот исторический период сложились устойчивые культурные модели ядерного будущего, определившие способы осмысления глобальной угрозы в дискурсивных пространствах СССР и США и сформировавшие основу коллективных представлений о предельных возможностях человеческой цивилизации. Исходя из этого, актуальность исследования обусловлена необходимостью выявить механизмы, посредством которых массовая культура фиксировала и транслировала идеологические, ценностные и антропологические структуры позднего модернa, превращая ядерную войну в метафору исторической неустойчивости, технологической опасности и моральной ответственности.

Цель исследования заключается в реконструкции и сравнительном анализе культурных моделей ядерного апокалипсиса в советском и американском кинематографе, что позволяет прояснить особенности формирования ядерной мифологии в двух различных культурных парадигмах. Научная новизна определяется тем, что в работе впервые системно сопоставляются модели, описанные в концепциях культурной памяти и реконструкции утопического воображаемого, что обеспечивает комплексное понимание механизмов культурного конструирования ядерной угрозы.

Методологическая база исследования включает философско-антропологический подход, нарративный анализ, теорию культурной памяти и сравнительный метод, позволяющий выявить структурные различия.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Изобретение ядерного оружия и его фактическое применение Соединенными Штатами Америки в финальной стадии Второй мировой войны создали качественно новую конфигурацию политиче-

ского и культурного пространства, в котором страх перед тотальной гибелью стал не просто элементом стратегического мышления, а корневой матрицей коллективного воображения, определявшей характер художественных репрезентаций, массовой культуры и идеологического моделирования в обеих сверхдержавах. Тогда как наиболее глубокие последствия эта трансформация вызвала именно в СССР и США, вступивших в эпоху холодной войны, официальное завершение которой было связано с комплексом политических решений конца 1991 г., включая заявление Дж. Буша-старшего о победе США в обращении к Конгрессу 28 января 1992 г., а также последующим закреплением постконфронтационного этапа мировой политики в Кэмп-Дэвидской декларации 1 февраля 1992 г. [1].

Ядерная угроза стала универсальным культурным кодом холодной войны, однако репрезентационные стратегии СССР и США существенно расходились, поскольку само противостояние распространилось на все сферы культуры, но наиболее отчетливо проявило себя в кинематографе, который, будучи ключевым медиумом XX в., сформировал предпосылки для двух различающихся способов осмысления возможного апокалипсиса.

Теоретический анализ научных источников, посвященных проблематике культурных репрезентаций ядерного противостояния США и СССР в период холодной войны, демонстрирует, что исследователи последовательно интерпретируют ядерную тему как структурообразующий элемент культурной, политической и символической динамики эпохи, в которой модели апокалипсиса становились не просто художественным приемом, но особым способом философского осмысления человеческого существования, технологий, власти и времени.

Важным вкладом в изучение советских дискурсивных практик становится работа Е. В. Просоловой, анализирующей советские плакаты как специфическую форму визуальной репрезентации ядерной угрозы, в которой страх перед атомной войной

соединялся с образом США как врага, формируя единый смысловой узел политической риторики и массового сознания. В частности, автор указывает, что плакатная продукция выступала элементом «культурной холодной войны» и продуцировала представление о неизбежности противостояния с империалистическим Западом, чья агрессия трактовалась как коренной источник угрозы миру. В этом контексте ядерная война представлялась не столько вероятным событием, сколько постоянным присутствием угрозы, задающим структуру советского миропонимания. Следовательно, для советской культурной системы ядерная тема была не просто страхом будущего, но и инструментом политической мобилизации [2, с. 8].

Сопоставление советской и американской визуальной культуры на материале политической карикатуры осуществляет В.И. Журавлёва, подчеркивая радикальное различие интерпретаций Карибского кризиса и ядерной угрозы в обоих государствах. Автор приходит к выводу, что советские карикатуристы акцентировали внимание на агрессивной политике США, стремящихся подавить свободу народов и развязать гонку вооружений, тогда как американские художники изображали СССР как источник идеологической и военной угрозы, воплощенной в фигуре Н.С. Хрущёва. Тем самым ядерная война становилась объектом своеобразной коллективной рефлексии, в которой участники противостояния рассматривали собственные страхи и собственную ответственность за возможные сценарии будущего всей планеты [3, с. 77].

Особый исследовательский ракурс обнаруживается в работах, посвященных детской и подростковой культуре. Так, Н.Ю. Спутницкая показывает, что образы врага в киносказке СССР и супергеройском комиксе США конструировали ядерную тематику в детских медиа массовой культуры, вводя юных зрителей в пространство символических кодов холодной войны [4]. Анализируя детские кинофильмы СССР и комиксы Marvel, автор выявляет устойчивые мотивы, связанные с похищением ядерного оружия, ролью ученого и образами исторических персонажей.

Проблема символа детства как одной из ключевых фигур холодной войны подробно рассмотрена О.В. Рябовым, показывающим, что образ ребенка становился инструментом конструирования врага, эмоциональной мобилизации и легитимации политических решений. В частности, автор демонстрирует, что в советском и американском кинематографах ребенок оказывался жертвой. При этом

базовые ценности, транслируемые через фигуру ребенка, оказываются сходными в СССР и США, несмотря на противоположный характер политических нарративов [5].

В американистике ключевое значение имеет работа Э.В. Клоос, исследующей образ Советского Союза в американских фильмах первого периода холодной войны, когда идеологическая конфронтация только оформлялась [6, с. 72]. В частности, автор выявляет устойчивый образ кровавого и фанатичного СССР, формирующегося средствами пропаганды, опирающегося на жесткое разделение мира на своих и чужих, а также на преувеличение добродетелей собственной системы и пороков противника.

Данная установка определяла американский взгляд на ядерную угрозу: СССР воспринимался как иррациональный, опасный и непредсказуемый актор, что делало угрозу ядерного удара фундаментальной частью американской массовой культуры. В этом контексте кино служило визуальным инструментом формирования образа тоталитарного врага, чье существование оправдывало продолжение гонки вооружений.

Близкую логику демонстрируют исследования К.А. Юдина, анализирующего феномен инаковости в зарубежном кинематографе 1960–1970-х гг., выделяющего типы репрезентации чуждости, которые функционировали как визуально-когнитивные модели интерпретации внешней угрозы. Эти типы (чужой в себе, враг-лжегерой, враг-прагматик) формировали сложные образы противника, включавшие скрытую угрозу, недоверие к идеологическому оппоненту и страх перед его разрушительными решениями [7].

А.В. Фёдоров указывает на то, каким образом кинематограф становился пространством политической борьбы за интерпретацию образа врага и образа себя. В частности, в книге «Отражения: Запад о России / Россия о Западе» исследователь реконструирует модели формирования образов, фиксируя, что советское кино многократно производило образ агрессивной и морально разложившейся Америки, тогда как западный кинематограф создавал образ вооруженной и тоталитарной России [8]. В другой статье, «Образы холодной войны», Фёдоров подчеркивает, что оба кинематографа транслировали культурные стереотипы, усиливающие представление о неизбежном столкновении систем, а ядерная угроза в этом контексте становилась своеобразным зеркалом, в котором каждая сторона видела собственные страхи, проецируемые на противника [9].

Переходя к широким культурно-историческим подходам, следует отметить работы Дж. Хогга, который в своей статье о британской ядерной мобилизации показывает, что ядерная тема являлась частью культуры повседневности послевоенного общества [10]. Так, исследователь вводит понятие ядерной мобилизации как совокупности государственных практик, культурных нарративов и коллективных эмоций, которые формировали способность населения существовать с постоянной угрозой апокалипсиса. Таким образом, по его мнению, ядерная тревога стала во второй половине XX в. структурным элементом западного модерна.

С близкой позицией выступает Л. Чильоньи, исследующая «эстетическую политику» атомной эпохи, то есть способы, которыми атомная энергия превращалась в символ красоты, национальной мощи и технологического прогресса [11]. Указывая, что ядерное оружие на уровне визуальных репрезентаций связывалось с идеей светлого будущего, эстетического совершенства и научного оптимизма, что облегчало нормализацию ядерной тематики и снижало уровень моральной тревоги.

Коллективный труд под редакцией М. Гранта и Б. Циманна «Понимание воображаемой войны» задает мощную теоретическую рамку для анализа культурных репрезентаций ядерного конфликта. Авторы трактуют холодную войну как воображаемую, поскольку для большинства людей она существовала именно в символических моделях, медиа, художественных текстах и экспертных прогнозах. Поэтому ядерная война выступает концептуальным экспериментом, способом представить границы человеческого мира и потенциальную конечность истории [12].

В американской историографии существенный интерес представляет историографическое эссе «Ядерная бомба и американская культура», демонстрирующее развитие научных подходов от дипломатической истории к культурной антропологии и теории эмоций [13]. В частности, автор показывает, что исследователи обращаются к кино, телевидению, комиксам, рекламе и визуальным образам для анализа того, как американское общество училось жить с постоянной угрозой уничтожения.

Исследователь визуальной культуры Р. Берджесс указывает, что американская визуальная культура холодной войны колебалась между нормализацией ядерной угрозы и катастрофическими фантазиями [14]. Исходя из этого, образы руин, пустынь, мутантов и взрывов создавали визуальный словарь апокалипсиса в жанре голливудского фильма.

Э. Фо анализирует современный фильм «Оппенгеймер» как текст, переосмысляющий мифологию ядерной эпохи и возвращающий зрителя к историческим корням страха перед атомной пустыней. Подчеркивая, что кино XXI в. продолжает воспроизводить и трансформировать образы холодной войны, раскрывая механизм наследования ядерной тревоги и ее современное политическое содержание [15].

А. Бартлетт рассматривает кинематограф о ядерной войне как форму философского размышления о человеческой ответственности, рациональности и моральных основаниях политических решений [16]. По его мнению, кино моделирует различные сценарии конца мира — от сатиры до трагедии — и создает пространство коллективного воображения, в котором зритель может столкнуться с потенциальной гибелью цивилизации.

Исследование М.К. Ким, посвященное фильму Криса Маркера «Пирс», демонстрирует, что европейский кинематограф репрезентировал ядерную войну как событие, которое невозможно показать напрямую: неподвижные кадры, разрывы времени и фрагменты памяти создают модель ядерного апокалипсиса как травматического и почти невыносимого опыта [17].

Совокупность исследований позволяет заключить, что ученые сходятся в понимании: культурные репрезентации ядерного противостояния США и СССР формировались в условиях глубокой идеологической асимметрии и различий политических культур. Однако общие модели апокалипсиса, страхи и символические структуры во многом совпадали в обоих обществах: ядерная война в художественном кино становилась мифом, определяющим культурные коды эпохи, задающим эмоциональные режимы и формирующим коллективное представление о границах человеческого мира. Именно таким образом кинематограф, как наиболее влиятельная форма массовой визуальной культуры, выполнял ключевую функцию репрезентации и осмысления этой угрозы, становясь пространством, где воображаемая война получала конкретные образы, сюжеты, эмоции и философские смыслы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для аналитической реконструкции указанных выше различий целесообразно ввести критерии, позволяющие дифференцировать советскую и американскую репрезентацию ядерной угрозы:

1. *Степень публичной артикуляции ядерной угрозы*: уровень открытости обсуждения темы,

диапазон допустимого дискурса, соотношение официальной и неофициальной риторики.

2. *Жанрово-стилистическая модель репрезентации*: доминирующие жанровые коды кино, эстетические стратегии изображения ядерной катастрофы.

3. *Идеологическая функция образа врага*: способы конструирования внешнего врага, шкалы морализации, эмоциональные режимы страха и мобилизации.

4. *Степень включенности ядерной тематики в массовую культуру*: уровень культурной нормализации угрозы, место ядерных сценариев в повседневных практиках и визуальных кодах.

5. *Форма репрезентации катастрофы*: визуализация разрушения, аллегоризация опасности, структура коллективного переживания угрозы.

6. *Соотношение рациональности и эмоции в апокалиптическом нарративе*: баланс между научным, технократическим, бюрократическим регистром и эмоциональными моделями страха, тревоги или надежды.

Следует отметить, что в США тема ядерной войны в период холодной войны формировалась как активный культурный нарратив, а киноиндустрия выступала основным каналом распространения представлений о внешней угрозе. Причем эти представления практически носили черты фильмов ужасов, предназначенных для создания интенсивного эмоционального воздействия на аудиторию, что в совокупности с массированными медийными и рекламными кампаниями способствовало формированию коллективной тревоги и культурной нормализации ожидания катастрофы, при этом количество произведений о ядерной угрозе в США было значительным и включало не только сценарии прямого конфликта с СССР, но и вариации с инопланетными вторжениями, глобальными катастрофами и разрушением обыденного пространства, что позволило выстроить систему культурных кодов, отражающих представления о неизбежности разрушений и необходимости моральной мобилизации общества. Ключевые американские фильмы на данную тему представлены в *табл. 1*.

Аналитическая реконструкция американской модели апокалипсиса позволяет сделать следующие выводы:

1. *Степень публичной артикуляции ядерной угрозы*: тема возможной ядерной войны с СССР открыто обсуждалась в кино, теле- и радиопередачах, журналистских публикациях, что формировало высокий уровень сознательной и эмоциональной вовлеченности населения.

2. *Жанрово-стилистическая модель репрезентации*: художественные фильмы на эту тему сочетали научно-фантастические и драматические элементы, часто с чертами триллера или хоррора, визуализируя разрушение городов, массовую гибель и апокалиптические сценарии.

3. *Идеологическая функция образа врага*: в большинстве фильмов внешний враг конструировался как конкретный национальный или технологический оппонент (инопланетяне, монстры, враги других национальностей), что позволяло легализовать страх и мобилизовать аудиторию через эмоциональные режимы тревоги и опасности.

4. *Степень включенности в массовую культуру*: ядерные сценарии активно интегрировались в повседневные практики, включая игры, образовательные фильмы, рекламу и телевизионные репортажи, что позволяло формировать ощущение «нормы ядерной угрозы».

5. *Форма репрезентации катастрофы*: апокалипсис показывался через визуальные эффекты, разрушения, огненные и радиационные пейзажи, а также через символические аллегории угрозы цивилизации.

6. *Соотношение рациональности и эмоции*: фильмы балансировали между научными, технократическими объяснениями последствий ядерного удара и эмоциональными моделями страха, тревоги или надежды.

В советском кинематографе тема ядерной войны формировалась в условиях жесткого идеологического контроля и цензуры, что существенно ограничивало публичную артикуляцию угрозы, вследствие чего сценарии о возможной катастрофе почти полностью оставались ориентированными на размышления о нравственных и философских аспектах человеческого бытия, ответственности за мир и необходимости сохранения духовных ценностей, при этом такая редкая репрезентация апокалипсиса использовала высоко стилизованные художественные формы и обращалась к индивидуальному, а не массовому переживанию угрозы, что отражало традиции русской литературы XIX–XX вв., в частности мотивы моральной ответственности, которые исследовали Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и многие другие отечественные мыслители. Фильмы СССР по анализируемой теме представлены в *табл. 2*.

Особое внимание заслуживают фильмы 1986 г: это «Письма мертвого человека» (реж. К. Лопушанский) и «Жертвоприношение» (реж. А. Тарковский).

Первый фильм рассказывает о постапокалиптическом мире после глобальной ядерной вой-

Таблица 1 / Table 1

Американские фильмы, посвященные ядерной войне / American Films Dedicated to Nuclear War

Название фильма / Movie title	Жанр и стиль / Genre and style	Включенность в массовую культуру / Inclusion in popular culture	Форма катастрофы / Form of disaster	Рациональность/ эмоция / Rationality/ emotion	Краткий посыл / Brief message
The Day the Earth Stood Still (1951)	Научная фантастика, драматический манифест	Высокая	Визуальные эффекты, разрушения, символика	Эмоция + рациональность	Международное сотрудничество спасает планету
On the Beach (1959)	Драма, постапокалипсис	Средняя	Радиация, медленное угасание жизни	Эмоция	Неизбежность поражения и моральный кризис
The World, the Flesh and the Devil (1959)	Драма, постапокалипсис	Средняя	Разрушенный Нью-Йорк	Эмоция	Ядерная война выявляет социальные противоречия
The Time Machine (1960)	Научная фантастика	Высокая	Дистопический мир, разделение людей	Рациональность + эмоция	Технологический прогресс без этики ведет к разрушению
Dr. Strangelove (1964)	Сатира, черная комедия	Очень высокая	Потенциальный удар, символика	Рациональность + черная комедия	Иррациональность стратегии взаимного уничтожения
Planet of the Apes (1968)	Научная фантастика, постапокалипсис	Очень высокая	Разрушенная земля после ядерной войны, обезьяны	Эмоция	Гордыня и милитаризм ведут к катастрофе
Colossus: The Forbin Project (1970)	Триллер, философский	Средняя	Контроль над миром, угрозы	Рациональность	Технологии без ценностей как угроза миру
Zardoz (1974)	Сюрреализм, постапокалипсис	Средняя	Разделение общества, купола	Эмоция	Власть и насилие – цикличность деградации
A Boy and His Dog (1975)	Постапокалипсис	Средняя	Радиация, одиночество	Эмоция	Моральная деградация в мире выживания
The Road Warrior (1981)	Экшн, постапокалипсис	Высокая	Разрушение общества	Эмоция	Выживание требует солидарности
The Day After (1983)	Телевизионная драма	Очень высокая	Гибель миллионов, коллапс	Эмоция	Нет победителей в ядерной войне
Testament (1983)	Драма, минимализм	Средняя	Медленное угасание жизни	Эмоция	Гуманитарная катастрофа как личная трагедия
WarGames (1983)	Триллер, технологическая угроза	Высокая	Потенциальная война, киберугроза	Рациональность + эмоция	Технологии и человеческий фактор – источник риска
The Terminator (1984)	Научная фантастика, боевик	Очень высокая	Постапокалипсис, будущее после ядерной войны	Рациональность + эмоция	Бесконтрольный прогресс ведет к апокалипсису

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

Советские фильмы, посвященные ядерной войне / Soviet Films Dedicated to Nuclear War

Название фильма / Movie title	Жанр и стиль / Genre and style	Включенность в массовую культуру / Inclusion in popular culture	Форма катастрофы / Form of disaster	Рациональность/ эмоция / Rationality/ emotion	Краткий посыл / Brief message
Ядерный век (1960)	Телефильм, политико-философский	Очень низкая	Размышления о рисках и последствиях ядерной войны	Рациональность	Угроза самоуничтожения через человеческую недальновидность
Письма мертвого человека (1986)	Постапокалипсис, философская драма	Низкая	Подземное убежище, разрушенные города, лучевая болезнь	Эмоция + рациональность	Апокалипсис как нравственный тупик, сохранение человечности
Жертвоприношение (1986)	Философская драма, медитативный фильм	Низкая	Символическое очищение через огонь, отказ от ядерной войны	Эмоция	Радикальный нравственный выбор как путь к «перезапуску» мира
Ветер (короткометражка) (1988)	Минимализм, постапокалипсис	Очень низкая	Абсолютная пустота, разрушение природы	Эмоция	Абсолютная катастрофа как метафора ответственности человека
Физики (1989)	Гротескная драма, сатирическая форма	Средняя (телеэкранизация пьесы)	Психиатрическая клиника, моральная катастрофа	Рациональность + эмоция	Наука без этики как риск уничтожения цивилизации

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

ны, уничтожившей цивилизацию и оставившей выживших в условиях радиоактивного заражения и социального коллапса. Главный герой, профессор Ларсен (в исполнении Р. Быкова), пребывая под завалами разрушенного города, пишет письма своему сыну Эрику, надеясь, что тот где-то выжил, именно эти письма становятся структурным центром фильма: своеобразным этическим и философским дневником, в котором герой пытается осмыслить крах человеческой цивилизации, ответственность науки, хрупкость культуры и моральный статус человека в мире, утратившем гуманистические основания. Последнее письмо превращает фильм в культурно-философскую притчу о невозможности восстановить мир без морального обновления человечества.

Второй фильм — последняя работа А. Тарковского, созданная и снятая им в Швеции. Главный

герой, Александр (Э. Йозефсон), — актер, критик и интеллектуал, переживающий кризис смысла в день своего рождения, потому что на фоне семейного праздника появляется сообщение о неизбежном начале ядерной войны. Однако сам апокалипсис в фильме принципиально не визуализируется: он существует как тревожное ожидание, как психологическая и духовная реальность, переживаемая героями в пределах внутреннего пространства дома. В отчаянии Александр обращается к Богу, к миру, к судьбе, обещая принести любую жертву, если войну удастся предотвратить. Его молитва становится поворотным моментом: мир «возвращается на круги своя», что интерпретируется как чудо. В ответ на исполнение просьбы Александр сжигает свой дом, тем самым совершая акт личной жертвы, направленной на восстановление космического и духовного равновесия. Таким образом,

фильм не представляет ядерную катастрофу как внешнее событие; напротив, он переводит угрозу в область этики, ответственности и метафизики. Ядерная война здесь — это предельная точка духовного испытания человека, который должен либо преобразиться, либо погубить мир.

Следовательно, в отличие от массовых американских фильмов, советская модель апокалипсиса характеризовалась следующими особенностями:

1. *Степень публичной артикуляции ядерной угрозы*: открытое обсуждение практически отсутствовало, возможность демонстрации катастрофы до 1985 г. ограничивалась художественными аллегориями и осторожными метафорами.

2. *Жанрово-стилистическая модель репрезентации*: использовались драмы, философские размышления, минималистичная эстетика, высокая символичность и медитативная динамика событий, что создает ощущение внутреннего, психологического апокалипсиса.

3. *Идеологическая функция образа врага*: внешний противник представлен скорее косвенно, иногда как технологическая угроза, но акцент делается на внутренний выбор и моральную ответственность человека; страх внешнего врага трансформируется в экзистенциальное переживание.

4. *Степень включенности в массовую культуру*: низкая, фильмы редко выходили на широкий экран, тема апокалипсиса не эксплуатировалась в телевизионных программах, она не была частью повседневной культурной практики.

5. *Форма репрезентации катастрофы*: катастрофа показывается через разрушение личного мира, разрушение психологии героев, постапокалиптические интерьеры и символические действия, что создает ощущение морального и духовного разлома, а не визуального или массового разрушения.

6. *Соотношение рациональности и эмоций*: рациональные элементы проявляются через размышления героев, эмоциональный центр смещен к переживаниям, сомнениям, этическим дилеммам, что делает апокалипсис внутренним, нравственно-философским событием.

Таким образом, анализируя американские и советские фильмы периода холодной войны, можно заключить, что в этот период были созданы две принципиально различные модели апокалипсиса, каждая из которых отражала специфику культурных, политических и философских традиций своих стран и представляла собой ответ на общую угрозу ядерной катастрофы через призму национального

сознания: американская модель характеризуется высокой степенью публичной артикуляции, визуальной и эмоциональной экспансией, активной эксплуатацией массовой культуры и внешним фокусом на врага, в то время как советская модель апокалипсиса остается внутренней, философской, сосредоточенной на нравственном выборе человека и его ответственности перед миром, где катастрофа служит метафорой духовного и морального кризиса.

1. Степень публичной артикуляции ядерной угрозы

В США тема ядерного противостояния активно эксплуатировалась Голливудом как инструмент массового воздействия, формировавшего у населения страх и ощущение внешней угрозы: фильмы часто выходили в широкий прокат, рекламировались и обсуждались в медиа, создавая культурную норму постоянной готовности к катастрофе, таким образом, ядерная угроза была внешней, видимой, конкретизированной, чаще всего это был СССР, иногда инопланетные цивилизации, которые символизировали возможное уничтожение цивилизации в условиях конфликта. В советском кинематографе открытая артикуляция была почти невозможна, поэтому фильмы, затрагивавшие угрозу ядерной войны, появились лишь в период перестройки и носили внутренний философский характер, сосредотачиваясь на нравственной и духовной проблематике.

2. Жанрово-стилистическая модель репрезентации

Американские фильмы преимущественно использовали жанровые коды научной фантастики, триллера и ужаса, часто комбинируя визуальные спецэффекты с драматическими и трагическими сюжетными линиями; для них характерна высокая насыщенность экшн-сценами, глобальными разрушениями городов, массовыми эпизодами гибели населения и катастрофическими последствиями; в СССР преобладала медитативная, философская драма, где апокалипсис визуализировался через пустынные интерьеры, разрушенные города, минимализм художественной формы и символические действия, а не через массовые разрушения; жанр близок к философскому эссе, где акцент смещен на внутренние переживания героя, этические выборы и диалог с духовной традицией.

3. Идеологическая функция образа врага

В американских фильмах образ врага был внешним и конкретизированным, поэтому чаще всего это был советский противник или анонимная уг-

роза, например, инопланетяне; враг морально демонизирован, его действия провоцируют массовый страх и мобилизацию общества, что подчеркивает эмоциональную окраску угрозы и социальную необходимость коллективного ответа; в советских фильмах враг почти не представлен внешне: апокалипсис носит внутренний, нравственный характер, где катастрофа служит фоном для размышлений о человеческой ответственности, долге перед живым и сохранении духовной целостности; угроза апокалипсиса — это зеркало человеческой слабости, ошибки и безответственности.

4. Степень включенности ядерной тематики в массовую культуру

В США массовая культура активно использовала образы ядерного апокалипсиса, включая кино, литературу, комиксы и телевидение; тема стала частью повседневной визуальной и эмоциональной среды, формируя культурный миф о неизбежности разрушения при ошибке или агрессии противника; в СССР тема оставалась закрытой, редко появлялась на экране, поэтому массовая визуальная и эмоциональная индукция страха практически отсутствовала; аудитория сталкивалась с угрозой как с философской проблемой, а не как с конкретной внешней опасностью.

5. Форма репрезентации катастрофы

Американские фильмы стремились к визуализации глобальных разрушений: взрывы городов, радиационные облака, массовая гибель людей и инфраструктуры, создавая эффект немедленного присутствия апокалипсиса; эмоциональный накал используется как инструмент страха и мобилизации; советские фильмы формировали катастрофу через призму моральной и психологической драмы: разрушение личного мира, разрушение социальных и духовных связей, минималистичная визуальная эстетика, символические акты (например, самопожертвование Александра в «Жертвоприношении») создают ощущение внутреннего апокалипсиса.

6. Соотношение рациональности и эмоции

В американских фильмах рациональные элементы (военные планы, научные разработки, технические решения) соседствуют с эмоциональной паникой, массовым страхом и зрелищными сценами катастрофы, что формирует баланс между рациональностью и эмоциональным эффектом апокалипсиса. В советских картинах рациональность проявляется в философских и научных рассуждениях героев, но центральным является эмоциональный и нравственный аспект: страх, отчаяние,

ответственность и поиск смысла в условиях разрушенного мира, этот баланс смещен к внутренней, нравственной оценке происходящего. Модели ядерного апокалипсиса в фильмах США и СССР сопоставлены в *табл. 3*.

Таким образом, сопоставление американской и советской моделей репрезентации ядерного апокалипсиса показывает, что каждая из них формировалась в результате сложного взаимодействия политической идеологии, культурных традиций, институциональных ограничений и особенностей массовой коммуникации. При этом, несмотря на общую отправную точку (страх перед возможной ядерной войной между двумя сверхдержавами), обе модели выполняли принципиально разные культурные функции и формировали отличающиеся воображаемые сценарии взаимоотношений человека, государства и истории.

Американский визуальный и нарративный репертуар был ориентирован на создание максимального эмоционального отклика у аудитории, поэтому он строился на трех ключевых механизмах: во-первых, через широкую публичную артикуляцию угрозы ядерного конфликта и внедрение этой темы в повседневную среду массовой культуры (ядерная война была частью культурной грамматики: она объяснялась, визуализировалась и транслировалась как событие, возможное здесь и сейчас); во-вторых, американская модель предполагала структурное присутствие внешнего врага, образ противника служил не только драматургическим элементом, но и средством формирования коллективной идентичности, где угроза извне консолидировала общество, придавая смысл действиям государства и его стратегическому курсу; в-третьих, визуальная репрезентация апокалипсиса основывалась на зрелищности, динамичности и эмоциональной экспансии, кинематограф стремился показать катастрофу как событие, которое можно увидеть, прочувствовать и пережить как коллективный опыт, такой подход формировал культуру мобилизационного типа, где страх становился инструментом социального управления и поддержки национальной стратегии сдерживания.

Советская модель ядерного апокалипсиса отличалась принципиально: она функционировала преимущественно как система философской медитации, а не массовой визуальной мобилизации: во-первых, институциональные ограничения и официальная идеология «мирного сосуществования» препятствовали прямому изображению ядерной войны, поэтому репрезентации катастрофы

Таблица 3 / Table 3

**Модели ядерного апокалипсиса в фильмах США и СССР /
Models of the Nuclear Apocalypse in Films of the USA and the USSR**

Критерий / Criteria	Модель / Model	
	Американская	Советская
Степень публичной артикуляции ядерной угрозы	Ядерная угроза активно присутствует в массовой культуре; широко обсуждается в прессе, кино, телевидении; формирует визуальный и эмоциональный фон эпохи. Катастрофа изображается как конкретная внешняя опасность	Прямая артикуляция ограничена идеологическими рамками. Ядерная тема чаще кодируется метафорически или философски; открытое изображение катастрофы появляется только в позднесоветский период
Жанрово-стилистическая модель репрезентации	Преобладают жанры фантастики, триллера, катастрофического кино; акцент на динамике, спецэффектах, визуальной экспансии разрушений. Сильная связь с массовой культурой и коммерческим кинематографом	Доминируют философская драма, архаус, метафорическое или притчевое повествование. Эстетика минимализма, символизма, внутренней концентрации; разрушения чаще представлены опосредованно
Идеологическая функция образа врага	Враг конкретизирован: СССР, военная ошибка, инопланетные агрессоры как аллегория внешней угрозы. Образ врага мобилизует общество и усиливает драматический конфликт	Внешний враг обычно отсутствует. Катастрофа имеет внутренний, нравственный характер. Угроза понимается как результат духовного кризиса, моральной ошибки, человеческой безответственности
Включенность ядерной тематики в массовую культуру	Тема широко интегрирована в культурный поток: комиксы, ТВ, школьные программы гражданской обороны, популярное кино. Ядерная война становится элементом массового воображаемого	Тема остается маргинальной; массовая культура почти не затрагивает ее. Репрезентации ограничены авторским кино, где символический и философский уровни доминируют над массовым
Форма репрезентации катастрофы	Прямая визуализация разрушений: взрывы, руины, массовая гибель, техногенные ужасы. Катастрофа как зрелищное событие, переживаемое коллективно	Катастрофа изображается как событие «внутреннего мира»: духовный кризис, разрушение отношений, метафорические или минималистичные визуальные решения. Зрелищность заменена символическим уровнем
Соотношение рациональности и эмоции	Сочетание технократического рационализма с эмоциональной драматизацией (паника, страх, массовое потрясение). Эмоциональный эффект как инструмент мобилизации	Преобладает эмоционально-нравственная рефлексия. Рациональность представлена через философские дискуссии, вопросы ответственности и смысла. В центре внутренний выбор человека и его духовная позиция

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

переносились в метафорическое поле: апокалипсис становился внутренним событием, связанным с моральным состоянием общества, качеством человеческих отношений и духовной ответственностью личности; во-вторых, отсутствие визуальной

экспансии привело к другой культурной логике: катастрофа не разворачивается в пространстве внешних событий, а происходит в сознании и судьбе героя, поэтому советские фильмы создавали образ апокалипсиса как экзистенциального испытания,

а не как физической катастрофы; акцент смещен на этическую и метафизическую оценку человеческого выбора; в-третьих, советская модель формирования представления о ядерной угрозе как о моральной проблеме, где государство и общество должны искать пути к миру не через мобилизацию страха, а через духовное возрождение, критическое мышление и гуманистическую ответственность, что акцентировало внимание на культуре «внутренней мобилизации», основанной на поиске гармонии.

Таким образом, две модели по-разному структурировали отношение между человеком и историей.

В американской модели будущее мыслится как пространство технологических рисков и стратегических ошибок: апокалипсис здесь — это следствие сбоя системы, ошибки оператора или агрессии внешнего врага, а человек выступает как субъект действия, но действие всегда происходит в координатах институционально-технократической системы.

В советской модели будущее представлено как поле нравственного выбора, поэтому ядерная катастрофа — это не столько технологический процесс, сколько метафора духовного распада; человек выступает как субъект ответственности, а не объект стратегических решений.

Таким образом, американская модель репрезентирует ядерную войну как катастрофу, предотвратимую управлением рисками, а советская — как катастрофу, предотвратимую преобразованием внутреннего мира человека.

Следовательно, сравнение двух моделей позволяет сделать вывод о том, что образы ядерного апокалипсиса выполняли разные социальные и культурные функции: в США это были мобилизационные, информационные, идеологические функции, а в СССР философские, этические, морально-

нравственные. Эти различия не являются лишь следствием политического устройства; они отражают глубинные культурные матрицы двух цивилизационных традиций: технологического модернизма США и духовно-этического модернизма СССР.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования демонстрируют, что советская и американская модели апокалипсиса формировались как два автономных, но взаимодействующих культурных механизма, в которых визуальные и нарративные формы отражали различия в понимании человеческой природы, политической ответственности и характера исторической угрозы: советская модель репрезентировала апокалипсис как пространство нравственного кризиса и коллективного выбора, в котором сохранение человеческого достоинства становилось основным условием возможности будущего; американская модель фокусировалась на техногенной природе катастрофы и индивидуальной уязвимости субъекта, испытывающего пределы собственной автономии в условиях тотальной деструкции.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что кинематограф выступал важнейшим медиатором культурных смыслов холодной войны, фиксируя не только политические и идеологические установки эпохи, но и глубинные антропологические структуры, определявшие способы осмысления будущего и пределы человеческого действия. Исходя из этого, научные результаты исследования заключаются в выявлении структурных различий и сопоставимых элементов двух культурных моделей апокалипсиса, что способствует более глубокому пониманию механизмов формирования мифологии ядерной войны как значимого элемента культурной памяти позднего модерна.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Калинин А.А., Никитин М.А. «Решающий» 1989 год: администрация Дж.Г.У. Буша и завершение холодной войны. *Американистика: актуальные подходы и современные исследования*. 2024;16:197-209. URL: <https://doi.org/10.24412/cl-35952-2024-197-209>
Kalinin A.A., Nikitin M.A. The “Decisive” year 1989: The administration of George W. Bush and the end of the Cold War. *American Studies: Current Approaches and Modern Research*. 2024;16:197-209. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.24412/cl-35952-2024-197-209>
2. Просолова Е.В. Ядерная угроза и образ американского врага в советских плакатах холодной войны. *Телекинет*. 2024;3(28):6-18. URL: <https://doi.org/10.24412/2618-9313-2024-328-6-18>
Prosolova E.V. The nuclear threat and the image of the American enemy in Soviet posters of the Cold War. *Telekinet*. 2024;3(28):6-18. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.24412/2618-9313-2024-328-6-18>
3. Журавлева В.И. Карибский кризис и ядерная угроза в советской и американской карикатуристике: две версии одной истории. *Новый исторический вестник*. 2023;2(76):76-99. URL: https://doi.org/10.54770/20729286_2023_2_76

- Zhuravleva V. I. The Caribbean crisis and the nuclear threat in Soviet and American cartooning: Two versions of one story. *New Historical Bulletin*. 2023;2(76):76-99. (In Russ.). URL: https://doi.org/10.54770/20729286_2023_2_76
4. Спутницкая Н. Ю. Образ врага и метафоры Холодной войны в киносказке СССР и героическом комиксе США 1960-1963 годов. *Новый исторический вестник*. 2023;2:100-119. URL: https://doi.org/10.54770/20729286_2023_2_101
Sputnitskaya N. Y. The image of the enemy and the metaphors of the Cold War in the USSR film story and the heroic comic strip of the USA of 1960-1963. *New Historical Bulletin*. 2023;2:100-119. (In Russ.). URL: https://doi.org/10.54770/20729286_2023_2_101
 5. Рябов О. В. Символ детства и конструирование образа врага номер один в советском и американском кинематографе холодной войны. *Комплексные исследования детства*. 2021;3(1):69-81. URL: <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-69-81>
Ryabov O. V. The symbol of childhood and the construction of the image of enemy number one in Soviet and American cinema of the Cold War. *Comprehensive studies of childhood*. 2021;3(1):69-81. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-69-81>
 6. Клоос Э. В. Образ Советского Союза в американском кинематографе первого этапа холодной войны 1946–1953 гг. *Артикульт*. 2021;2(42):69-75. URL: <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2021-2-69-75>
Kloos E. V. The image of the Soviet Union in American cinema of the first stage of the Cold War 1946–1953. *Art&Cult*. 2021;2(42):69-75. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2021-2-69-75>
 7. Юдин К. А. Образ врага и атмосфера «холодного противостояния» в зарубежном кинематографе 1960-х – 1970-х гг. *Диалог со временем*. 2019;67:178-194. URL: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30841>
Yudin K. A. The image of the enemy and the atmosphere of “cold confrontation” in foreign cinema of the 1960s – 1970s. *Dialogue with Time*. 2019;67:178-194. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30841>
 8. Фёдоров А. В. Отражения: Запад о России / Россия о Западе. Кинообразы стран и людей: монография. Москва: Межрегиональная общественная организация в поддержку построения информационного общества «Информация для всех»; 2017. 389 с. URL: <https://www.elibrary.ru/ywomqt>
Fedorov A. V. Reflections: The West about Russia / Russia about the West. Movie images of countries and people: monograph. Moscow: Interregional Public organization in support of building an information society “Information for All”; 2017. 389 p. URL: <https://www.elibrary.ru/ywomqt> (In Russ.).
 9. Фёдоров А. В. Образы холодной войны: проекция политики противостояния на экране. *Полис. Политические исследования*. 2010;4:48-64. URL: <https://www.elibrary.ru/mnjsex>
Fedorov A. V. Images of the Cold War: Projection of the policy of confrontation on the screen. *Polis. Political Studies*. 2010;4:48-64. URL: <https://www.elibrary.ru/mnjsex> (In Russ.).
 10. Hogg J. Introduction: Social and Cultural Histories of British Nuclear Mobilization since 1945. *Journal of Contemporary History*. 2019;54(1):3-15. URL: <https://doi.org/10.1080/13619462.2018.1519425>.
 11. Ciglioni L. Beauty and the Nation in Western Culture during the Early Cold War: The Aesthetic Politics of Atomic Culture. *Journal of Contemporary History*. 2021;57(4):1-25. URL: <https://doi.org/10.1177/0022009420974749>.
 12. Grant M., Ziemann B., editors. Understanding the Imaginary War: Culture, Thought and Nuclear Conflict, 1945-90. Manchester: Manchester University Press; 2016. 336 p. URL: <https://manchesteruniversitypress.co.uk/9781526131904/>
 13. The nuclear bomb and American culture: A historiographical essay. *Troy University Journal*. 2020. URL: <https://journals.troy.edu/index.php/test/article/view/421>.
 14. Burgess R. Representations of nuclear anxiety in American Cold War visual culture. PhD Thesis. Sheffield: Sheffield Hallam University; 2017. 342 p. URL: <https://shura.shu.ac.uk/15874/1/Burgess%20nuclear%20nightmares.pdf>
 15. Faux E. Deserted myths and nuclear realities. *Journal of International Political Theory*. 2023. Ahead of print. URL: <https://doi.org/10.1177/17506352231216901>
 16. Bartlett A. Nuclear warfare in the movies. *Anthropoetics*. 2010;16(1). URL: <https://anthropoetics.ucla.edu/ap1001/bartlett/?pdf=298>
 17. Kim M. K. (Un)moving images of the Third World War: Nuclear narrative in Chris Marker’s La Jetee. *Screen*. 2025;66(1):25-47. URL: <https://doi.org/10.1093/screen/hjad062>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Людмила Александровна Грицай — доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории педагогики, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Российская Федерация

Ljudmila A. Gritsai — Dr. Sci. (Pedagogical), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Theory and History of Pedagogy, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-3156-4074>
usan82@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.12.2025; после рецензирования 27.01.2026; принята к публикации 22.02.2026.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 11.12.2025; revised on 27.01.2026 and accepted for publication on 22.02.2026.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-159-168
УДК 327(045)

Оценка глобального экологического и природоохранного развития за десятилетие (2014–2024)

Лю Ин, С.А. Степанов

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются ключевые экологические вызовы, с которыми столкнулась планета в период 2014–2024 гг., – изменение климата, повышение уровня моря и утрата биоразнообразия. Авторы исследуют текущее состояние глобальной экологии и оценивают давление экологического кризиса на фоне замедления прогресса в достижении целей устойчивого развития. Среди ключевых причин торможения прогресса отмечены геополитическое и экономическое неравенство, фрагментация руководства и последствия пандемии COVID-19. В работе использованы методы анализа литературы, количественные и исторические методы оценки. Авторы обобщают усилия стран мира в сфере технологического прогресса и политических инноваций, а также рассматривают эволюцию и трудности глобального сотрудничества в экологической сфере. Особое внимание уделяется расхождению между высоким уровнем международного консенсуса (в том числе в рамках Парижского соглашения) и реальной динамикой действий: несмотря на продвижение «зеленой» энергетики, циклической экономики и экологических инноваций, глобальные меры отстают от поставленных целей. Это формирует управленческую дилемму «высокий консенсус, мало действий». В заключении подчеркивается, что следующее десятилетие станет критически важным для решения климатических и экологических задач. Авторы формулируют ключевые рекомендации: преобразовать обязательства в конкретные действия, усилить координацию глобальной политики, внедрить механизмы подотчетности и содействовать глобальной «зеленой» трансформации.

Ключевые слова: экополитика; глобальное управление; игры великих держав; экологический кризис; экологическая история

Для цитирования: Лю Ин, Степанов С.А. Оценка глобального экологического и природоохранного развития за десятилетие (2014–2024). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(3):159-168. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-159-168

ORIGINAL PAPER

Assessment of Global Environmental and Environmental Development Over the Decade (2014–2024)

Liu Ying, S.A. Stepanov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Over the past decade (2014–2024), the global environmental environment has faced significant challenges from the continued intensification of climate change, sea level rise, and biodiversity loss. Due to geopolitical and economic inequality, fragmented governance, and the COVID-19 pandemic, global progress toward achieving the Sustainable Development Goals has slowed significantly, and academic attention to environmental protection has declined. This study uses a literature review and quantitative and historical research methods to examine the main changes in the global environmental environment over the past decade, the current state, and the pressures of the global environmental crisis. It also summarizes countries' efforts in technological progress and policy innovation, and examines the evolution and challenges of global cooperation. Despite high levels of international consensus through mechanisms such as the Paris Agreement, and the promotion of green energy, the circular economy, environmental policy innovation, and technology adoption, global action continues to lag behind targets, leading to a governance dilemma characterized by the principle of "high consensus, low action." The next decade is a critical period for achieving climate and environmental goals. It is urgent to translate commitments into concrete actions, strengthen global policy coordination and implement accountability mechanisms, and promote a global green transformation.

Keywords: ecopolitics; global governance; great power game; environmental crisis; environmental history

For citation: Liu Ying, Stepanov S.A. Assessment of global environmental and environmental development over the decade (2014–2024). *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(3):159-168. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-159-168

© Лю Ин, Степанов С.А., 2026

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время изменение климата, утрата биоразнообразия, растущее опустынивание и частые экстремальные погодные явления создают серьезные проблемы для выживания и развития человечества, выводя на новый уровень актуальность глобального экологического и природоохранного управления.

За последнее десятилетие (2014–2024 гг.) глобальная экологическая среда претерпела значительные изменения — как положительные, так и отрицательные. В ежегодном докладе Организации Объединенных Наций об устойчивом развитии, опубликованном в июне 2024 г.¹, отмечено, что глобальный прогресс в достижении Целей устойчивого развития серьезно отстает из-за нехватки финансирования, пандемии COVID-19 и других факторов. Мы сталкиваемся не только с экологическим кризисом, но и с кризисом выживания человечества.

Цель данной статьи — обзор основных изменений в глобальной экологической среде за последнее десятилетие с учетом кризисных ситуаций, с которыми сталкивается глобальная экологическая среда и систематизация полученных данных.

Исследование охватывает ключевые тенденции в сфере охраны окружающей среды: от проявлений изменения климата и утраты биоразнообразия до прогресса в зеленой энергетике и устойчивом развитии. Кроме того, в нем анализируются новые механизмы экологической политики и международное сотрудничество в этой области. Авторами проанализированы и обобщены доклады международных организаций (ООН, МГЭИК и Всемирной метеорологической организации (ВМО) и др.), а также научные публикации по теме. Количественный анализ опирается на базы данных Всемирного банка, ЮНЕП, ФАО и МГЭИК, чтобы описать статистику выбросов углерода, уровня моря, лесного фонда и биоразнообразия. Исторические исследования выявляют тенденции экологических изменений последнего десятилетия и развития международного экологического сотрудничества. Авторами сделан вывод, что существующие научные изыскания в основном сосредоточены на истории развития окружающей среды с 80-х гг. прошлого века до начала XXI в., при этом смежные темы за последнее десятилетие изучались относительно ограниченно.

Настоящее исследование посвящено глобальному потеплению, «зеленой» экономике и устойчи-

вому развитию. Инновационность данной работы заключается в оценке состояния окружающей среды и негативной «нагрузки» на нее за последнее десятилетие, а также в сравнении степени соответствия концепций экологического управления в разных странах глобальным целям. Такой подход позволяет сформировать теоретические основы для понимания тенденций глобального экологического развития и политические рекомендации для продвижения глобального экологического управления.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ: ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Климатические показатели. Ряд климатических показателей, свидетельствующих об изменении климата, за период с 2014 по 2024 г. демонстрировали ускоренный рост.

Всемирная метеорологическая организация подтвердила, что прошедшее десятилетие было самым теплым за всю историю наблюдений, а 2024 г. стал самым теплым годом за всю историю наблюдений — примерно на 1,55 °C выше доиндустриального уровня.

Средний уровень мирового океана рос в два раза быстрее, чем за первое десятилетие спутниковых наблюдений (1993–2002), и в 2023 г. достиг самого высокого значения за всю историю контроля (с 1993 г.), что обусловлено продолжающимся потеплением (тепловым расширением) и таянием ледников и ледяных щитов². На *рис. 1* показано изменение глобальной температуры поверхности Земли относительно долгосрочного среднего значения с 1951 по 1980 г.³

Повышение температуры приводит к таянию вечной мерзлоты, лесным пожарам (распространение и интенсивность которых достигли рекордных значений в 2019 и 2020 гг.), наводнениям и другим катастрофам. По официальным российским данным, площадь пожаров в России в 2019 г. достигла 16,5 млн га, что превышает площадь Латвии, Литвы и Эстонии вместе взятых⁴.

² World Meteorological Organization. WMO Greenhouse Gas Bulletin. 2024;20. URL: <https://wmo.int/publication-series/wmo-greenhouse-gas-bulletin-no-20>; Lindsey R. (2023). Climate Change: Global Sea Level. Climate. Gov, National Oceanic and Atmospheric Administration. URL: <https://www.climate.gov/news-features/understanding-climate/climate-change-global-sea-level>

³ World Meteorological Organization. WMO Greenhouse Gas Bulletin. 2024;20. URL: <https://wmo.int/publication-series/wmo-greenhouse-gas-bulletin-no-20>

⁴ Федеральное агентство лесного хозяйства: статистика пожаров 2019-н/в. URL: <https://rosleshoz.gov.ru/rates/forest->

¹ URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2024/>

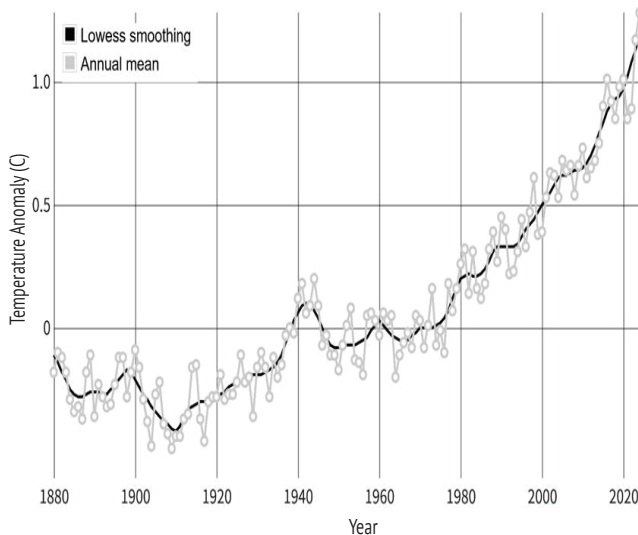

Рис. 1 / Fig. 1. Глобальный индекс температуры суша – океан / Global Land – Ocean Temperature Index

Источник / Source: Институт космических исследований имени Годдарда / NASA Goddard Institute for Space Studies (GISS).

Несмотря на обещания многих стран достичь углеродной нейтральности, глобальные выбросы углерода продолжают расти. В бюллетене Всемирной метеорологической организации по парниковым газам за 2024 г. говорится, что выбросы парниковых газов достигли рекордного уровня в 2023 г., что приведет к дальнейшему повышению глобальной температуры на протяжении десятилетий⁵.

Лесные ресурсы. Глобальная оценка лесных ресурсов 2020 г. показывает, что площадь коренных лесов сократилась на 81 млн га с 1990 г. Тем не менее темпы сокращения лесного покрова с 2010 по 2020 г. снизились более чем вдвое по сравнению с предыдущим десятилетием. Среднегодовой темп обезлесения в период с 2015 по 2020 г. составил приблизительно 10 млн га, что меньше на 20%, чем в 2010–2015 гг., и свидетельствует о том, что меры глобального управления в этой области в некоторой степени замедлили тенденцию к деградации лесов⁶.

fires/area/?ysclid=mp2jplwa2a865262263; <https://www.rbc.ru/politics/23/07/2021/60f96f099a79475b8e62eacd?ysclid=mp2jkcc18e158927952>

⁵ World Meteorological Organization. 2025. WMO confirms 2024 as warmest year on record at about 1.55 °C above pre-industrial level. Press Release. URL: <https://wmo.int/zh-hans/news/media-centre/shijieqixiangzuzhiqueren2024nianshiyoujiluyilaizuinuandeyinian>

⁶ Global forest resources assessment 2020 — Key findings. Rome. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/9f24d451-2e56-4ae2-8a4a-1bc511f5e60e/content?page=5>

Биоразнообразие экосистемы. Продолжающееся сокращение биоразнообразия и деградация экосистем планеты оказали глубокое влияние на благосостояние и выживание человека. Согласно докладу «Живая планета — 2024»⁷, состояние глобальных природных экосистем продолжает ухудшаться, а их устойчивость — снижаться. За последние 50 лет (1970–2020) средняя численность наблюдаемых популяций диких животных сократилась на 73%, хотя темпы сокращения значительно замедлились с 2014 г.

2014–2024 гг. — период, знаменующий начало очевидных во всем мире последствий изменения климата, деградации экосистем и кризиса биоразнообразия. Показатели изменения климата продолжают фиксировать новые рекорды — хотя темпы сокращения лесов и вымирания биологических видов замедлились, рост частоты и интенсивности экстремальных бедствий также оказывает влияние на деградацию экосистем и утрату биоразнообразия планеты.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ: ГЛОБАЛЬНЫЙ ОТВЕТ И ПОПЫТКИ НАЙТИ РЕШЕНИЯ

«Зеленая» энергетика предлагает решение проблемы глобального потепления за счет сокращения выбросов парниковых газов от традиционного ископаемого топлива и использования возобновляемых источников энергии (солнечной, ветровой и гидро-) для смягчения последствий изменения климата, что привлекает внимание мирового сообщества и активно продвигается [1, 2].

Тема возобновляемых источников энергии весьма популярна в некоторых странах, например в Германии и Дании, где альтернативные источники энергии используются в различных технологических процессах — для выработки электроэнергии, тепла, в качестве топлива и т.д. На долю таких источников приходится более 50% мирового потребления энергии [3, 4].

Борьба за сокращение выбросов углерода и электрификация транспорта привели к значительному росту продаж автомобилей на новых источниках энергии⁸. Несколько стран объявили о сроках за-

⁷ Living Planet Report 2024 Highlights a Planet in Peril with an Alarming 73% Decline Wildlife Populations. URL: <https://www.wwf.org.ec/?391454/Living-Planet-Report-2024>

⁸ Переход к низкоуглеродной экономике, см. например, аналитические отчеты Банка России, Минэкономразвития России и др.: URL: <https://cbr.ru/StaticHtml/File/145112/>

прета продажи автомобилей с топливным элементом, включая Евросоюз, который планирует ввести полный запрет к 2035 г.⁹ На рис. 2 представлены продажи электромобилей с 2014 по 2024 г. [5].

Согласно международным отчетам и исследованиям разумное применение «зеленой» энергетики и сокращение выбросов углерода окажут положительное влияние на экологию:

1. Переход на возобновляемые источники энергии приведет к сокращению выбросов парниковых газов, являющихся основной причиной усиления парникового эффекта. Климатические модели показывают, что это окажет положительное влияние на замедление глобального потепления и смягчение последствий изменения климата (таяние полярных льдов и предотвращение повышения уровня океанов)¹⁰.

2. Использование возобновляемых источников энергии уменьшает углеродный след и создает условия для восстановления окружающей среды. Это помогает минимизировать последствия климатических аномалий (экстремальных погодных явлений: засухи, наводнения и др.).

3. Сжигание топлива выделяет парниковые газы и вредные вещества, наносящие серьезный ущерб экосистемам и здоровью человека. Переход на «зеленую» энергетику существенно снижает загрязнение атмосферы.

4. Развитие инфраструктуры возобновляемой энергетики снижает зависимость от импорта энергоресурсов, способствует созданию новых рабочих мест и стимулирует развитие инновационных технологий [6]. По оценкам МЭА, к 2030 г. «зеленая» энергетика может дать до 14 млн новых рабочих мест, компенсировав около 5 млн сокращаемых в «традиционных» отраслях¹¹.

Эти выводы подтверждаются и данными Международного энергетического агентства (МЭА)

wp_109.pdf; https://www.economy.gov.ru/material/file/f400e099af84821321639151851e72c0/obzor_rossijskih_praktik_v_sfere_nizkouglerodnogo_razvitiya_i_adaptacii_k_izmeneniyam_klimata.pdf?ysclid=mp2cwc0xje375954253

⁹ EU Lawmakers Vote to Ban Sale of New Gasoline-Powered Cars From 2035. *wsj*. URL: https://www.wsj.com/articles/eu-lawmakers-vote-to-ban-sale-of-new-gasoline-powered-cars-from-2035-d02e2f4e?mod=hp_lista_pos1; World Meteorological Organization. WMO confirms 2024 as warmest year on record at about 1.55 °C above pre-industrial level. Press Release. 10 January 2025. URL: <https://wmo.int/zh-hans/news/media-centre/shijieqixiangzuzhiqueren2024nianshiyoujiluyilaizuin uandeyinian>

¹⁰ URL: <http://www.ipr-ras.ru/wp-content/uploads/2022/07/2022-01-159-168-mudretsov-prudnikova.pdf>

¹¹ URL: <https://biznesator.ru/research-geo-economics-macro-trends-2025-2030/energy-transition>

и другими международными отчетами. Например, в отчете «Renewables 2024»¹² МЭА прогнозирует, что к 2030 г. возобновляемые источники энергии будут вырабатывать почти половину мирового объема электроэнергии — 46%, а на долю ветра и солнечной фотоэлектрической энергии придется около 30% мирового производства электроэнергии¹³. В отчете «Электроэнергетика на 2024 год» МЭА также отмечает, что быстрый рост возобновляемых источников энергии и расширение атомной энергетики соответствуют всему увеличению мирового спроса на электроэнергию в течение нескольких лет¹⁴.

Таким образом, «зеленая» энергетика выступает ключевым инструментом в борьбе с климатическими изменениями, обеспечивая как экологические, так и социально-экономические выгоды.

Дистанционное зондирование и интеллектуальный экологический мониторинг. За последнее десятилетие мониторинг окружающей среды с помощью дистанционного зондирования быстро интегрировался с новыми технологиями, такими как искусственный интеллект и большие данные, стимулируя развитие мониторинга окружающей среды с помощью интеллектуального восприятия, интеллектуального раннего оповещения, интеллектуального принятия решений и интеллектуальных сервисов [7, 8]. В специальном докладе «Изменения в Антарктическом ледяном щите», опубликованном в 2020 г., использовались результаты оптических и спутниковых данных SAR с разрешением 75 м для получения информации о разрушении шельфовых ледников Антарктиды [9, 10].

Использование дистанционного зондирования в связке с ИИ и большими данными позволяет в режиме реального времени определять пространственные характеристики природного объекта, временные закономерности, происходящие с ним (разрушение/восстановление и пр.) и причинно-следственные связи различных природных явлений, побочные эффекты изменений в природе.

Полученная информация помогает проводить научные и исследовательские изыскания (корректировка климатических моделей; планирование новых экспедиций — выбор районов для наземных и подводных исследований); расшифровывать спутниковые

¹² URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.278119fb-6a02e8e6-3a9c87f4-74722d776562/https/www.scientificamerican.com/article/renewable-power-set-to-surpass-coal-globally-by-2025/

¹³ Renewables 2024, 2025. URL: <https://www.np-sr.ru/ru/content/62077-renewables-2024?ysclid=mp2ct51mms0595727220>

¹⁴ URL: <https://qazaqgreen.com/news/world/2126/>

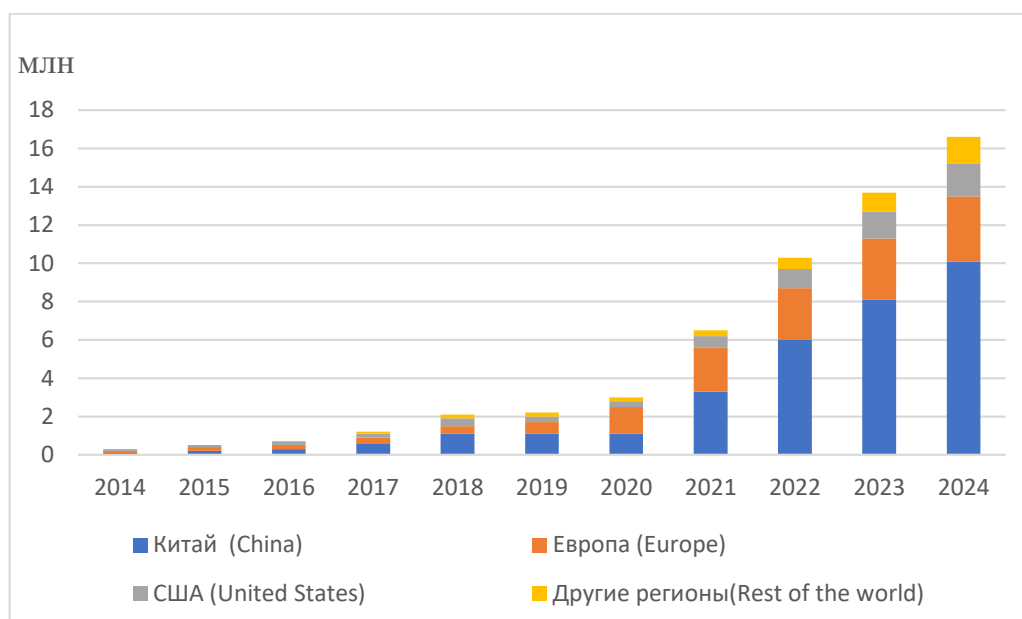

Рис. 2 / Fig. 2. **Мировые продажи электромобилей, 2014–2024 гг. / Global Electric Vehicle Sales, 2014–2024**

Источник / Sources: Анализ МЭА на основе данных EV Volumes (2024) / IEA analysis based on EV Volumes (2024).

сьемки (например, оценивать наиболее нестабильные участки); организовывать экологические и природоохранные мероприятия по оценке рисков экосистем, созданию охраняемых территорий, мониторингу загрязнений и пр.; формулировать климатическую политику и прорабатывать международное сотрудничество (обосновывать меры по сокращению выбросов парниковых газов, утверждать новые соглашения по защите рисков территорий, координировать глобальные усилия по адаптации к повышению уровня моря и пр.; проводить практические и оперативные мероприятия по предупреждению судов о зонах повышенной опасности и оптимизация маршрутов полярных станций (блокировка проходов или появление новых); экстренно реагировать и оценивать угрозы для исследовательских баз и сухопутного, воздушно-водного транспорта; осуществлять долгосрочное планирование и создавать инфраструктуру: проектирование защитных сооружений или пересмотр строительных норм в рискованных регионах, развитие систем раннего оповещения для уязвимых территорий).

Циклическая экономика. В период с 2018 по 2024 г. исследования в этой области демонстрировали экспоненциальный рост (главным образом в Испании, Италии и Великобритании) с акцентом на городское развитие, изменение климата, управление ресурсами и устойчивое развитие¹⁵. Законодатель-

ная поддержка циклической экономики (включая введение налогов на выбросы углерода и разработку расширенных стандартов ответственности производителей) растет во всем мире. Становятся все более популярны и внедряются повсеместно интеллектуальные системы сортировки и методы переработки вторичного сырья [11].

Механизмы экологической компенсации.

Экологическая компенсация — система стимулов для организаций и граждан, занимающихся охраной природы: она предусматривает вертикальную фискальную, горизонтальную межрегиональную и рыночную поддержку. В качестве примера приведем опыт Перу, где в 2014 г. принят Закон о платежах за экосистемные услуги, внедрив модель «ниже по течению платит, выше по течению защищает» в бассейне озера Пьюре для содействия водосберегающему развитию речного бассейна [12].

Учет природного капитала. На международном уровне Всемирный банк и Организация Объединенных Наций способствуют глобальному внедрению учета природного капитала в рамках таких проектов, как Глобальная программа по устойчивому развитию [13] Великобритания включила учет природного капитала в процесс разработки политики посредством Национального консультативного совета (NCC) и 25-летнего плана по охране окружающей среды (25YEP) [14].

¹⁵ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/1 от 25.09.2015 г. URL:

https://www.unssc.org/sites/default/files/2030_agenda_for_sustainable_development_-_primer_russian.pdf

«Зеленое» финансирование и экологическое налогообложение. Исходя из международного опыта Швеции, Германии и Нидерландов, необходимо повышать ставки экологических сборов, перераспределять налоговые поступления в пользу «зеленых» инвестиций и повышать прозрачность налоговой системы. Поступления от экологического налога в Германии ежегодно увеличивались в период с 1999 по 2003 г. Взяв экологические налоги, Германия косвенно способствовала разумному развитию энергосберегающих и природоохранных отраслей¹⁶.

ЭВОЛЮЦИЯ И ДИЛЕММА ГЛОБАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ПРОБЕЛЫ В ДЕЙСТВИЯХ

Глобальное сотрудничество и усилия в решении экологических проблем привели к впечатляющим результатам. Отметим основные этапы сотрудничества анализируемого десятилетия (см. *таблицу*).

До подписания Парижского соглашения в 2015 г. страны Европы и Америки еще не полностью отказались от своего лидерства в системе и дискурсе глобального управления климатом и сотрудничества в области устойчивого развития и часто рассматривали свои стратегии устойчивого развития (такие как Киотский протокол и целевые показатели по сокращению выбросов углерода) как инструменты сохранения собственных преимуществ и ограничения развития других. Признание и обвинения Китая в качестве крупнейшего в мире источника выбросов парниковых газов направлены прежде всего на развивающиеся страны, стимулируя их к принятию ответственности за сокращение выбросов и навязанной финансовой помощи, игнорируя при этом совокупно более высокие выбросы на душу населения в развитых странах [17]. Это подчеркивает трудности, с которыми сталкивается принцип «общей, но дифференцированной ответственности» в глобальном управлении климатом.

Россия позиционирует себя как представитель альтернативной модели, основанной на теории «ноосферы» Вернадского, и подчеркивает гармоничное сосуществование с природой и глобальное единство человечества [4].

Между европейскими и американскими странами также часто обостряется борьба за лидерство в вопросах региональных и даже глобальных стратегий и политики в области изменения климата. Результаты выборов в Европейский парламент 2024 г., прези-

дентских выборов в США и итоги 29-й Конференции сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (КС-29), состоявшейся в Баку (Азербайджан), наглядно демонстрируют, что после пика глобальной «зеленой волны» около пяти лет назад — еще одного золотого века в более чем полувековой истории политики зеленых партий — мировой экономической и политический ландшафт сместился в сторону фрагментированной и поляризованной конкурентной среды.

По одну сторону Атлантики Европа увязла в региональном военном конфликте, а по другую — Соединенные Штаты вновь угрожают выйти из Парижского соглашения. По крайней мере, с точки зрения европейских и американских интересов и потребностей стратегическое сокращение в области глобального климатического и экологического сотрудничества представляется неизбежным. Это напрямую повлияет на систему международного сотрудничества в области управления охраной окружающей среды и даже на политический консенсус, сложившийся с начала 1990-х гг. [17, 18].

Хотя существующие институты и механизмы (ежегодные совещания Конференции) функционируют, по всей видимости, нормально, институциональная структура глобального сотрудничества в области экологического управления и лежащий в его основе «зеленый» политический консенсус сталкиваются с беспрецедентными структурными вызовами и трудностями. Это обусловлено не только внутренней политической конкуренцией в Европе и Соединенных Штатах, но и быстрыми структурными изменениями в современной международной политической и экономической ситуации.

Важно понимать, что страны всего мира должны воспользоваться этой возможностью для последовательного продвижения реформ в системах и политике международного управления. Им также необходимо последовательно подавать пример эффективного экологического управления и экологического развития в своих собственных странах, что станет значительным вкладом в глобальное экологическое управление и устойчивое развитие.

ВЫВОДЫ

Глобальное экологическое развитие в течение последнего десятилетия демонстрирует неоднозначную тенденцию: наблюдается углубление климатического кризиса и трансформация моделей управления, расширяется применение «зеленых» технологий и повышается уровень корпоративной ответственности, однако реализация междуна-

¹⁶ Макарова К.К. «Зеленое» налогообложение как инструмент финансовой стимуляции экологически чистых технологий. Москва: ВШЭ; 2025. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/1047837859>

Развитие глобального экологического сотрудничества, 2014–2024 гг. / Development of global environmental cooperation, 2014–2024

Этап / Stage	Результаты / Results
Переговоры и подписание правовой основы глобального соглашения	<p>2014 г. Климатический саммит ООН в Нью-Йорке подчеркнул важность глобального сотрудничества в области сокращения выбросов.</p> <p>2015 г. Подписано Парижское соглашение (КС-21), в рамках которого 195 стран достигли исторического соглашения об ограничении глобального потепления на 1,5°C; ООН приняла Повестку дня в области устойчивого развития, установив 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) [15].</p> <p>2016 г. Парижское соглашение официально вступило в силу, установив определяемые на национальном уровне вклады (ОНВ) – первую единую глобальную рамочную программу сокращения выбросов</p>
Национальные меры реагирования на «Новый зеленый курс», введение цен на углерод	<p>2017 г. США объявили о выходе из Парижского соглашения, что создало неопределенность относительно сотрудничества, в то время как другие страны продолжали выполнять свои обязательства; опубликован проект Европейского закона о климате, законодательно закрепляющий политическую цель – достижение углеродной нейтральности к 2050 г.</p> <p>2018 г. Специальный доклад МГЭИК о глобальном потеплении на 1,5 °C подчеркнул необходимость срочного составления углеродных бюджетов и положил начало переосмыслению политики.</p> <p>2019 г. Предложен Европейский зеленый курс^а, запустивший Закон об углеродной нейтральности и механизм СВВАМ (пограничного налога на выбросы углерода)</p>
Объявление обязательств по достижению углеродной нейтральности, развитие зеленого финансирования; переориентация на сохранение биоразнообразия	<p>2020 г. Китай объявил^б о достижении пикового уровня выбросов углерода к 2030 г. и углеродной нейтральности к 2060 г.; Япония представила Стратегию зеленого роста с целью достичь углеродной нейтральности к 2050 г. и построить «общество с нулевым уровнем выбросов углерода»^с.</p> <p>2021 г. США поставили цель создать энергетическую систему с нулевым уровнем выбросов углерода к 2035 г., что является ключевым компонентом их цели по сокращению выбросов углерода на 50–52% к 2030 г. и достижению нулевых чистых выбросов к 2050 г. [16].</p> <p>На конференции COP26^д 2021 г. сформулированы: постепенный отказ от угля и обязательства по сокращению глобальных выбросов метана.</p> <p>2022 г. Принята Глобальная рамочная программа^е Куньмин-Монреаль по биоразнообразию, устанавливающая цель обеспечить защиту 30% суши и океана к 2030 г.</p>
Глобальная оценка климатического аудита и региональных углеродных барьеров	<p>2023 г. На Конференции ООН по климату КС-28 впервые принято заявление о «постепенном отказе от ископаемого топлива», а также достигнут консенсус по вопросу утращения доли возобновляемых источников энергии; Глобальный рынок углерода расширился (включая национальный рынок углерода Китая), при этом многие страны усилили механизмы ценообразования и торговли квотами на выбросы углерода, а также способствовали развитию «зеленого» финансирования.</p> <p>2024 г. На Конференции ООН по климату КС-29 представлен первый глобальный обзор углеродного кадастра, ООН начала оценку реализации Парижского соглашения и разработку целевых показателей на период после 2025 г.</p>

Источник / Source: составлено авторами / Compiled by the authors.

Примечание / Note: ^аURL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019–2024/european-green-deal_en;

^б<https://www.thewirechina.com/2026/03/08/chinas-climate-focus-is-shifting-from-carbon-cuts-to-green-tech-dominance/>;

^с<https://www.huawei.ru/upload/iblock/62a/62ae475a0d87eaab63e8ec64392703d6.pdf?ysclid=movlm7itbs226299657>;

^д<https://www.vedomosti.ru/esg/news/2021/11/16/896020-na-cop26-v-glazgo-prinyali-kompromissnoe-reshenie-po-klimatu>;

^е<https://www.fao.org/biodiversity/kunming-montreal-global-biodiversity-framework/ru>

родных мер существенно замедлена. Несмотря на усиление глобального изменения климата и серьезную потерю биоразнообразия, развитие чистой энергетики и усиление экологической политики способствует улучшению состояния окружающей среды.

Период 2014–2024 гг. ознаменовался глубоким сдвигом в глобальном экологическом управлении — от «мягких обязательств» к «жесткой подотчетности», что отразилось в развитии жестких экономических инструментов, таких как Механизм корректировки граничных выбросов углерода (СВАМ)¹⁷, в переходе учета природного капитала от концепции к практике и усилению

экологического регулирования с помощью технологий дистанционного зондирования. Однако его несправедливость также спровоцировала новую глобальную конкуренцию.

В нынешней глобальной гонке за достижение цели «нулевых выбросов» интересы стран по-прежнему существенно расходятся. Изменение климатической стратегии стран Запада обусловлено прежде всего конкуренцией за лидерство в области климатического управления. Китай и Россия оказали значительное влияние на поток глобальных «зеленых» технологий, капитала и правил своей «зеленой революцией».

Следующее десятилетие (2024–2034) будет решающим. Достижение целей Парижского соглашения зависит от того, смогут ли правительства, бизнес и граждане во всем мире воплотить свои обязательства в конкретные действия.

¹⁷ Carbon Border Adjustment Mechanism. URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/carbon-border-adjustment-mechanism_en

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Mejía Ochoa F. J., Hernández Salinas G., Rojas Martínez J. C., Rosas Leyva M. A. Evolution and trends in the circular economy: A meta-analysis from 2018 to 2024. *Renewable Energy Biomass & Sustainability*. 2024;6(1):57-70. URL: <https://doi.org/10.56845/rebs.v6i1.98>
- Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Устойчивое развитие, глобальное сознание и ноосферная история. *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017;3(10):76-82. URL: <https://elibrary.ru/zqsyoh>
Smirnov G. S., Smirnov D. G. Sustainable development, global consciousness and noospheric history. *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*. 2017;3(10):76-82. URL: <https://elibrary.ru/zqsyoh> (In Russ.).
- Шувалова О. В., Стоянова М.-Й. Достижения Дании и Германии в области перевода своих экономик с ископаемых на альтернативные источники энергии. *Вестник РУДН. Серия: Экономика*. 2020;28(2):315-333. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-2-315-333>
Shuvalova O. V., Stoyanova M. Successes of Denmark and Germany in the field of transfer of its economies from fossil to alternative energy sources. *RUDN Journal of Economics* 2020;28(2):315-333. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-2-315-333>
- Pamula V. Green energy is a panacea for global warming. *International Journal of Advanced Research*. 2024;2(11):1025-1029. URL: <https://dx.doi.org/10.21474/IJAR01/19914>
- Цао Ц. Анализ потребительского поведения на рынке электромобилей с точки зрения новых качественных производительных сил. *Advances in Social Sciences*. 2024;13:640.
曹子豪. 新质生产力视角下的电车消费者行为分析[J]. *Advances in Social Sciences*. 2024;13:640.
Cao Zihao. Analysis of electric car consumer behavior from the perspective of new quality productivity. *Advances in Social Sciences*. 2024;13:640. (In Chinese).
- Асадова Г. А., Гасанов В., Суваров Н. Анализ роли перехода к зеленой энергетике в борьбе с изменением климата. *Вестник науки*. 2025;12(93)3:2116-2123. 2025. URL: <https://vestnik-nauki.com/article/27745>
Asadova G. A., Hasanov V., Suvarov N. Analysis of the role of the transition to green energy in combating climate change. *Bulletin of Science*. 2025;12(93)3:2116-2123. 2025. URL: <https://vestnik-nauki.com/article/27745> (In Russ.).
- Лаврова О. Ю., Митягина М. И., Костяной А. Г. Спутниковые методы выявления и мониторинга зон экологического риска морских акваторий: монография. Москва; 2016. URL: <https://elibrary.ru/xxtfln>
Lavrova O. Yu., Mityagina M. I., Kostyanoy A. G. Satellite methods for identifying and monitoring marine environmental risk zones: monograph. Moscow; 2016. URL: <https://elibrary.ru/xxtfln> (In Russ.).

8. Jiao Z. The application of remote sensing techniques in ecological environment monitoring. *Highlights in Science Engineering and Technology*. 2024;81:449-455. URL: <https://doi.org/10.54097/7dqegz64>
9. Лю Илян, Чжан Цзин, Ван Сысы и др. Обзор «Ежегодного доклада о мониторинге глобальной экологической среды с помощью дистанционного зондирования»: 2012-2021. *Журнал дистанционного зондирования*. 2022;26(10):2106-2120.
刘一良, 张景, 王丝丝, 等. “全球生态环境遥感监测年度报告” 回顾: 2012-2021[J]. *遥感学*. 2022;26(10):2106-2120.
Liu Yiliang, Zhang Jing, Wang Sisi, et al. Review of the “Global Ecological Environment Remote Sensing Monitoring Annual Report”: 2012-2021. *Journal of Remote Sensing*. 2022;26(10):2106-2120. (In Chinese).
10. Arthur J.F., Stokes C.R., Jamieson S., Carr R., Leeson A.A., Verjans Vincent. Large interannual variability in supraglacial lakes around East Antarctica. *Nature Communications*. 2022;13(1):1711. <https://www.nature.com/articles/s41467-022-29385-3>. URL: <https://doi.org/10.1038/s41467-022-29385-3>
11. Коданева С.И. Смягчение последствий изменения климата: проблемы выработки эффективного механизма правового регулирования. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право*. 2021;3:49-66. URL: <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2021.03.04>
Kodaneva S.I. Mitigation of the effects of climate change: problems of developing an effective mechanism of legal regulation. *Social sciences and humanities. Russian and foreign literature. Series 4: State and Law*. 2021;3:49-66. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.31249/rgpravo/2021.03.04>
12. Рагхав Дж.С., Вуколов А.Н., Крупнов В.А., Жаров А.Н. Республика Перу. Аграрный сектор экономики (проблемы, перспективы): монография. Москва: Нефть и газ; 2015.
Raghav J.S., Vukolov A.N., Krupnov V.A., Zharov A.N. Republic of Peru. Agricultural sector of the economy (problems, prospects): the monograph. Moscow: Oil and Gas; 2015. (In Russ.).
13. Faccioli M., Zonneveld S., Tyler C.R., et al. Does local Natural Capital Accounting deliver useful policy and management information? A case study of Dartmoor and Exmoor National Parks. *Journal of Environmental Management*. 2023;327(1):116272. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2022.116272>
14. Ван Цун, Фань Цыгуй. Анализ системы зеленого налогообложения в Китае. *Финансы*. 2024;14(2):426-431.
王聪, 范子贵. 对我国绿色税收制度的探析[J]. *金融*. 2024;14(2):426-431.
Wang Cong, Fan Zigui. An analysis of my country's green tax system. *Finance*. 2024;14(2):426-431. (In Chinese).
15. Акаев А.А. Глобальное потепление климата и его влияние на тенденции в мировой политике, экономике и энергетике. *История и современность*. 2023;4(50):32-68. URL: <https://doi.org/10.30884/iis/2023.04.02>
Akayev A.A. 2023. Global warming and its impact on trends in world politics, economics and energy. *History and Modernity*. 2023;4(50):32-68. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.30884/iis/2023.04.02>
16. Ли Ланьчунь, Лю Цин, Чэнь Вэй и др. Деконструкция и сравнительное исследование стратегии США в области чистой энергии на новом этапе. *Бюллетень Китайской академии наук*. 2024;39(8):1348-1364.
李岚春, 刘清, 陈伟, 等. 新阶段美国清洁能源战略解构与比较研究[J]. *中国科学院院刊*. 2024;39(8):1348-1364.
Li L., Liu Q., Chen W., et al. Deconstruction and comparative study of the US clean energy strategy in the new stage. *Bulletin of the Chinese Academy of Sciences*. 2024;39(8):1348-1364. (In Chinese).
17. Лю Чжаопу, Яо Люян, Хуай Цзяфань. Исследование внутренней логики и теоретического построения механизма учета природного капитала и реализации стоимости экологической продукции. *Журнал пространственно-временной информации*. 2024;31(5):652-665.
柳昭璞, 姚柳杨, 槐佳凡. 自然资本核算与生态产品价值实现机制的内在逻辑及理论建构研究[J]. *时空信息学报*. 2024;31(5):652-665.
Liu Z., Yao L., Huai J. Research on the internal logic and theoretical construction of natural capital accounting and ecological product value realization mechanism. *Journal of Space-Time Information*. 2024;31(5):652-665. (In Chinese).
18. Хуань Цинчжи. Реальные дилеммы глобального сотрудничества в области экологического управления и стратегический выбор Китая. *Вопросы современного мирового социализма*. 2025(01):128-137.
郇庆治. 全球环境治理合作的现实困境与中国战略选择[J]. *当代世界社会主义问题*. 2025(01):128-137.
Xun Qingzhi. The realistic dilemma of global environmental governance cooperation and China's strategic choice. *Contemporary World Socialist Issues*. 2025(01):128-137. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Лю Ин — аспирант Юридического института кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Liu Ying — PhD student Law Institute, Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0009-1529-4770>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

ly6086805@163.com

Сергей Александрович Степанов — доктор исторических наук, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Sergey A. Stepanov — Dr. Sci. (Hist.), Prof. of the Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-4682-0445>

Stepanov-sa@pfur.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.11.2025; после рецензирования 12.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 10.11.2025; revised on 12.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.